
Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 4

Выходит 5 раз в год

2012

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 4

Issued 5 times a year

2012

Series «History and Political Sciences»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф.м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коничев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.п.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф.м.н., проф. МГТУ им. М.Л. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolyubov – member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukan University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волубуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.;
Фукс А.Н. – к.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к. полит. н., доц.; **Дж. Гонзалес**, доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия);
Могильницкий Б.Г. – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск); **Протасов Л.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов); **Наталици М.** – доктор наук (университет Сиена, Италия); **Воронин С.А.** – д.и.н., проф. (РУДН, Москва)

Editor-in-chief :
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor;
V.N. Zakharov, Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González**, Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University; Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University; Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science (University of Siena, Italy); **S. Voronin** – Doctor of History, Professor (People's Friendship University of Russia).

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 4. – М.: Изд-во МГОУ. – 178 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № **ФС77-26139**

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36765**

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences ». – 2012. – № 4. – М.: MSRU Publishing house. – 178 p.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № **ФС77-26139**

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36765**

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Панасюк В.В. Землеустроительная деятельность Крестьянского поземельного банка в годы столыпинской аграрной реформы (по материалам Калужской губернии).....	7
Соломатина Е.И. Историки США о советско-американских торгово-экономических отношениях 1917-1933 гг.	13
Варшавский Д.И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне	18
Красноженова Е.Е. Негосударственная форма торговли в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья)	23
Горностаев А.В. Первая чеченская кампания 1994-1996 гг. глазами английских и американских военных корреспондентов	27

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, Средних веков и Нового времени

Коровчинский И.Н. Иерархия культовых объектов в храме Окса в Тахти-Сангине.....	37
Фирсов М.В. Исторические тенденции становления профессиональной социальной работы во Франции на рубеже XIX – XX вв.	46
Машкин М.Н. К вопросу о вторжении в Бельгию в планах подготовки войны в начале XX века.....	50

Новейшая история

Жиляков И.Г. Конституционно-правовой статус, структура и компетенция парламента в Первой Австрийской Республике	53
Жиляков И.Г. Из истории аншлюса	59
Еремеев А.А. Место «мюнхенского стовора» в международных отношениях в Европе в конце 30-х гг. XX в.....	64

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Захаров В.Н. Основные направления внешнеэкономических связей России в XVIII веке ...	70
Монякова О.А. Участие православной Церкви и земства в становлении начального народного образования в российской провинции (1864-1884): опыт взаимоотношений	78
Колоухин С.О. Православные братства как попечители малоимущих учащихся духовных школ Московской епархии (последняя треть XIX – начало XX вв.)	86
Раздольский С.А. Модернизационные процессы в адыгской культуре. Конец XIX – начало XX в.	92
Зевелева Е.А., Третьякова Н.М., Шерстянников Н.А. Черносотенные организации Российской империи: история и современность	98
Предигер Б.И. Развитие немецкого школьного образования в Российской империи: на материале Саратовской губернии в начале XX в.	103

Кукиль Н.В. Влияние экономических факторов на принятие российской правящей элитой политических решений в отношении Германии накануне Первой мировой войны	109
Захаров Г.В. Значение семьи в становлении либерального самосознания В.И Вернадского. (По материалам эпистолярного наследия)	115

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Андреева А.В. Исторический аспект традиции и новаторства в современной церковной фреске. Введение имен художников-монументалистов в круг искусствознания.....	123
Захарова Л.Б. Моральная цена конфликта власти и церкви в России в 1920-е гг.	129
Родин А.М. «Великий перелом» 1929-го в системе Наркомпроса	134
Горлов В.Н. Коммунальный образ жизни в послевоенной Москве и асоциальное поведение	143
Чернявский А.В. Советско-китайский пограничный конфликт 1969 г. в общественном мнении граждан СССР	150
Юзмухаметов Р.Н. Из истории становления научной школы отечественной алмазной геологии.....	156

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Артамонов С.С. Дискуссия вокруг религиозных учебных дисциплин как показатель отношения российского общества к Церкви	162
Панов А.И. Государственная политика Российской Федерации в сфере туризма: проблемы и пути решения.....	166
Рудакова Е.Н. Государственная образовательная политика: этапы становления и современное состояние	170
НАШИ АВТОРЫ	176

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

V. Panasyuk. Zemleustroitelny activity of Country land bank in days of a Stolypin agrarian reform of 1906-1917 (based on materials of the Kaluga province)	7
E. Solomatina. Historians of the USA about the Soviet-American trade and economic relations in 1917-1933.....	13
D. Varshavski. Memoirs, war diaries and letters as a historical source for studying the Soviet soldiers' way of life at the front during the Great Patriotic War.....	18
E. Krasnozhenova. Not-governmental form of trade during the Great Patriotic war (On materials of the Lower Volga region).....	23
A. Gornostaev. First Chechen Campaign of 1994-96 through the eyes of British and American war correspondents	27

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

I. Korovchinskiy. Hierarchy of cult objects in the Oxus Temple at Takhti-Sangin	37
M. Firsov. The historical tendencies of professional social work formation in France at the turn of the 19-20 centuries.....	46
M. Mashkin. To the question of invading Belgium as a part of preparations for the war at the beginning of the XXth century.....	50

Contemporary history

I. Zhiryakov. The first republic of Austria parliament's constitutional-legal status, its structure and competence	53
I. Zhiryakov. From the history of Anschluss.....	59
A. Ereemeev. The place of the Munich Agreement in international relations of European countries in the end of the 1930s.....	64

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

V. Zakharov. The main trends of external economic relations of Russia in the XVIIIth century	70
O. Monyakova. The participation of the Orthodox Church and the Zemstvo in the formation of an elementary public education in Russian provinces (1864-1884): experience of mutual relation.....	78
S. Koloukhin. The orthodox brotherhoods as the trustees of the poor pupils of the theological schools of the Moscow diocese (the last third of XIXth – the beginning of the XXth centuries)	86
S. Razdolsky. Modernization processes in the Adyghe culture. End of XIX – beginning of XX.....	92
E. Zeveleva, N. Tretyakova, N. Sherstyannikov. The Black-Hundred organizations of the Russian empire: History and the present	98
B. Prediger. The development of German school education in the Russian empire: on the early XX-th century materials from Saratov Province.....	103

N. Kukil. Influence of economic factors on the Russian ruling elite's political decision-making concerning Germany on the eve of World War I	109
G. Zakharov. role of family in the process of forming V.I. Vernadsky's liberal consciousness (based on epistolary heritage).....	115

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

A. Andreeva. The historical aspect of tradition and innovation in contemporary church fresco. Introduction of monumental artists' names into art history	123
L. Zakharova. The moral price of conflict between the power and the Church in Russia in the 1920's.....	129
A. Rodin. «Great turning point» of 1929 in the system of the people's commissariat of education.....	134
V. Gorlov. Communal way of living in post-war Moscow and asocial behaviour	143
A. Cherniavsky. The Sino-Soviet boundary conflict of 1969 through the soviet public opinion.....	150
R. Yuzmukhametov. From the history of the establishment of Russian scientific school of diamond geology.....	156

SECTION V. POLITOLOGY

S. Artamonov. Discussion of religious school subjects as an indicator of Russian society's attitude to the Church	162
A. Panov. The Russian federation's national policy in tourism: problems and their solution	166
E. Rudakova. State educational policy: stages of formation and current state	170
OUR AUTHORS	176

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 338.43.02 19 (091)

Панасюк В.В.

*Российский государственный аграрный университет
- МСХА им. К.А. Тимирязева (г. Москва)*

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

V. Panasyuk

*Russian State Agrarian University - MTA
named after K.A. Timiryazev, Moscow*

ZEMLEUSTROITELNY ACTIVITY OF COUNTRY LAND BANK IN DAYS OF A STOLYPIN AGRARIAN REFORM OF 1906-1917 (BASED ON MATERIALS OF THE KALUGA PROVINCE)

Аннотация. В настоящей статье рассматривается деятельность Калужского отделения Крестьянского поземельного банка в годы столыпинских аграрных преобразований. Автор изучает основные направления работы кредитного учреждения по созданию единоличных хозяйств в регионе, приводятся статистические данные о количестве хуторских и отрубных участков. Уделяется внимание вопросам платежеспособности заемщиков, динамике цен для покупателей земли при посредстве Крестьянского банка. Применяя методы исследования, автор показывает влияние банковской ипотеки на индивидуализацию крестьянских хозяйств Калужской губернии.

Ключевые слова: Крестьянский поземельный банк, столыпинская аграрная реформа, историография, банковский земельный запас, посредническая деятельность, хутор.

Abstract. The article considers the activity of the Kaluga office of the Peasants' Land Bank during the period of Stolypin's agrarian reforms. The author studies the main directions of this credit institution's work on creating individual farms in the region. The statistical data on the amount of the homestead plots are provided. The attention is paid to the questions of the borrowers' solvency and the dynamics of prices for those who bought plots through the agency of the Peasants' Land Bank. Through the research methods the author shows the influence of the Bank mortgage on the individualization of the Kaluga province farms.

Key words: The Peasants' Land Bank, Stolypin's agrarian reform, historiography, bank land stock, intermediary activity, homestead.

Настоящая эпоха характеризуется бурным ростом интереса к историческому прошлому нашей страны. В период масштабных трансформаций, переживаемых современной Россией, необходимо осмыслить опыт решения земельного вопроса в начале XX в. Особый исследовательский интерес в этой связи представляет анализ столыпинской аграрной реформы 1906 –

1917 гг. Опыт сходной ситуации, имевшей место столетие назад, ставит перед обществом вопрос о востребованности столыпинского наследия.

Аграрные преобразования носили комплексный характер, состоявший из нескольких направлений: укрепление наделов в личную собственность, землеустройство, переселение и т. д. Целью этих мероприятий было создание в России целого слоя крепких земельных собственников. В этой системе отдельное место занимал Крестьянский поземельный банк, который играл большую роль в мероприятиях правительства по решению аграрно-крестьянского вопроса. В начале XX в. происходил постепенный переход от выполнения им функции пассивного инструмента консервации существовавшей системы поземельных отношений в 1880 – 1890-е гг. к активному его вмешательству в процесс перестройки земельных отношений в период столыпинской аграрной реформы [21, с. 363].

Историография деятельности Крестьянского поземельного банка в период столыпинских аграрных преобразований охватывает три этапа – дореволюционные исследования, работы советского периода и современные труды. Так, в 1910 г. появилась работа А.Н. Зака, где прослеживается история развития Крестьянского банка с момента его возникновения и к началу XX в. Автор подробно остановился на эволюции роли кредитного учреждения в реализации правительственных программ – от коллективных групп заемщиков до покровительства отдельным домохозяевам в покупке земли в единоличную собственность. По мнению исследователя, в годы столыпинской аграрной реформы банк отвечал корпоративным интересам помещного дворянства, нередко в ущерб нуждам крестьянства [20].

Советские историки сохранили в качестве приоритетных обозначенные ранее выводы. основополагающей осталась точка зрения, согласно которой банк действовал исключительно в интересах дворянства. По их мнению, новая аграрная политика правительства связывалась с насаждением хуторских и

отрубных хозяйств посредством кредитного учреждения. Банк содействовал росту цен, обременяя бюджет домохозяев, увеличивая недоимки заемщиков, что усугубляло разрешение аграрного вопроса. В конечном счете, эта позиция советских исследователей приняла уже догматическую форму [18; 19]. В 1958 г. была опубликована статья Д.А. Щербакова, в которой представлены итоги развития столыпинской аграрной реформы на территории Калужской губернии. В ней упоминалось о деятельности Крестьянского банка с традиционными оценками советских историков. Вместе с тем заключения автора не подкреплялись соответствующими источниками, что снижает научную ценность работы [23].

В постсоветский период историографии выделим работу местного исследователя А.А. Фомина, который изучал статистику продажи земли при посредстве Калужского отделения Крестьянского банка за период 1910 – 1913 гг. Это было первое небольшое исследование на основе опубликованных материалов Калужского губернского статистического комитета [22]. В 2002 г. вышла монография Н.А. Проскуряковой «Земельные банки Российской империи», где приводятся обобщающие статистические сведения о деятельности Крестьянского банка за весь период его существования. Автор отводит банку самую значимую роль в развитии бессословного капиталистического землевладения в России. В годы столыпинского землеустройства деятельность банка была направлена на формирование в крестьянском сознании чувства собственности к земле [21].

Цель данной статьи – изучить землеустроительную деятельность Крестьянского поземельного банка в Калужской губернии в комплексе аграрных преобразований 1906 – 1917 гг. на основе широкого круга исторических источников. Основными материалами для написания работы послужила впервые введенная в научный оборот делопроизводственная документация фонда 61 Калужского отделения Крестьянского поземельного банка Государственного архива Калужской области. Здесь находятся статистические

данные о ходе ликвидации земельного запаса, динамике посреднических операций по покупке домохозяевами помещичьих земель, осуществлении ссудных операций для различных категорий заемщиков, сведения о недоимках крестьянских дворов. В фонде 575 – Калужской губернской землеустроительной комиссии, обнаружены отчеты о земельном обеспечении заемщиков банка. Дополняют эти данные материалы статистических обзоров Калужской губернии, где приводятся краткие годовые отчеты о работе местного отделения банка. Вместе с тем были использованы и официальные отчетные сведения Крестьянского поземельного банка, а также непосредственно издания самого банка, освещающие его целенаправленную работу по кредитованию сельского населения в России.

Крестьянский поземельный банк был учрежден в 1882 г. Район действий каждого его отделения совпадал с одной из административных единиц, губернией или областью [21, с. 295-296]. Калужское отделение Крестьянского поземельного банка было открыто летом 1886 г. [10]. С этого времени начинается кредитование местных домохозяев на приобретение частновладельческих земель. Так, к 1903 г. калужскими крестьянами при посредстве банка было приобретено 17% земли, перешедшей к ним в частную собственность. Ссуды назначались под залог приобретаемой крестьянами земли. Более 2/3 из них были предназначены для кредитования коллективных групп заемщиков (товарищества и сельские общества), остальная часть были выданы отдельным домохозяевам. По мнению администрации банка, система круговой поруки должна была обеспечивать своевременную выплату причитающихся платежей и не допускать увеличения недоимок крестьянских дворов. Поэтому кредитное учреждение в первую очередь выдавало ссуды коллективным категориям заемщиков [4, с. 55, 63, 71].

С 1895 г. Крестьянскому поземельному банку были разрешены операции по покупке земли за свой счет, что способствовало формированию банковского землевладения [22, с. 96]. На 1 января 1907 г. земельный запас

Калужского отделения Крестьянского поземельного банка насчитывал 9 имений площадью 8571 десятин земли¹. Такой объем земли предназначался для распродажи крестьянам на основаниях, соответствующим землеустроительным целям правительства в условиях новой аграрной реформы.

Согласно указу от 4 марта 1906 г. землеустроительные комиссии принимали участие в нескольких операциях Крестьянского банка. Во-первых, в покупке Крестьянским банком имений за свой счет и их последующей перепродаже (ликвидации), во-вторых, в приобретении крестьянами земель у частных владельцев при содействии банка [11, с. 111]. В 1907 г. для проведения ликвидации купленных Крестьянским банком имений были образованы его временные отделения. Калужская губерния в октябре этого года вошла в район деятельности пятого отделения. Выработка плана разбивки имений и их распродажа была поручена временным отделениям, в состав которых входили особые лица – ликвидаторы [1]. Это мероприятие, получившее название «ликвидационная деятельность банка», проводилось в тесном взаимодействии и сотрудничестве с землеустроительными комиссиями. Для размежевания земель в местные отделения банка были командированы землемеры землеустроительных комиссий и межевые техники из состава штатных чиновников отделений банка². Наибольшая площадь ликвидируемых земель в Калужской губернии относится к 1907 – 1908 гг. Это связано с наиболее активной деятельностью банка по приобретению и перепродаже земель в этот период. В последующие годы – значительно меньше. Большая часть подлежащих ликвидации земель отводилась под хуторские и отрубные участки, остальные – коллективным заемщикам [6, с. 25; 12, с. 83; 13, с. 38; 14, с. 27].

Продолжалось формирование правовой базы для деятельности банка в новых условиях. Так, инструкцией 19 февраля 1908 г. ре-

¹ Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 61. Оп. 2. Д. 415. Л. 249.

² ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 415. Л. 247об.

гулировались правила и приемы подготовки банковских земель, порядок их последующей распродажи [5, с. 27]. В Калужской губернии с 1909 г. приоритеты в выделении ссуд для приобретения банковских земель стали отдаваться индивидуальным заемщикам. Если в 1907 г. основными покупателями в Калужской губернии являлись товарищества и сельские общества, то в 1912 г. банк фактически полностью перешел к обслуживанию операций с единоличными покупателями. Так, в этом году с ними было заключено 99% всех сделок и продано 89% земли из имений банка [15, с. 30]. В целом наибольшее число единоличных покупателей в Калужской губернии приходилось на 1909 – 1914 гг. Очевидно, что деятельность местного отделения Крестьянского банка была неразрывно связана с происходившей в России аграрной реформой П.А. Столыпина [13, с. 39; 14, с. 27; 15, с. 30; 16, с. 32; 17, с. 50].

Образовавшийся значительный банковский земельный фонд Калужской губернии не пользовался активным спросом со стороны местных крестьян, связанных с поземельной общиной. Для разрешения этого вопроса администрация Калужского отделения банка с осени 1909 г. выступила в качестве организатора переселения домохозяев и членов их семей из западных и юго-западных областей страны. Достигалось это как за счет продажи банковских земель домохозяевам, так и при посреднических операциях на покупку частновладельческих земель [3, с. 54]. Уже в 1910 г. площадь приобретенной банковской земли единоличными покупателями увеличилась более чем в два раза по сравнению с предыдущим годом. Начиная с этого времени, переселенцы-домохозяева становятся основными клиентами банка¹. Всего же за трехлетний период (1911 – 1913 гг.) переселились на территорию Калужской губернии с целью приобретения земли 1057 домохозяев [7, с. 199; 8, 170; 9, с. 167].

Одной из основных операций Калужского отделения Крестьянского поземельного банка в этот период была выдача ссуд домо-

хозяевам на покупку земли по соглашению с частными продавцами-помещиками. Так, в течение 1910 – 1914 гг. проданная индивидуальным заемщикам под хуторские и отрубные участки земля составила более 2/3 земельной площади всех посреднических сделок. Наибольшая часть земли была приобретена крестьянами в 1911 и 1913 гг. – более 11 тысяч десятин. Таким образом, Крестьянский поземельный банк наращивал свою посредническую деятельность [16, с. 33].

Превращение банка в наиболее крупного покупателя земли в стране позволяет обратиться к вопросу о колебаниях земельных цен. Из данных Калужского отделения за период 1907 – 1914 гг. следует, что средние цены одной десятины земли, назначаемые Крестьянским поземельным банком, были постоянно ниже уплачиваемых домохозяевами при приобретении у частных владельцев (посредничество банка). Так, цена одной десятины земли при покупке участков из имений банка была в пределах от 75 до 101 руб., при посреднических операциях – от 108 до 117 руб². Разница была обусловлена тем, что при посреднических операциях банка доля продаж в единоличную собственность была немного выше, чем доля продаж земель из собственного запаса. Вместе с тем и средний размер единоличных владений, образованных на частновладельческих землях, был несколько выше, чем на банковских (19 десятин против 15).

Изучение земельного положения групп крестьян, которые покупали у банка хуторские и отрубные участки, имеет весьма важное исследовательское значение. Привлечение архивных материалов позволяет сформулировать определенные выводы по этому вопросу. Так, в отчете Перемышльской уездной землеустроительной комиссии 1907 – 1909 гг. приводятся следующие данные. Среди заемщиков были представлены все группы крестьянства. Однако покупка земли у банка в большей степени способствовала увеличению земельного обеспечения малоземельного и средnezемельного крестьянства. Так,

¹ ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 415. Л. 230.

² ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1574. Л. 27.

из 16 домохозяев безземельными являлись 2 крестьянских двора, 5 домохозяйств были малоземельными (до 6 десятин земли), 8 дворов – среднеземельными (от 6 до 15 десятин) и лишь один крестьянин был хорошо обеспечен землей (свыше 15 десятин). Это вполне соответствовало поставленной в годы аграрных преобразований перед Крестьянским поземельным банком стратегической задаче – формирование в российской деревне мелкой и средней частной земельной собственности¹.

Анализ исторических источников позволяет определить, что в период 1909 – 1913 гг. на хуторских участках наблюдались признаки, указывающие на жизнеспособность этих хозяйств и постепенное их упрочение. «По сравнению с недавним прошлым, несомненно, в новых хозяйствах замечается оживление и подъем», – заключалось в отчете Калужского отделения банка за 1913 г.² Так, на землях новоселов появились небольшие фруктовые сады, огороды, пасеки, улучшенные сельскохозяйственные орудия, часть домохозяев начали заниматься травосеянием³. Некоторые из них удобряли почву, покупали плуги и железные бороны, специализировались на молочном скотоводстве. Новоселы также улучшали возведенные постройки, окапывали рвами с обсадкой деревьев на границах участков [3, с. 63, 69, 71-73].

Процесс выдачи ссуд для крестьян-домохозяев ставит вопрос об исправности поступления причитающихся банку платежей. Наибольший размер банковской задолженности приходился на единоличных владельцев. На протяжении 1911 – 1913 гг. недоимки этой категории домохозяев составляли 1/3 всей суммы причитающихся для них платежей. Платежеспособность коллективных групп заемщиков была выше, однако почти 1/4 часть домохозяев нарушала выплаты платежей в установленные сроки⁴. В объяснительной записке отчета

местного отделения Крестьянского банка за 1911 г. подчеркивалось, что «около 45% отдельных домохозяев в Калужской губернии составляют переселенцы из других губерний, затратившие на переселение и на устройство своего нового хозяйства почти все свои наличные средства и временно поэтому испытывающие материальные затруднения»⁵. К тому же надо учитывать, что с покупкой участков платежеспособность индивидуальных заемщиков ослаблялась еще крупными расходами на приобретение рогатого скота и инвентаря. Списки неисправных крестьянских дворов с просьбами Калужского отделения банка о принятии необходимых мер для взыскания недоимок направлялись земским начальникам, а с ноября 1913 г. по предложению калужского губернатора к этой деятельности были подключены и уездные исправники⁶.

Всего при посредстве банка к 1 января 1914 г. в Калужской губернии было образовано 3118 единоличных хозяйств, из которых хутора составляли три четверти, отруба – четверть хозяйств. Доля единоличных хозяйств выглядела следующим образом: 16% – в Медынском, 15% – в Калужском, 13% – в Мосальском, 10% – в Жиздринском уездах. В остальных местностях губернии она была меньше 10%⁷.

С вступлением России в Первую мировую войну летом 1914 г. сократился спрос на покупку земли, значительно уменьшились все виды операций для клиентов банка, возрастали недоимки домохозяев. Несмотря на эти обстоятельства, землеустроительная направленность Калужского отделения банка продолжалась – основными заемщиками по-прежнему являлись отдельные домохозяева⁸. События Февральской революции 1917 г. работу Крестьянского поземельного банка приостановили, а полная ликвидация кредитного учреждения была осуществлена советской властью в декабре 1918 г. [2; 21, с. 363]

¹ ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 2. Л. 9-10.

² ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1154. Л. 150об.

³ ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1154. Л. 150об.

⁴ ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 415. Л. 230; Ф. 61. Оп. 1. Д. 1529. Л. 195.

⁵ ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 415. Л. 230 об.

⁶ ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 416. Л. 110-120, 313-313 об.

⁷ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1521. Л. 86-89, 93-98, 99-106, 107-112, 113-115, 117-119, 120-128, 130-134об, 136-142, 144-147, 148-150 об.

⁸ ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1573. Л. 124 об, 135.

Подводя итоги деятельности Калужского отделения Крестьянского поземельного банка в период столыпинского землеустройства, отметим следующее. Всего с 1907 по 1915 гг. из состава всего банковского фонда под хутора было отведено 54% площади, отруба – 31%, остальная часть – коллективным заемщикам. На долю единоличных владельцев приходилось 97% всех выданных ссуд, а общий объем приобретенной банковской земли составил 89%. Вместе с тем наибольшее количество заложенной земли приходилось на посреднические операции банка с индивидуальными заемщиками. Им было назначено более 2-х тысяч ссуд, в собственность которых перешло свыше 40 тысяч десятин земли¹.

Наибольшего масштаба по кредитованию сельского населения Калужской губернии деятельность банка достигла в период 1909-1913 гг., после чего пошла на убыль. В целом ипотека банка способствовала значительному расширению и укреплению частного крестьянского землевладения Калужской губернии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Известия Главного управления землеустройства и земледелия. - 1907. - 16 декабря.
2. Известия Министерства земледелия. - 1917. - 30 июля.
3. Карабанов Н. Переселение и расселение крестьян. – М.: Сытин, 1912. – 90 с.
4. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883-1904 гг. – СПб.: Суворин, 1906. – 131с.
5. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка по покупке и продаже земли за 1906-1910 гг. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1910.- 116 с.
6. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1907 год. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1909. – 597 с.
7. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1911 год. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. – 220 с.

8. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1912 год. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1913. – 183 с.
9. Отчет Крестьянского поземельного банка за 1913 год. – Пг.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. – 181 с.
10. Правительственный вестник.- 1886. - 29 июля.
11. Сборник законов и распоряжений по землеустройству (по июня 1908 г.). – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1908. – 1294 с.
12. Статистический обзор Калужской губернии за 1908 г. – Калуга: Типолитография губернского правления, 1909. – 83 с.
13. Статистический обзор Калужской губернии за 1909 г. – Калуга: Типолитография губернского правления, 1910. – 44 с.
14. Статистический обзор Калужской губернии за 1910 г. – Калуга: Типолитография губернского правления. 1911, – 28 с.
15. Статистический обзор Калужской губернии за 1912 г. – Калуга: Типолитография губернского правления. 1912, – 32 с.
16. Статистический обзор Калужской губернии за 1913 г. – Калуга: Типолитография губернского правления, 1915. – 34 с.
17. Статистический обзор Калужской губернии за 1914 г. – Калуга: Типолитография губернского правления, 1915. – 52 с.

Литература:

18. Батуринский Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. – М.: Новая деревня, 1925. - 142 с.
19. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. – М.: Издательство академии наук СССР, 1963. - 599 с.
20. Зак А.Н. Крестьянский поземельный банк (1883-1910 гг.). – М.: 1911.- 607с.
21. Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. – М.: РОССПЭН, 2002. - 520 с.
22. Фомин А.А. Землеустроительная деятельность Крестьянского поземельного банка в годы столыпинской реформы // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: тезисы докладов VII конференции 17-18 апреля 1997 г. – Калуга: Гриф, 1998.- С. 96-98.
23. Щербаков Д.А. Столыпинская аграрная реформа в Калужской губернии // Калужский краевед: сборник статей.- Калуга: Калужское книжное издательство, 1958. - С. 17-36.

¹ ГАКО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1573. Л. 129-130, 146.

УДК 33:94(470+7) "1917/1933"

Соломатина Е.И.

Московский государственный областной университет

**ИСТОРИКИ США О СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1917-1933 гг.**

E. Solomatina

Moscow State Regional University

**HISTORIANS OF THE USA ABOUT THE SOVIET-AMERICAN TRADE
AND ECONOMIC RELATIONS IN 1917-1933**

Аннотация. В данной статье проводится анализ американской историографии советско-американских торгово-экономических отношений. Освещены вопросы становления экономического сотрудничества СССР и США, выделены проблемы и барьеры, стоявшие на пути развития данных взаимоотношений, проанализирована политика советского правительства, благоприятствующая постепенному укреплению взаимосвязей между двумя странами. Автором выделяются основные проблемы и подходы в освещении данной темы, характерные для разных этапов развития американской историографии.

Ключевые слова: советско-американские экономические отношения, межгосударственные отношения, СССР, США, социалистический рынок, коммерческие кредиты, принцип государственной монополии.

Abstract. The article presents the analysis of the American historiography of the Soviet-American trade and economic relations. The author describes the questions of the formation of the economic cooperation between the USSR and the USA, singles out the problems and the barriers which obstructed the development of those mutual relations. Besides, the policy of the Soviet government favoring to gradual strengthening of the interrelations between the two countries is given. The author singles out the basic problems and approaches to depicting the given theme being characteristic for different stages of the American historiography development.

Key words: The Soviet-American economic relations, interstate relations, the USSR, the USA, the socialist market, commercial credits, principle of state monopoly.

Исследуя начальный этап истории советско-американских отношений, большинство исследователей США сходятся во мнении, что действия правительства Соединённых Штатов в тот период отрицательно сказались на развитии связей между двумя странами в последующие годы. Главную же причину подобной недальновидной политики администрации Вильсона, находившейся тогда у власти, американские учёные видят в неприятии большевизма, его идейных основ и реальной политики.

Однако, как считает ряд исследователей, до 1920 г. политика непризнания ещё не представляла собой последовательной, продуманной линии поведения одного государства по отношению к другому, а была «скорее произвольным ответом, чем рассчитанным решением» [3, 603]. Лишь с победой Красной Армии в Гражданской войне и упрочением Советской власти на всей территории страны правящие круги США пришли к осознанию необходимости выработки условий, оправдывающих их позицию по отношению к Советской России. Результатом стало опубликование ноты государственного секретаря Б. Колби, в которой обосновывались причины отказа США от признания правительства большевиков. Пожалуй, ни один американский историк не проходит мимо анализа этого документа, который рассматривается как «краеугольный камень» внешней политики Соединённых Штатов по отношению к нашей стране вплоть до 1933 г. [6, с. 73].

По мнению Дж. Ф. Кеннана, нота Колби явилась отражением явно идеологизированной, бескомпромиссной позиции администрации Вильсона. Кеннан отмечает, что в этой ноте

признаётся факт существования Советского государства и то, что США вынуждены считаться с данным фактом, но, с другой стороны, нота отвергает наличие какой бы то ни было сферы общих интересов [6, с. 152]. С подобным мнением согласен и автор книги «Признание России. Дилемма американской внешней политики» Э. Беннет, который считает, что нота Колби стала воплощением моралистического подхода к дипломатии, присутствующего как Вильсону, так и его преемникам [1, с. 42]. В целом не возражая против точки зрения Дж. Кеннана и Беннета, американская исследовательница Джоан Хофф Уилсон тем не менее указывает, что в ноте не затрагиваются вопросы торговли, царских долгов и национализированной собственности [11, с. 62]. Несмотря на то, что они в последующие годы неоднократно поднимались официальными лицами в Вашингтоне, то обстоятельство, что нота Колби не упоминает их, по мнению Уилсон, объясняется тем, что таким образом правящие круги США оставляли открытой дверь для будущих торговых отношений с Советским Союзом без формального признания.

Действительно ли государственный секретарь США не хотел исключать возможностей для развития взаимовыгодной торговли между двумя странами, или это всё же смелое допущение историка, сказать трудно. Но если права Уилсон, то следует отдать должное прозорливости Колби, ибо 1920-е гг. стали временем развития торгово-экономических отношений между СССР и США, многочисленных и интенсивных контактов американских деловых людей с большевистской Россией, или, говоря другими словами, эпохой «торговли без признания».

В работах учёных США, посвящённых истории советско-американских отношений в 1920-е гг., одной из центральных проблем, привлекающих внимание исследователей, становится проблема политических и идеологических факторов развития торгово-экономических связей между Советским Союзом и Соединёнными Штатами, являвшейся, по сути, главной формой взаимодей-

ствия двух стран на международной арене в тот период. В первые послевоенные годы в США было опубликовано несколько книг о советско-американских экономических отношениях и торговле [2, с. 68]. Приведённые в них цифры и факты служат убедительным подтверждением взаимных выгод от развития деловых связей между СССР и США. Американские историки отмечают ненормальность ситуации, когда довольно интенсивные контакты между двумя странами в экономической области происходили на фоне почти полного отсутствия дипломатических шагов навстречу друг другу. Они указывают на двойственность и противоречивость позиции официального Вашингтона, который, с одной стороны, не запрещал представителям бизнеса налаживать деловое партнёрство с большевиками, а с другой стороны, не только не стремился распространить это партнёрство на область политики, но и строил многочисленные препятствия на пути свободной и взаимовыгодной торговли двух стран в виде, например, отказа от предоставления СССР долгосрочных кредитов.

Исследователи пытаются доискаться до внутренних мотивов, которыми руководствовались правящие круги США, отстаивая целесообразность проводимой политики. Одни, как, например, Дж. Гэддис, считают, что в условиях провозглашённой ими свободы предпринимательства республиканцы не могли не учитывать желание американских бизнесменов воспользоваться выгодами обширного русского рынка, включив его в сферу своего влияния [4, с. 287]. Другие, и среди них Л. Гарднер, указывают на скрытые мотивы поведения вашингтонской администрации в лице одного из самых видных её деятелей, первоначально – министра торговли в правительствах Гардинга и Кулиджа, а затем и президента США – Герберта Гувера. Гарднер считает, что задача получения торговых и иных выгод от связей с Россией для Гувера как выразителя интересов правящих кругов Соединённых Штатов была второстепенной. Главной же его целью являлось установление американского господства в России, после

того как в ней произойдёт смена политического строя в результате перерождения Советской власти [5, с. 331]. С этим согласна и Дж. Уилсон, которая добавляет, что это изменение политического строя, по мысли политиков из республиканской партии, должно было бы произойти именно благодаря проникновению американского капитала в Советский Союз – в форме ли торговли, передачи технологии или «бескорыстной» помощи, как в период борьбы с голодом в 1921-1923 гг. [11, с. 112]. Кроме того, торговля рассматривалась как мощный рычаг давления на Советское правительство.

Таким образом, правящие круги США руководствовались следующими соображениями: уж если Советская власть существует на одной шестой части планеты, то волей-неволей иметь с ней дело придётся, ибо эта одна шестая часть представляет собой выгодный рынок сбыта и сферу приложения капитала, и было бы глупо уступать здесь место конкурентам из Англии и Германии. Но при этом надо сделать всё, чтобы сами Советы получили как можно меньше выгод от сотрудничества с американским капиталом, и даже переделать СССР по образу и подобию Соединённых Штатов.

Но было бы несправедливо, считают американские историки, всю ответственность за трудности на пути развития двусторонних отношений взваливать лишь на правительство США. Они отмечают большую гибкость и готовность к сотрудничеству, проявляемые Советским Союзом, отдают должное его стремлению идти на уступки, если того требуют насущные интересы, но при этом не устают критиковать правительство большевиков за приверженность идеям мировой революции, «подрывную» деятельность против законных правительств западных стран, осуществляемую через посредство Коминтерна, ограничения в хозяйственной жизни внутри страны. Всё это, по мнению учёных, не только способствовало росту враждебности в тех кругах, где питали недоверие к новому строю в России, но и отпугивало людей [4, с. 42], искренно стремящихся к сотрудничеству.

Нужно заметить, что тональность критики в адрес нашей страны зачастую зависит от идейной ориентации историка, его места в спектре политических пристрастий. Так, исследователи более консервативного толка склонны возлагать на Советский Союз вину за создание препятствий на пути взаимопонимания двух стран. Другие же, и среди них историки-«ревизионисты», считают лишь капитализм ответственным за трудности в советско-американских отношениях.

Причиной стремления Советского государства к сотрудничеству с Западом, и прежде всего с США, американские историки называют необходимость для нашей страны восстановления народного хозяйства, а затем и создание мощного индустриального потенциала, для чего важное значение имело освоение передовой технологии и обеспечение на первых порах промышленности и сельского хозяйства современным оборудованием. Соединённые Штаты представлялись идеальным партнёром в деле осуществления планов строительства развитой советской экономики – как самая мощная и богатая держава капиталистического мира в 1920-е гг.

В работах американских авторов подчёркивается значение сотрудничества с США в этот период для реализации планов создания экономики СССР. Так, по мнению Дж. Уилсона, успех первого пятилетнего плана полностью зависел от кредитов, оборудования и технологии Запада, в особенности США [11, с. 96]. Той же точки зрения придерживается и автор труда «Западная технология и экономическое развитие СССР» Э. Саттон [10, с. 38]. Но с ним не во всём согласен Дж. Паркс, который считает, что утверждения о неэффективности советской экономики как главной причины обращения Советского Союза к помощи Запада неверны. Легко можно доказать, пишет Паркс, что, вступив в технологическую эру позже, СССР предпочёл длительному процессу новационных поисков предоставляемые опытом и знаниями Запада возможности быстрого роста.

В 1929 г. капиталистический мир вступил в полосу острого экономического кризиса и

затянувшейся депрессии. Кризис ограничил возможности советского экспорта, которые и до этого были невелики. Правительство США использовало настроения части американских предпринимателей, озабоченных опасностью конкуренции советского сырья и промышленных товаров, для того чтобы развернуть антисоветскую кампанию, обвинив нашу страну в демпинге. Большинство историков США подвергают сомнению обоснованность этих обвинений и причину их видят опять-таки в идейной непримиримости правящих кругов Америки по отношению к СССР [3, с. 603].

Пожалуй, ни одна проблема не вызывает столько споров и разногласий среди историков США – специалистов в области советско-американских отношений, как проблема влияния контактов Советского Союза и США в экономической области на развитие процессов, приведших к дипломатическому признанию СССР Соединёнными Штатами. Часть учёных считает, что двусторонние торгово-экономические связи подготовили общественное мнение в США, и прежде всего в деловом мире Америки, к осознанию ненормальности существовавшего с 1917 г. положения, когда две страны, играющие важную роль на мировой арене, не имели друг с другом налаженных отношений. Кроме того, подчёркивают исследователи, многим предпринимателям становилось ясно, что политика непризнания превратилась в препятствие на пути широкого экономического сотрудничества обоих государств. Так, Дж. Гэддис отмечает возросшее давление в начале 1930-х гг. со стороны бизнесменов на американское правительство, нейтрализовавшее антисоветские настроения в обществе [4, с. 115]. Этого мнения придерживается и Дж. Либби, считающий, что деловые круги Америки были той силой, которая в одно и то же время сводила вместе СССР и США и осуществляла давление на администрацию, требуя восстановления дипломатических отношений [7, с. 73]. Иной точки зрения придерживается Дж. Уилсон, которая на всём протяжении своей книги «Идеология и экономика. Отношения США с

Советским Союзом, 1918-1933» старается доказать, что влияние деловых кругов Америки на решение вопроса о признании СССР – это «миф». По её словам, хотя большинство бизнесменов, имевших связи с нашей страной, и были недовольны многочисленными ограничениями в области торговли с СССР, они выступали не за дипломатическое признание, а за отмену законов, сдерживавших развитие деловых контактов с нашей страной, да и число этих бизнесменов было небольшим [11, с. 7]. Мнение Уилсон поддерживает Т. Мэддакс, который говорит о «нежелании» американских предпринимателей добиваться признания Советского Союза [8, с. 114].

Эту точку зрения оспаривает Дж. Боу. Он опровергает главный довод Уилсон о том, что американские предприниматели высказывались за признание СССР лишь после того, как президент Ф. Рузвельт направил приглашение М.И. Калинину о начале переговоров об установлении дипломатических отношений между СССР и США, т. е. после октября 1933г. [10, с. 113]. На самом деле, пишет Дж. Боу, уже в период между 1931 и 1933 гг. опросы общественного мнения показывают поворот в настроениях большинства американцев в пользу признания Советского Союза, и есть все основания полагать, что деловой мир разделял эти настроения. Кроме того, имеется достаточно свидетельств, подтверждающих тот факт, что уже в первой половине 1933 г., т. е. с момента появления Рузвельта в Белом доме, значительная часть предпринимателей не только поддерживали идею признания СССР, но и открыто заявляли об этом.

Кто бы ни был прав в этом споре, всё же едва ли можно отрицать, не погрешив серьёзно против истины, что контакты между нашими странами в экономической сфере в 1920-е – начале 1930-х гг. имели важное значение для будущего советско-американских отношений. И, наверное, справедливо замечание Дж. Паркса о том, что объективно логика развития связей между СССР и США толкала оба государства навстречу друг другу, ибо «контракты означали контакты, означали широкое и долговременное взаимо-

действие американцев и русских и, в конце концов, означали пусть не абсолютное, но всё же крушение барьеров» из политических, идеологических и других различий.

Хочется верить, что издание архивных документов повысит интерес исследователей к проблеме развития экономических отношений между СССР и США в период неприятия, ведь помимо чисто исторического интереса темы, думаю, её следует изучать ещё и для того, чтобы не допускать повторения прежних ошибок. Вероятно, у первого советского правительства нужно поучиться отстаиванию интересов нашей Родины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bennett E.M. Recognition of Russia. An American Foreign Policy Dilemma. – Waltham (Mass.), 1970. – 42 P.
2. Condoide M.V. Russian-American Trade. A study of the Soviet Foreign Trade Monopoly. – Columbus, 1946. – 68 P.
3. Dohan M.R. The Economic Origins of Soviet Autarky. 1927/28-1934 // *Slavic Review* Stanford, 1976. – Vol. 35, № 4. – P. 603-635
4. Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States. An Interpretive History. – N.Y., 1974. – 287 P.
5. Gardner Lloyd C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. – N.Y., Oxford, 1984. – 331 P.
6. Kennan G.F. The United States and the Soviet Union. 1917-1976 // *Two Hundred of American Foreign Policy*. – N.Y., 1977. – 152 P.
7. Libbey J.K. Alexander Gumberg and Soviet-American Relations 1917-1933. – Lexington, 1977. – 73 P.
8. Maddox Th.R. Years of Estrangement. American relations with the Soviet Union. – Tallahassee, 1988. – 114 P.
9. Schlesinger A.m. J. The Cyclets of American History. Boston, 1986. – 35 P.
10. Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917-1930. – Stanford, 1968. – 38 P.
11. Wilson J.H. Ideology and Economics. U.S. Relations with the Soviet Union, 1918-1933. – Columbia, 1974. – p. 62, 112, 354.

УДК 930.2:94(470) "1941/1945"

Варшавский Д.И.

Московский государственный областной университет

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ВОПРОСЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРОНТОВОГО БЫТА СОВЕТСКИХ СОЛДАТ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

D.Varshavski

Moscow State Regional University

MEMOIRS, WAR DIARIES AND LETTERS AS A HISTORICAL SOURCE FOR STUDYING THE SOVIET SOLDIERS' WAY OF LIFE AT THE FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация. В статье проводится анализ мемуаров, дневников и писем как исторических источников по изучению фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне. Дается сравнительный анализ и их общая характеристика. Ставится вопрос о приоритетности их использования в исследовании повседневной жизни солдат на войне. Также поднимается вопрос об их информативности, достоверности и точности. Рассматриваются особенности и сложности работы с источниками личного происхождения. В основе исследования лежит большое количество мемуарной и дневниковой литературы. Автор, опираясь на примеры, приходит к заключению, что указанные в статье типы источников являются весьма важными, и исследование такого вопроса, как фронтовой быт, что невозможно без их использования.

Ключевые слова: исторический источник, фронтовой быт, история повседневности, материалы личного происхождения, мемуары.

Abstract. The article presents the analysis of memoirs, war diaries and letters as a historical source for studying the Soviet soldiers' way of life at the front during the Great Patriotic War. The comparative analysis and their general characteristics are given. The author considers their priority in the research of soldiers' everyday life at war. The article raises the questions of their information value, reliability and accuracy. The features and difficulties of working with personal sources are also considered. Numerous memoirs and war diary literature form the basis of the research. Being guided by the examples, the author comes to the conclusion that the types of sources specified in the article are very important, and the research of such question as the way of life at the front is impossible without their use.

Key words: historical source, front-line way of life, history of everyday life, materials of personal origin, memoirs.

В современной исторической науке все большую популярность и актуальность получают исследования по истории повседневности, то есть изучение быта и уклада повседневной жизни людей в определенный период времени. Во время войны человек, попадая в зону боевых действий, оказывается в особых, непривычных для него условиях, которые, несомненно, сказываются на его образе жизни. Именно эти условия жизни интересуют исследователя как с исторической, так и с психологической точки зрения.

В отечественной исторической науке изучению Великой Отечественной войны всегда придавалось большое значение. Однако в то время, как практически все внимание историков уделялось исследованию сражений и общего хода войны, в тени побед и поражений остался такой немаловажный вопрос, как быт солдат на фронте.

В рамках исследования фронтового быта основными видами источников являются материалы личного происхождения, а именно: мемуары, дневниковые записи и письма с фронта. Целью данной статьи является характеристика этих материалов и использование их в качестве источников по изучению фронтового быта солдат на войне. Стоит отметить, что

исследование повседневной жизни солдат и использование мемуаристики по данной проблеме не нашли должного отражения в отечественной и зарубежной исторической науке. Однако необходимо отметить историко-психологическое исследование Е.С. Сеньявской под названием «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России» [9, с. 95-120], в котором целая глава посвящена теме фронтового быта солдат в различных войнах XX в., в том числе и в Великой Отечественной войне.

Для начала стоит дать характеристику источникам, о которых пойдет речь в этой статье. Согласно Большой Советской Энциклопедии: «Мемуары (франц. *mémoires*, от лат. *memoria* – память), воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий. Создаются на основе личного опыта их авторов, но осмысленного в соответствии с их индивидуальностью и общественно-политическими взглядами времени написания мемуаров» [8, с. 64-65]. То есть мемуары всегда пишутся по прошествии некоторого времени после описываемых событий, когда человек может подвести итоги, сделать соответствующие выводы и многое осмыслить. Однако написание воспоминаний преследует и другую цель – они носят еще и назидательный характер для потомков. В истории жизни значимого, выдающегося или просто пережившего грандиозные события (как война или революция) человека содержится много полезных уроков для последующих поколений. Также, и это немаловажно, мемуары иллюстрируют еще и личное отношение человека к происходившим событиям, что в некоторой степени позволяет нам увидеть хоть и субъективный, но все-таки срез общественного мнения того времени.

В любых воспоминаниях военных, принимавших участие в боевых действиях, встречается описание быта на фронте. Этот вопрос невозможно обойти стороной, когда человек начинает вспоминать свою жизнь на войне. Разумеется, имеются в виду воспоминания рядового и младшего офицерского состава, как непосредственных участников боевых

действий на передовой. В первую очередь человек всегда думает об удовлетворении своих первостепенных естественных надобностей, таких, как пища и сон, это отражается и в его воспоминаниях: «Окоп выкопал, танком наехал, брезентом застелил и печурку к днищу подвесил, выведя трубу наружу, – вот и весь ночлег»... «Кормили раз в день – вечером привезут, и завтрак, и обед и ужин»... «Водка всегда была. Пока ее привезут, половины личного состава уже нет» [1, с. 197].

Также можно встретить описание не только обмундирования и снаряжения, выдаваемого солдатам, но и отзывы о нем: достоинства и недостатки, удобство, функциональность и т. д., чего не встретишь в каталогах и энциклопедиях: «Интенданты выдали нам по десятку черных сухарей, черствых как плитки столярного клея, кусковой сахар; котелки и махорку; звездочки эмалевые к пилоткам, фляги для воды – они тяжелые; – из зеленого стекла, без чехла и пробки, как ее было крепить к поясу, в руках носить или в вещмешке? – Сам мол, солдат, – изобретай! И по этому поводу все злословили и часто вспоминали недобрым словом «изобретателя» этой нелепой посуды» [6, с. 56].

Не обходят фронтовики стороной в своих воспоминаниях моменты отдыха и досуга, такие, как приезды в боевые части агитбригад и оркестров в периоды затишья: «Раз или два в месяц в части корпуса наезжал фронтовой ансамбль песни и пляски. Случалось, что из Москвы прикатывали артисты. Тогда наши артисты и гости из столицы давали по несколько концертов днем и вечером, чтобы как можно больше солдат и офицеров смогли приехать с передовой и посмотреть...» [2, с. 187].

Однако стоит отметить несколько существенных недостатков мемуаристики. Во-первых, излишний субъективизм изложения, зачастую сильно искажающий описываемые события. Каждый видит войну из своего окопа, и сложить из этих данных общую картину происходившего весьма сложно.

Во-вторых, зачастую в изложение вмешивается личное отношение человека к со-

бытию и замещает, а порой даже искажает правду. Как показывает практика изучения и анализа большого количества воспоминаний о войне, если у бойца или младшего офицера, к примеру, были натянутые отношения с политработником его части, то он впоследствии будет отзываться обо всех политработниках негативно: «...Постоянно общаясь с Гавриловым под Ржевом, Дубровно, Оршей, Смоленском, я сделал вывод, что на фронте этот парторг решал две основные задачи: любой ценой остаться в живых и быть верным интендантом своего семейства в Иваново... Ежедневно сталкиваясь с подобными людьми, я чувствовал, как все больше тупею и закисаю. Глядя, как даже во фронтовых условиях такие люди исхитряются устроить себе курортную жизнь, я думал: эти уж точно выживут, а после войны уйдут из армии, станут с пафосом вспоминать битвы, где “вместе сражались они”, и, конечно же, требовать почитания своих заслуг ветеранов-фронтовиков...» [10]. Такая точка зрения весьма далека от истины, ведь не все политработники вели себя подобным образом.

В-третьих, воспоминания, как правило, пишутся на склоне лет, когда многие подробности и некоторые события уже забылись. Это становится причиной неточностей и огрехов в хронометраже описываемых дат.

Наконец, в-четвертых, нельзя отбрасывать и такой немаловажный аспект, как пропаганда. Советской политической системой было создано большое количество мифов и преувеличений, связанных с Великой Отечественной войной, как во время ее, так и после. И это не могло не повлиять на сознание и мировоззрение ее участников. То есть, если человеку все время утверждать одно и то же, он рано или поздно начнет так думать. Известно, что пропаганда и средства массовой информации способны повлиять на каждого человека, и это следует учитывать при использовании такого источника как мемуары.

Также немаловажен психологический аспект написания мемуаров. Война наносит глубочайшую душевную травму любому ее участнику, и вспоминать некоторые эпизоды,

связанные с переживаниями, весьма тяжело, а порой в принципе невозможно, так как мозг блокирует воспоминания, нанешие психике наибольший вред. Поэтому человек старается всячески обойти такие моменты, а то и вовсе не помнит их или помнит фрагментами: «Бой в окружении – это не то, о чем хочется вспоминать» [4, с. 54]. И еще: «...Дальнейшие события мелькали как кадры киноплёнки. Только часто хотелось зажмурить глаза...» [4, с. 80]. Также причиной недомолвок и пробелов в воспоминаниях участников боевых действий может являться осознанное замалчивание некоторых эпизодов и событий, участниками которых им довелось побывать. Особенно это касается бывших работников НКВД, часто приходится наблюдать подобную картину при работе с воспоминаниями солдат армии бывшего противника. Не всем хочется рассказывать о том, что им приходилось входить в состав расстрельной команды для приведения приговора в исполнение. Иногда имели место случаи, когда для этого привлекались солдаты из простых частей в приказном порядке.

Другим историческим источником, используемым в исследовании фронтового быта солдат Красной армии, являются дневниковые записи. Дневники как исторический источник весьма схожи с мемуарами, ряд исследователей даже ставят между ними знак равенства. Однако между ними есть существенные отличия.

«Дневник – это подневные записи одного лица или коллектива, ведущиеся синхронно событиям их жизни. Внешняя, но более других обязательная примета дневников — обозначение дат. Реальные дневники могут рассматриваться как род исторических, историко-биографических или историко-культурных документов» [7, с. 360]. То есть дневник ведется во время событий, благодаря чему является более точным источником, чем воспоминания. Особую ценность представляют дневниковые записи, изданные практически без редактуры и правки – они позволяют проследить виденье событий автором на момент их происшествия, а не через опре-

деленное количество лет. Однако дневники имеют и некоторые недостатки, в частности краткость изложения. Это вызвано многими факторами, такими, как недостаток времени, а порой и нехватка письменных принадлежностей.

В целом, рассматривая дневники и мемуары в качестве источника в вопросе изучения фронтового быта советских солдат во время Великой Отечественной войны, можно сказать, что они являются весьма ценным и важным источником по истории повседневности. Они позволяют исследователю увидеть происходившее глазами людей, переживших такое великое событие. Подытоживая все вышесказанное, можно привести цитату из уже упомянутой Большой Советской Энциклопедии, объективно характеризующую данный вид источников: «Ценность мемуаров для исторической науки определяется их конкретностью, способностью отразить личное отношение автора к событиям, в которых он участвовал. Но субъективизм и тенденциозность мемуаров осложняют работу исследователя» [8, с. 64].

Еще одним важным эпистолярным источником являются письма солдат-фронтовиков, адресованные родным и близким. В этих письмах они делятся событиями и переживаниями, волнующими их в данный момент, рассказывают о своей жизни и достижениях на фронтах. Прорабатывая большое количество писем с фронта, можно выявить некоторые особенности и закономерности, а также подробности уклада жизни на фронте.

Письма из дома имели огромное значение для поддержания боевого духа солдат. Они являли собой единственную связующую нить с родными и близкими бойцам людьми: «Люба! Передай папе, маме и Вале большой привет. Я обижаюсь на них за то, что не пишут. Быстрее и чаще пиши. Письма – это для меня то же, что для вас хлеб» [5, с. 376].

При работе с письмами необходимо учитывать некоторые особенности этого своеобразного вида источников. Основным недостатком фронтовых писем как исторического источника является их сжатость, вызванная

зачастую недостатком бумаги или свободного времени. Не стоит сбрасывать со счетов и такой немаловажный фактор, как действие военной цензуры. Проверке подвергались абсолютно все письма, идущие с фронта. Эти действия были направлены на недопущение утечки секретной информации и проникновения нежелательных настроений из фронта в тыл.

Тем не менее из солдатских писем можно извлечь информацию по интересующим исследователя вопросам, касательно эпизодов фронтового быта. Вот как отзывается о своем обмундировании рядовой С.И. Бобров в письме родственникам 7 декабря 1941 г.: «Нас еще не обмундировали, только дали мне ботинки да обмотки, так как сапоги изорвал вдрызг. Ну, а каково ходить и заниматься на улице при таком морозе в ботинках, когда нет шерстяных носок?» [3, с. 47]. Такое положение оспаривает письмо политрука Н.С. Ключкова своим родным от января 1942 г.: «Одет я тепло: хорошая шуба, шинель, ватные куртка и брюки, новые валенки и теплые рукавицы. Морозы у нас стоят крепкие – 35-38 градусов, но они нам нипочем» [3, с. 55].

Можно также встретить описание кратких эпизодов досуга в письме рядового М.И. Гусева тоже от января 1942 г.: «Мы тут аккордеон немецкий достали. Теперь весело живем с музыкой. А еще у нас мотоцикл есть вражеский. Зверь! Это вам не на хромоу кобыле верхом скакать. Нам бы в хозяйстве не помешал» [5, с. 106].

Если сравнивать письма с воспоминаниями в качестве источника по истории повседневности, то у первых есть значительное преимущество в точности датировки описываемых событий, зато воспоминания предоставляют более подробную информацию. Из всех источников личного происхождения письма играют скорее второстепенную роль, однако без их использования исследование фронтовой жизни не будет полным и всесторонним.

Военные письма имеют еще колоссальную культурную ценность, поскольку являются носителем духовно-эмоциональных пережи-

ваний целого поколения огромной страны, пережившего такое страшное событие.

Из источников личного происхождения воспоминания представляют наибольший интерес, что обусловлено полнотой и информативностью материала. Можно даже сказать, что они являются основными источниками в данном вопросе. Много внимания в мемуарах уделяется именно быту и укладу жизни на фронте. Тем более, что пишутся они по прошествии определенного количества времени и в спокойной обстановке. Дневники менее информативны, зато точнее в датировке, чем воспоминания; однако встречаются намного реже их. Также очень сложно найти дневники без последующей редакции автором, что иногда снижает их ценность как исторического источника. Письма, при комплексном их изучении, позволяют извлечь из них необходимую информацию об интересующем нас аспекте боевых действий. Однако этот процесс осложняется сжатостью информации, а также цензурными и идеологическими ограничениями того времени.

Таким образом, исследование фронтового быта советских воинов в Великой Отечественной войне как одного из объектов истории повседневности не представляется возможным без использования всех типов существующих источников. Однако источники личного происхождения: мемуары, дневники и письма являются основными в данном вопросе. Потому что они позволяют увидеть события глазами их непосредственных очевидцев и участников. Естественно, подразумевается полноценное комплексное использование всех вышеперечис-

ленных материалов, это даст возможность исследователю открыть еще одну малоизученную, но не менее важную страницу Великой Отечественной войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники

1. Драбкин А. Я дрался на Т-34. – М.: Эксмо. Яуза, 2005. – 346 с.
2. Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. – М.: Яуза. Эксмо, 2005. – 317 с.
3. «Нам выпало на долю». Документальные публикации фронтовых писем последних лет: сборник документов и материалов. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 304 с.
4. Першанин В.Н. «Смертное поле». «Окопная правда» Великой отечественной. – М.: Яуза. Эксмо, 2008. – 317 с.
5. Письма Великой Отечественной / под ред. В.Л. Дьячкова. – Тамбов, 2005. – 632 с.
6. Шимкевич В.Н. Испил судьбу до капли. – М.: Азбука-2000, 2007. – 637 с.

Литература

7. Большая Советская Энциклопедия. Т.8. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 591 с.
8. Большая Советская Энциклопедия. Т.16. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 615 с.
9. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М, 1999. – 383 с.
10. Сведения о Великой Отечественной войне – 35, дневник советского солдата ч.5 [Электронный ресурс] [2007]// URL: <http://www.liveinternet.ru/users/nightvision/post54845761/> (дата обращения: 24.02.2012).

УДК 94(47).084.8

Красноженова Е.Е.

Астраханский государственный университет

**НЕГОСУДАРСТВЕННАЯ ФОРМА ТОРГОВЛИ В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

E. Krasnozhenova

Astrakhan State University

**NOT-GOVERNMENTAL FORM OF TRADE DURING THE GREAT
PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)**

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности организации негосударственной формы торговли в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны. На основании архивного материала отмечена роль советских и партийных властных структур в ее развитии в регионе. Рассмотрено значение торговли для продовольственного обеспечения населения Нижнего Поволжья. Выявлены проблемы и трудности, с которыми столкнулись местные органы власти при осуществлении контроля за работой региональных рынков, отмечены недостатки в их деятельности, показаны пути их устранения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Нижнее Поволжье, торговля, колхозный рынок, санитарный порядок, административные меры.

Abstract. The article describes the features of the non-state form of trade in the Lower Volga region during the Great Patriotic war. On the basis of the archival materials the author notes the role of the Soviet and party authorities in the trade development in the region. The importance of trade for supplying the population with food in the Lower Volga region is considered. The author explores the problems and difficulties facing the local authorities in monitoring the work of the regional markets. Moreover, the author notes the shortcomings in the regional markets functioning and shows the ways of their elimination.

Key words: The Great Patriotic war, the Lower Volga region, trade, collective farm market, sanitary order, administrative measures.

Одной из важнейших проблем повседневной жизни населения в военный период являлось обеспечение его продовольствием и товарами первой необходимости. Ограниченность централизованных фондов продовольствия и низкие нормы снабжения большей части населения потребовали максимального привлечения дополнительных источников питания, одним из которых в военные годы стала негосударственная форма торговли, непосредственно влиявшая на материально-бытовые условия жизни населения Нижнего Поволжья. Торговля играла заметную роль в компенсации дефицита продовольствия в условиях войны и способствовала удовлетворению спроса населения в продуктах питания.

Особенностью негосударственной торговли являлось то, что она осуществлялась непосредственно производителями сельскохозяйственной продукции и функционировала в основном в виде колхозной торговли, позволявшей реализовать излишки сельскохозяйственных продуктов, остающихся у колхозников после выполнения ими плана государственных закупок. Продавцами на рынке выступали не только крестьяне, но и горожане – рабочие и служащие, реализующие часть продуктов, образующихся в личных подсобных хозяйствах. Всего за время войны через колхозные рынки население страны приобрело 2/5 всего потребленного животного масла, почти столько же картофеля, 1/3 мясопродуктов, 1/5 молока и овощей [6, с. 151].

Местные органы власти брали на себя функции регулирования отношений с колхозами, в частности, в вопросах установления единых цен на сельхозпродукцию. Так, согласно по-

становлению Сталинградского ГорКО от 28 октября 1941 г. были заключены договоры на прямые поставки продовольствия по стабильным ценам в Сталинград с 492 колхозами из 34 ближайших к городу районов [5, с. 65-66]. Осуществлялись мероприятия по увеличению завоза сельхозпродуктов на городские рынки, по ужесточению контроля над продвижением рыночных фондов до потребителей, усилению надзорных функций милиции и гарнизона.

В конце 1941- начале 1942 гг. подвоз продовольствия на рынки Нижнего Поволжья неуклонно снижался. Привоз продуктов затрудняли проблемы с транспортом. Особенно снизилась реализация мяса, рыбы, растительного масла, крупы. Совершенно отсутствовали в продаже масло, сало, творог. План привоза основных сельскохозяйственных продуктов на рынки Сталинграда в конце 1941 г. был осуществлен лишь наполовину, в том числе на 53% – по говядине, 68,6% – по баранине, 66,8% – по свинине, 55% – по свекле, 14,4% – по фруктам, 7,1% – по муке¹.

Снижение привоза сельскохозяйственных продуктов оказало существенное влияние на уровень цен. В среднем по РСФСР в 1942 г. 1 кг зерна стоил 53 руб. 80 коп. (против 1 руб. 88 коп. в 1940 г.), литр молока – 38 руб. (против 2 руб. 28 коп.), 1 кг. баранины – 196 руб., овощей – 28 руб. [1, с. 352; 5, с. 400]. Цены на 1 кг зерна на колхозном рынке повысились в 28 раз по сравнению с 1940 г., на литр молока – в 16 раз [4, с. 85]. В Саратовской области в 1942 г. рыночные цены по сравнению с довоенными выросли в 3-10 раз, а к 1943 г. – в 10-20 раз². Отдельные виды продуктов были фактически недоступны большинству жителей [2, с. 93].

Некоторое снижение цен в Нижнем Поволжье стало происходить лишь с конца 1943 г. [4, с. 87]. Причиной этого стало увеличение поступления сельхозпродукции на регио-

нальные рынки. Реализация продовольствия на рынках Нижнего Поволжья к маю 1945 г. увеличилась на 47%, при этом особенно возросла продажа мяса, животного и растительного масел, овощей [3, с. 162]. Это явилось следствием постепенного восстановления производственной базы колхозов, расширения возможностей личных хозяйств. Государство рассматривало последние в качестве одного из дополнительных источников поступления продовольствия. В это же время в регионе увеличилось количество рынков. Так, к 1945 г. в Астраханской области насчитывалось 8 городских рынков и 7 рынков в рабочих поселках³.

Развитию рыночной торговли препятствовала спекуляция продовольствием по завышенным ценам. Так, колхоз им. Буденного Городищенского района Сталинградской области в сентябре 1941 г. продавал капусту по 4 рубля за килограмм, хотя рыночные цены были установлены в 3 рубля. Колхоз им. Калинина Средне-Ахтубинского района торговал свининой по 40 рублей за килограмм, в то время как средняя рыночная цена свинины составляла 25-30 рублей⁴.

Нарушению правил торговли на рынках способствовало отсутствие торгового инвентаря, что приводило к порче продуктов и многочисленным случаям обвешиваний со стороны продавцов. Так, на Сталинском рынке Астрахани ввиду нарушения правил хранения продовольствия отмечались случаи порчи целых туш мяса⁵.

В создавшихся условиях местные органы власти Нижнего Поволжья усилили борьбу со спекуляцией и хищениями продовольствия, виновные привлекались к ответственности. Пункты о развертывании борьбы со спекуляцией входили в постановления об охране общественного порядка, о торговле в городах Нижнего Поволжья⁶.

³ Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 720. Л. 1-2.

⁴ ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 12. Л. 2-8.

⁵ ГАСД АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 720. Л. 1-2.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 485. Л. 1; Д. 487. Л. 6; Д. 488. Л. 33; Д. 507. Л. 20.

¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 12. Л. 2-8.

² Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 8. Д. 232. Л. 20; Д. 437. Л. 50.

На объемы привоза сельскохозяйственной продукции на городские рынки региона существенное негативное влияние оказывало отсутствие условий для торговли и элементарных удобств для приезжающих колхозников. Санитарное состояние рынков и их материально-техническая база находились в неудовлетворительном состоянии. Отсутствовали заезжие дома, чайные, закусовые, утепленные помещения для торговли овощами зимой, хранилища, не предоставлялся инвентарь. Уборка торговых площадей на рынках не производилась, мусорные ямы очищались несвоевременно. Из-за недостатка столов продажа сельхозпродуктов часто производилась с земли.

Исполкомы городских и районных советов, городские и районные комитеты ВКП (б) проводили совещания с председателями колхозов по вопросам улучшения качества торговли. Так, Сталинградский ГорКо в октябре 1941 г. наметил ряд практических мероприятий по оказанию колхозникам помощи в вывозе продукции на рынки Сталинграда, в феврале 1944 г. им был рассмотрен вопрос о наведении необходимого санитарного порядка в крытых рынках и базарных площадях¹. Председатель Сталинградского горисполкома Пигалев отмечал на сессии горсовета, что рынки города грязные, условия для продажи продовольствия у них отсутствуют². Подобное состояние было характерно для большинства рынков Нижнего Поволжья. Так, в решении собрания Астраханского партийного актива в июне 1944 г. отмечалось антисанитарное состояние городских рынков на Селенских Исадах, на Привокзальной площади. В продуктовом корпусе рынка «Большие Исады» на Трусовском рынке отсутствовали столы, поэтому торговля велась с земли. Отсутствовали вывески и указатели мест, отведенных для торговли. За нарушение санитарного состояния Астраханских рынков летом 1944 г. было наложено 313 штрафов³.

Ввиду отсутствия чистоты и порядка на рынках региона вводились милицейские посты, ужесточался санитарный контроль. В январе 1945 г. на благоустройство и ремонт астраханских рынков было выделено 211,3 тыс. руб., в том числе на благоустройство Центрального Кировского рынка поступило 40 тыс. руб., Сталинского рынка – 55 тыс. руб., Микояновского рынка – 30 тыс. руб. Необходимо отметить, что выделенные средства осваивались не полностью. Так, на капитальный и текущий ремонт всех астраханских городских рынков было израсходовано лишь 95,7 тыс. руб. из отпущенных средств⁴.

Применение административных мер к концу войны дало некоторые положительные результаты. Этому способствовало принятие в 1945 г. Совнаркомом СССР постановления о благоустройстве и улучшению работы колхозных рынков. В соответствии с постановлением в Нижнем Поволжье были развернуты работы по восстановлению и строительству павильонов, ларьков, палаток, складов.

Введение карточек привело к сокращению возможностей колхозников приобретать через государственную торговлю необходимые им промышленные товары. Поэтому на рынках Нижнего Поволжья развивалась встречная торговля товарами крестьянского спроса. В список товаров ширпотреба, предназначенных для встречной торговли, входили уздечки, подпруги, седелки, тазы, ведра, рукомойники, конские подковы, рукавицы, крем сапожный, деготь и другие товары.

В целом, несмотря на трудности и недостатки в организации, негосударственная торговля на рынках Нижнего Поволжья в условиях войны стала одним из важнейших дополнительных источников обеспечения городского населения продуктами питания, способствовала решению продовольственной проблемы и предотвращению массового голода в регионе.

¹ ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Д. 8. Л. 5-7.

² Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 71. Оп. 1. Д. 638. Л. 168-169.

³ Государственный архив Астраханской области

(ГААО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 286. Л. 61; ГАСД АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 628. Л. 29-39.

⁴ ГАСД АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 720. Л. 1-2.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1970. 466 с.
2. Красноженова Е.Е. Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 1. – С. 91-96.
3. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1968. – 231 с.
4. Панарина Е.В. Решение социальных проблем Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. – Армавир, 2009. – 411 с.
5. Сталинградский городской Комитет обороны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Ю. Пищулина, Н.А. Горюнова. – Волгоград, 2003. – 486 с.
6. Чернявский У. Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) – М.: Наука, 1964. – 208 с.

УДК 050(73-410,1) : 94(470) "1994/1996"

Горностаев А.В.

Московский государственный областной университет

**ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ КАМПАНИЯ 1994-1996 гг.
ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ
ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ**

A. Gornostaev

Moscow State Regional University

**FIRST CHECHEN CAMPAIGN OF 1994-96 THROUGH THE EYES
OF BRITISH AND AMERICAN WAR CORRESPONDENTS**

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия, интерпретации и оценки событий первой чеченской кампании 1994-1996 гг. американскими и британскими военными корреспондентами, которые оказались непосредственными свидетелями событий. Выявленные источники, мемуары и военные дневники изданы на английском языке и неизвестны широкому кругу исследователей в России. В статье был проведен анализ источников и представлены наиболее типичные тенденции в оценке событий. Особое внимание авторами уделяется политике и ошибкам Б. Ельцина и Д. Дудаева, так как они определяли векторы развития взаимоотношений между федеральными властями и Чечней. Также излагаются наиболее важные события, такие, как первый штурм Грозного, захват заложников в Буденновске, гибель Д. Дудаева и др. Они дают представление о взглядах и симпатиях корреспондентов и дополняют имеющуюся в отечественной науке информацию по данной тематике.

Ключевые слова: Чечня, чеченская война, чеченский конфликт, Грозный, интерпретация, корреспонденты, Дудаев, Ельцин.

Abstract. This article is devoted to the issue of perception, interpretation, and evaluation of the First Chechen Campaign of 1994-1996 by American and British war correspondents, who witnessed the events. The sources used, memoirs and war diaries, are not known to the broad circle of researchers in Russia. These sources were analyzed and the article presents the most typical tendencies of war events evaluation by their authors. Particular attention is paid to the politics and mistakes made by B. Yeltsin and D. Dudayev, as their role in defining the lines of development of relationship between Federal Forces and Chechnya was decisive. The article also gives an account of the most important events, such as: the first military assault of Grozny, the hostage-taking in Budonovsk, the death of D. Dudayev. The descriptions give notion of the correspondents' sympathies and points of view, thus supplementing the existing understanding and perception of the issue in general.

Key words: Chechnya, Chechen war, Chechen conflict, Grozny, interpretation, correspondent, Dudayev, Yeltsin.

В настоящее время восприятие и понимание событий российской истории людьми других стран и культур является актуальной проблемой. Для формирования полноценного образа страны, ее культуры и истории необходимо использовать самые разнообразные отечественные и зарубежные источники. Изучение последних является важным для современной российской исторической науки и отражается в росте публикаций, посвященных тематике имиджа российского государства и общества [1, с. 3-5; 2; 3; 4]. Тем самым историки и другие исследователи получают возможность провести более доскональные, тщательные и всесторонние исследования, которые помогают глубже проанализировать те или иные вопросы отечественной истории.

Чеченский конфликт является сложной и болезненной темой для современной России. Это выражается в исторической близости конфликта и в том, что многие люди оказались так или иначе причастны к нему. Иностранные источники предоставляют нам возможность оце-

нить интерпретацию первой чеченской кампании с иной позиции и дополнить ее анализом фактов и их интерпретаций. В данной статье предпринята попытка выявить оценки и восприятие первой чеченской кампании иностранными корреспондентами, выделить их восприятие основных причин и особенностей, понять, как их мнения дополняют картину изучения конфликта, а также выяснить, на чьей стороне находились симпатии иностранцев.

Важно отметить, что для изучения иностранного восприятия и интерпретации первой чеченской кампании будут использоваться англоязычные источники, созданные только английскими и американскими военными корреспондентами, более того, неизвестные широкому кругу отечественных исследователей. Преобладание работ военных корреспондентов объясняется тем, что, во-первых, Чечня находится далеко от основных туристических маршрутов, во-вторых, опасностями и рисками, связанными с описанием военного конфликта.

Все найденные источники носят профессиональный характер, большинство из них подготовлено по заказу той или иной компании. Среди мемуаров, посвященных теме первой чеченской кампании, стоит выделить несколько самых важных. Во-первых, это основательные работы К. Галл и А. Лиевина, описывающие и анализирующие весь конфликт и его предысторию. Об истории города Самашки и личных ощущениях автора повествуется в мемуарах корреспондента Т. Голтца. В работе А. Майера излагается его восприятие событий в Чечне в контексте исторического развития России в начале 1990-х. Корреспонденты популярных изданий, таких, как *New York Times* и *Moscow Times* также предоставляют ценные сведения о тех или иных аспектах конфликта.

Предыстория

История чеченского конфликта уходит своими корнями в глубину российской истории. В XIX в. присоединение Северного Кав-

каза решалось военным путем. Этот процесс продолжался более 50 лет и серьезно отразился на жизни России, ее общества и простых людей. Т. Голтц цитирует слова одного чеченца, проясняющие восприятие конфронтации на Кавказе местным населением: «Нынешний конфликт – это всего лишь самая недавняя попытка русских стереть чеченцев с лица земли. Это часть геноцида чеченского народа» [11, р. 5]. Автор обращает внимание на то, что для чеченцев конфликт не являлся неожиданным, а напротив, исторически закономерным. А «историческая агрессия» России, по мнению иностранцев, не может быть оценена иначе, как геноцид.

Катализатором конфликта стал распад СССР. 6 сентября 1991 г. Дж. Дудаев со своими сподвижниками произвел штурм здания чечено-ингушского Верховного Совета. Более 40 депутатов парламента были избиты, а председатель горсовета Грозного В. Куценко был либо выброшен из окна, либо разбился при попытке побега [14, р. 18]. Дудаев был избран президентом и провозгласил независимость Чечни от Советского Союза и РСФСР.

Это событие было оценено в России, как государственный переворот, нарушавший Конституцию РФ. Совет Народных Депутатов РСФСР заявил о незаконности этого акта, но никаких шагов по пресечению нарушения не было сделано [6, р. 65]. Также провалилось несколько попыток федеральных властей сбросить Дудаева, используя внутричеченские конфликты [15, р. 56]. Одним из них была операция, проведенная 26 ноября 1994 г., в которой участвовали «добровольцы» из нескольких элитных частей российской армии. Кремль отверг обвинения о своей причастности к внутричеченским столкновениям. Но, так или иначе, все операции прошли неудачно, подтолкнув федеральные власти к поиску других путей разрешения чеченской проблемы [10, р. 62].

Иностранные корреспонденты обращают внимание на то, что Россия предпринимала определенные шаги для выхода из возникшей ситуации в Чечне, но они оказались неэффективными. Большой интерес представляет

желание иностранных корреспондентов показать историческую закономерность событий 1990-х гг. в Чечне, тем самым оправдывая поведение чеченских боевиков.

Первоначально в Чечне люди были довольны самопровозглашенной независимостью, так как для них это казалось проявлением национальной воли в достижении этнической и политической свободы. Но не все представители чеченского общества разделяли это мнение. В интеллектуальной среде, настроенной оппозиционно к Дудаеву, считали, что захват власти был совершен радикальной группой. Это, по мнению чеченского историка Д. Гакаева, было результатом отсутствия интеллигенции в Чечне. Если в Балтийских странах народные фронты возглавлялись интеллигенцией, то в Чечне борьбу за независимость взяли на себя люди из маргинальных слоев общества [10, р. 78]. Корреспонденты указывают на то, что маргинальный состав правительственной верхушки легко поддавался влиянию некоторых ярких лидеров, таких, как Д. Дудаев. Поэтому во многом ему было проще проводить удовлетворяющую его личные интересы политику.

Перед конфликтом

Анализ ситуации в Чечне в преддверии конфликта, проводимый зарубежными авторами, помогает оценить деятельность Д. Дудаева и законность открытых военных действий со стороны федерального руководства.

Как пишут журналисты, Чечня не была государством (точнее, то, что там образовалось, было совсем не похоже на государство). К. Галл указывает, что президент Дудаев был больше заинтересован в самой идее независимости, чем в ее практическом воплощении. «С первых же дней правления Дудаев не смог создать должное правительство или разработать программу экономических преобразований» [10, р. 53].

Корреспонденты, таким образом, не считают данного политика способным добиться успеха в будущем руководстве Чечней. Вполне вероятно, что образ Дудаева-героя, который

у него появился сразу же после провозглашения независимости, вполне мог смениться на менее импонирующий.

К тому же Дудаев часто заявлял, что «основой его политики является подготовка к войне с Россией», но А. Лиевен отмечает, что приготовления к ней не велись. Точнее, разрабатывались планы военных действий, но не было совершено ни одной серьезной попытки как-то эти планы осуществить. «Десятки тысяч чеченцев, которые вышли на защиту, сделали это не по умыслу государства, а в результате спонтанных действий чеченского общества» [13, р. 80].

Более того, Чечня в течение нескольких лет после провозглашения независимости получала деньги из федерального бюджета. Но в 1993 г. Чеченская республика была исключена из федерального бюджета [10, р. 125]. Это сказалось в первую очередь на детях, пенсионерах, бюджетниках и др. С помощью этой меры Кремль смог добиться того, что весной 1994 г. режим Дудаева оказался на самом низком уровне популярности. В республике росло недовольство, там царили голод, бедность и социальная незащищенность, поэтому многие жители бежали из Чечни. Участились ограбления и убийства представителей различных этнических групп, населяющих Чечню. Удивительно, что Дж. Дудаев не проявил даже малейшей инициативы для вывода самопровозглашенного государства из кризиса [10, р. 128-132].

Английские и американские корреспонденты выделяют следующие причины начала первой чеченской кампании.

1. Большинство авторов указывает, что контроль над нефтяными ресурсами являлся основной причиной конфликта. «Наличие важного нефтеперегонного завода в Грозном гарантировало правительству Дудаева физический контроль над миллионами тонн нефти. Этого было достаточно для получения поддержки коррумпированных официальных лиц в любой точке России» [7, р. 315], – пишет Б. Кларк. Более того, мультимиллиардная сделка по эксплуатации новых нефтяных месторождений на Каспийском море должна

была быть подписана в Азербайджане в 1995 г. международным нефтяным консорциумом, в котором состояла российская компания «ЛУКОЙЛ». Было несколько возможных путей, по которым нефть могла транспортироваться на Запад, и все они имели некоторые трудности в эксплуатации. Самый недорогой путь лежал через порт Новороссийск и, соответственно, Чечню [10, р. 144].

2. Характеризуя взаимоотношения власти и мафии, Б. Кларк указывает на то, что «в течение первых двух лет российской независимости РФ была неспособна защищать многие экономические организации. Этим воспользовалась мафия, взявшая под контроль некоторые бизнес-структуры. Однако постепенно ситуация стала меняться; мафиозные организации осознали, что им выгоднее находится в союзе с сильным государством, чем разрушать его изнутри». «Непростительный грех Чечни был не в том, что там находились криминальные организации, а в том, что они были не российскими криминалами» [7, р. 313-314]. Здесь автор указывает на восприятие РФ на Западе как страны, в которой общечеловеческие правовые нормы не были представлены. Государство же напоминало мафиозную структуру, а не выражающую интересы населения организацию.

3. Еще одной важной причиной конфликта являлось желание отдельных представителей федеральной элиты проявить себя перед Ельциным. Многие понимали, что человек, решивший чеченскую проблему, может стать его политическим наследником [10, р. 144]. Было очевидно, что Ельцин не мог править страной вечно, поэтому многие из его окружения старались добиться «особого места» у президента.

4. Также возможной причиной конфликта являлся факт пленения российских солдат Кантемировской и Таманской дивизий, который был произведен войсками Дудаева. Эти части были опорой Ельцина в октябре 1993 г. и во многом помогли ему добиться успеха. В Чечне они же были выставлены перед камерами журналистов и рассказывали, что их участие во внутричеченском конфликте было

инициировано федеральными властями [7, р. 316]. Пленение элитных воинских частей позорило Россию внутри страны и за рубежом, и, более того, указывало на прямое участие Ельцина.

Использование выявленных источников позволяет прояснить взгляды иностранных корреспондентов на противоречивую ситуацию, сложившуюся накануне конфликта. Экономические интересы отдельных компаний, структур и государства, амбиции Ельцина и его окружения оказались, с точки зрения анализируемых авторов, причинами наступившей войны. Зарубежные корреспонденты в своем анализе причин начала конфронтации предоставляют довольно-таки одностороннюю картину, так как они уделяют недостаточно внимания политике Чеченской республики в начале 1990-х гг. и личности Д. Дудаева.

Соотношение сил

К. Галл приводит соответствующую статистику к началу военных действий: «Столкнуться с 40000 российским вторжением должна была армия, которая едва ли насчитывала 1000 бойцов. Количество добровольцев вскоре увеличилось в несколько раз, но количество военно-подготовленных человек было всего лишь несколько сотен» [10, р. 188]. Автор оценивает положение чеченцев, как «самоубийственное» [10, р. 189]. Федеральные войска превосходили чеченские в количестве солдат, но уступали в уровне их подготовленности. «Русские солдаты были настолько плохо обучены, что они совершенно не умели защищаться. Им всем было по 18-19 лет, и у них никогда не было учебной практики боев в городской обстановке». Автор продолжает и дает сравнительную характеристику чеченских воинов: «Чеченцы были бесстрашны и беспощадны. Они были людьми, которые с самого раннего детства учились использованию оружия» [10, р. 9].

В этой оценке ощущается симпатия к горцам, так как они были готовы защищать Чечню от российских войск, несмотря на чис-

ленное меньшинство. Подобное позицию занимают и Лиевин, который не скрывает, что он восхищается честью и смелостью чеченских людей [13, р. 5]. Данная позиция просматривается в целом у западных журналистов, считавших Кремль агрессором. Но если у К. Галл и А. Лиевина не было изначальной задачи или заказа выступать на чьей-то стороне, и они выражают более умеренную позицию, то Т. Голтц достаточно категоричен: «Мне необходимо было снять односерийный документальный фильм, повествующий о “Чеченском духе”. И о том, что мотивирует чеченцев, проигрывающих в количестве вооружения, продолжать сражаться против могущества российской армии» [11, р. 6]. При этом он отмечает, что отношение к чеченцам на Западе в течение первого года конфликта поменялось на положительное, так как еще перед столкновением о них в прессе писали, как «о большой мафиозной шутке» [11, р. 46].

Корреспонденты указывают, что, несмотря на численное превосходство федеральной армии, она не обладала высоким боевым духом и достаточной военной подготовкой. В Чечне, напротив, были высокомотивированные люди, готовые отстаивать независимость своей земли, воспитанные на войне и концепции «угнетения» своего народа. В стиле изложения данных фактов зарубежными корреспондентами наблюдается их желание продемонстрировать всему миру невероятный героизм чеченцев и жестокость Кремля. Здесь прослеживается, что авторы во многом сохранили восприятие политики Кремля в 1990-х гг. в рамках политики СССР, и они не могли отойти от типичных для эпохи Холодной войны аналогий в оценке действий федеральных властей: «Как Давид накинута на Голиафа» [11, р. 6].

Решение о войне

Особенно интересным и важным является вопрос о том, как было принято решение о начале войны¹ и введении войск в Чечню. По

¹ Многие западные историки, корреспонденты и обозреватели используют термин «первая русско-чеченская

война» в своих работах, посвященных первой чеченской кампании, поэтому этот термин будет использован в данной статье для отражения сущности конфронтации, по мнению иностранцев. См.: Williams B.G. Middle East Policy, V. 8, I. 1, 2001 // The Russian-Chechen War: A Threat to Stability in the Middle East and Eurasia?, PP. 124-148; Smith S. Allah's Mountains: Politics and War in the Russian Caucasus. London, 1998; и др.

Военные действия

Описание всех военных действий, имеющееся в выявленных источниках, очень объемно и, следовательно, не может быть полностью отражено в данном исследовании. Здесь будут рассмотрены только ключевые события, которые помогут составить общую картину конфликта и выявить восприятие и оценки военных корреспондентов.

В декабре 1994 г. Грозный подвергся ряду хаотичных бомбардировок со стороны федеральных воздушных сил. Как отмечает А. Лиевин в своей работе: «Бомбардировки были очень интенсивными, но в то же время хаотичными». Это создавало впечатление изначального отсутствия плана со стороны федералов, войска которых «бесцельно бомбили» город, терроризируя мирное население Грозного. Ведь эвакуация гражданских лиц не была произведена [13, р. 43-45].

А. Лиевин подчеркивает невероятную выдержку и героическое поведение чеченских боевиков во время авиаатак. Русское население Грозного с ненавистью относилось к действиям федеральных войск, которые не защищали их, а «безумствовали». Однако не только Кремль виновен в конфликте. Простые чеченцы и русские считали, что во всем происходящем виновны и Ельцин, и Грачев, и Дудаев, так как они не сумели добиться ком-

война» в своих работах, посвященных первой чеченской кампании, поэтому этот термин будет использован в данной статье для отражения сущности конфронтации, по мнению иностранцев. См.: Williams B.G. Middle East Policy, V. 8, I. 1, 2001 // The Russian-Chechen War: A Threat to Stability in the Middle East and Eurasia?, PP. 124-148; Smith S. Allah's Mountains: Politics and War in the Russian Caucasus. London, 1998; и др.

промиссного решения проблемы. Более того, А. Лиевин указывает на то, что подобные мнения были и среди чеченских бойцов [13, р. 44-46].

Эта сбалансированная оценка виновников конфликта указывает на то, что американские и британские корреспонденты, невзирая на их личные симпатии по отношению к чеченцам, все же представляют объективный обзор военного столкновения.

Ввод федеральных войск в Грозный был «катастрофой» [8] для федералов, которая определенно отразилась на ходе всей чеченской кампании. К. Галл указывает на то, что после того как остатки Майкопской бригады, бежавшие из города, добрались до безопасного места, они были подавлены и поражены. Особенно ее удивляет тот факт, что выжившие члены бригады не знали, с какой целью они направлялись в Грозный. Масштаб «резни», учиненной над русскими солдатами, никогда не был признан российскими властями. Другие попытки федеральных войск войти в город в течение января и февраля 1995 г. были такими же безнадежными и неудачными [10, р. 12-19].

В анализируемых источниках подчеркивается неподготовленность и отсутствие плана ведения военных действий у федералов, что указывает на небрежность и халатность центральных властей, пославших десятки тысяч солдат на гибель. События начала войны стали ударом по внутри- и внешнеполитическому престижу России и предопределили желание Ельцина и его сторонников продолжить конфликт.

Описание военных событий занимает обширное место в работах военных корреспондентов, тем самым предоставляя нам возможность проследить всю последовательность событий. Следует отметить, что авторы оценивают многие события и действия федералов с позиций чеченской стороны, дополняя их беседами с местным населением, боевиками и властями. Особенно это прослеживается в работе Т. Голтца, которая дает односторонний анализ происходящего.

Основной проблемой федералов были по-

тери и деморализация солдат и офицерского состава после нескольких месяцев боев [13, р. 49]. По мнению А. Лиевина, это случилось, потому что военные сильно «ненавидели» Ельцина и российское правительство. «Правительство и мафия – одно и то же. Никто из них не думает о своей стране и армии» [13, р. 65]. «Ненависть» к правительству и моральное разложение в солдатской среде привели конфликт к затяжному характеру и повлияли на количество военных и гражданских потерь.

Буденновск

Захват заложников в Буденновске был поворотным моментом в первой чеченской войне, после которого движение сепаратистов стало более популярным в самой Чечне. До Буденновска федеральные войска медленно и упорно продвигались в Чечне. В июне 1995 г. восставшие были загнаны в угол недалеко от юго-восточной границы Дагестана [9].

Операция в Буденновске, по мнению иностранных корреспондентов, была актом отчаяния, нацеленным на нанесение максимально возможного ущерба федералам. «Для нас оказалось неожиданностью, насколько просто было запугать или подкупить российских солдат и полицию. Среди восставших было много значимых лидеров, за исключением Аслана Масхадова» [9].

События происходили с 14 по 19 июня и выразились в захвате группой чеченцев под предводительством Шамиля Басаева госпиталя, в котором они держали в заложниках около 1500 человек. По словам Ш. Басаева, захват госпиталя являлся естественным и вполне логичным ответным ударом Чечни, у людей которой отняли дома и родных. Поэтому они хотели добиться пересмотра всей ситуации и выдвинули три основных требования: вывод федеральных войск из Чечни, начало переговоров между президентом Ельциным и генералом Дудаевым, встреча восставших с репортерами [16].

Иностранные корреспонденты, несмотря на жестокость данного акта, оценивают его

как проявление стремления чеченцев к прекращению конфликта на территории Чечни, и частично оправдывают террористические действия боевиков.

Неудачный штурм больницы и жертвы, понесенные среди заложников и военных, заставили российское правительство искать альтернативные пути выхода. Необходимо заметить, что президент Ельцин не мог закончить конфликт или пойти на какие-то компромиссные пути. Журналист *The New York Times* не может этого понять и считает, что у «Ельцина не хватало либо реальной власти, либо воли» [5]. Несмотря на то, что место президента было в России, он не захотел возвращаться из своей поездки в Новую Шотландию.

Таким образом, отмечается неспособность Б. Ельцина рационально реагировать на кризисную ситуацию. Это, возможно, стало следствием отсутствия у него способности решать противоречия с помощью компромиссов. Авторитарный тип правления и решение конфликтных ситуаций военным путем, как например, в октябре 1993 г. [19, р. 376], объективно демонстрируют тот тип политической линии, который сформировался у президента РФ.

Задачу вести переговоры с чеченцами взял на себя премьер-министр Виктор Черномырдин. «Быстрый темп развития событий и то, как он разрешил кризис, наводят на мысль, что премьер-министр действовал независимо. Его телефонные разговоры с Ш. Басаевым привели к освобождению большинства заложников» [5]. Хотя он и позволил уйти чеченцам и не наказал их за убийства и ранения россиян, Черномырдин, по мнению анализируемых авторов, сделал важный шаг на пути разрешения конфликта. Действия премьер-министра получили высокую оценку зарубежных военных корреспондентов.

По мнению А. Майера, у федеральных властей не было другого выхода, кроме как начать переговоры с сепаратистами Дудаева. Так как еще в начале июня стало ясно, что федеральным войскам не удастся победить чеченцев из-за их высокого боевого духа и

желания отстоять свою землю [15, р. 329]. «Так что у Кремля осталось всего два варианта: бесконечная партизанская война или компромисс» [15, р. 330].

События в Буденновске подтолкнули федеральные власти ко второму варианту, ведь переход войны на другие части РФ не был выгоден Б. Ельцину, которому скоро предстояло выдвигаться на второй срок. Кроме того, население России было настроено отрицательно по отношению к конфликту из-за потерь среди солдат и событий в Буденновске.

Дж. Дудаев часто выступал с критикой Москвы и ее политики в Чечне. Но на протяжении всего конфликта он высказывал мысль о том, что мог бы пойти на компромисс при условии «уважительного отношения к его персоне» с кремлевской стороны [10, р. 120]. 30 июля было подписано соглашение о прекращении огня с обеих сторон, выводе большинства российских войск и обмене пленниками. Но это соглашение не выразилось в реальном прекращении конфронтации [15, р. 331].

Уже сразу после подписания соглашения, когда Имаев, глава делегации Чечни, прибыл к Дудаеву, на него «обрушился гнев Дудаева». Через десять месяцев после этого события Имаев объяснил, в чем его обвинили: «Дудаев почувствовал, что переговоры окончились без его участия; ни Ельцин, ни Черномырдин не намеревались с ним встретиться лично. Все забыли про генерала Дудаева» [10, р. 282].

По мнению английских и американских корреспондентов, в конфликте столкнулись интересы двух авторитарных личностей, которые во многом были не способны к компромиссу, и скорее были склонны к провоцированию нового конфликта, который бы смог удовлетворить их интересы.

Более того, Дудаеву и Грачеву не было выгодно подписание этого договора. Первый имел больше власти и уважения среди чеченцев во время военных действия. Министр обороны Грачев стремился к дальнейшему увеличению финансирования федеральной армии, так как он мог использовать полученные финансовые средства в собственных целях [15, р. 332].

Среди других событий конфликта, которые подробно анализируются военными корреспондентами, стоит упомянуть битву за Гудермес [10, р. 287-288], захват заложников в Кизляре и последующие события в селе Первомайское [17; 19].

Убийство Д. Дудаева

Ключевым эпизодом первой чеченской кампании является убийство Дудаева. В конце марта Ельцин проявил новую инициативу по прекращению огня в Чечне. А. Майер пишет: «Эта инициатива была не более чем предложением. Президентские выборы были назначены на 16 июня, и Ельцин понимал, что его шансы на переизбрание основываются на прекращении войны в Чечне» [13, р. 150].

Авторы указывают, что Ельцину нужно было добиться прекращения конфликта любым способом. Он опасался того, что общественность проголосует за коммунистов, выступавших против военного решения чеченской проблемы.

Но внезапно 21 апреля 1996 г. президент Чечни был убит. Это поменяло расстановку сил и задачи сторон [12]. К. Галл пишет, что причины убийства Дудаева стали загадкой для всех. «Скорее всего, Ельцин был готов вести переговоры с Дудаевым, но только в случае крайней необходимости, и в то же самое время он пытался его устранить» [10, р. 321].

Новый лидер чеченцев Яндарбиев «никогда не являлся авторитарной фигурой» [10, р. 324], поэтому с ним можно было построить диалог. 27 мая произошла встреча Ельцина и Яндарбиева, которая закончилась подписанием соглашения о прекращении огня. Ельцину удалось добиться такого выхода. И, как считает К. Галл, «это стало самым блестящим актом пропаганды его предвыборной кампании» [10, р. 327].

В действительности временное прекращение огня было выгодно не только Ельцину, но и чеченской стороне. Все в Чечне помнили предыдущее прекращение огня и какие «выгоды оно им дало» [13, р. 151]. Временное прекращение боевых действий предоставля-

ло им столь нужную передышку.

Через неделю после выборов президента 9 июля федеральные войска нанесли удары по деревне Махеты [10, р. 329]. Это продемонстрировало настоящие приоритеты Кремля и Ельцина в отношении Чечни. Бои продолжались до 6 августа, до дня инаугурации Ельцина. А. Лиевин считает, что это был день позора России: «В Москве очень большой и тучный человек, неспособный говорить в течение более чем одной минуты, был переизбран на второй срок» [13, р. 152]. Здесь авторы обращают внимание на индифферентное поведение российской общественности, которая не хотела перемен в политике и была готова поддержать Ельцина, некомпетентного и не соответствующего имиджу политического лидера.

Заслуга по окончательному прекращению конфликта, по мнению западных корреспондентов, принадлежит А. Лебедю и А. Масхадову, последний был инициатором прекращения боевых действий. К. Галл ссылается на то, что Масхадову «было стыдно» за состояние российской армии после ее разгрома в Грозном, и он хотел избежать дальнейших жертв [10, р. 358-359]. В результате совместных усилий Лебеда и Масхадова удалось добиться подписания мирного договора, по которому 31 августа все русские войска вышли из Грозного.

Окончание войны оказалось, с одной стороны, долгожданным, а с другой, нелогичным. Ни одна из сторон в действительности не добилась поставленных целей и задач, что в будущем привело к новому витку военных действий.

В результате Чечня получила фактическую независимость от России. Но ни одно иностранное государство не признало эту чеченскую независимость. А судьба Чечни зависела от России и от ее решения о признании реальной независимости. Экономика Чеченской республики была в руинах. Не осталось ни одного нефтеперерабатывающего завода [10, р. 368], поэтому Чечне неоткуда стало черпать ресурсы для экономического развития. А людские потери, по имеющимся в изучае-

мых источниках данным, составили 60 000 погибших и десятки тысяч раненых.

Заключение

Военные корреспонденты удачно используют данные, полученные в результате личных наблюдений для дополнения и прояснения многих аспектов и загадок конфликта. Многие их трактовки базируются на допущениях, но, в любом случае, предоставляют полезную информацию об оценках, мнениях и восприятии конфликта.

Большим достоинством источников является живое изображение конфликта. Авторы во время пребывания в Чечне непосредственно общались со многими участниками военных действий и жителями Грозного и других городов и населенных пунктов Чечни.

Более того, иностранные корреспонденты дополняют собственные мнения и впечатления ссылками на законодательные акты, монографии, газетные статьи и другие материалы. В результате они смогли детально показать хронологию событий, продемонстрировать всю сложность и противоречивость факторов и позиций лидеров, повлиявших на его возникновение и развитие.

Во-первых, при анализе источников становится ясно, что симпатии английских и американских корреспондентов находятся на стороне чеченцев. Авторы восторгаются их боевым духом и храбростью, указывают на сложную изначально ситуацию, в который оказались боевики. Это совсем не удивительно, так как иностранные корреспонденты во время конфликта находились на территории Чеченской республики и в основном контактировали с чеченцами. Образ воинственного горца, отстаивающего свободу своей земли, конечно, оказал очень эффективное воздействие на восприятие конфликта американскими и английскими корреспондентами. Более того, иностранные авторы демонстрируют, что чеченцы во многом стали заложниками ситуации и конфликта в целом. Они стремились к мирному разрешению конфликта, но были вынуждены защищаться, когда феде-

ральные войска начали военные действия на территорию республики.

Нельзя сказать, что иностранные авторы негативно оценивают федеральные войска, напротив, на протяжении всего конфликта они сочувствуют плохо подготовленным молодым федеральным солдатам, которые стали участниками конфликта не по собственному желанию, а по воле властей.

Во-вторых, иностранные авторы подчеркивают, что первая чеченская война была результатом глупости, жадности и упущенных возможностей. В источниках отмечается, что если бы Д. Дудаев хотел, то он мог договориться с Ельциным о приемлемом соглашении и получить широкую автономию. А ельцинская администрация оказалась неспособной к дипломатической деятельности по решению проблемы и вместо этого использовала старую советскую схему¹, направленную на устрашение населения и применение грубой военной силы.

Особое внимание авторы уделяют демонстрации необдуманных действий российских властей, которые инициировали данный конфликт, прекрасно зная историю чеченских войн. Начавшись из-за желания некоторых фигур ельцинского окружения и самого Ельцина, война привела к падению его личного авторитета в государстве и на международной арене. Политика президента, не заботившегося о своем народе, армии и ресурсах страны, привела к уничижительному и негативному отношению к нему со стороны российской общественности, политиков в России и на Западе. Его халатность привела к гибели сотен мирных людей в Буденновске и Кизляре. Более того, его ошибки обрекли на гибель десятки тысяч солдат, которые не только не были подготовлены к военным действиям физически и морально, но и не оповещены о целях своего пребывания в Чечне. Все это вырази-

¹ В изучаемых источниках, авторы неоднократно проводят параллели между действиями федеральных властей во время первой чеченской кампании и действиями советского руководства в Чехословакии в 1968 г. и в Венгрии в 1956. Они указывают на общую стратегию федеральных властей, направленную на силовое разрешение конфликтной ситуации.

лось в больших и ненужных человеческих потерях и финансовых затратах. Но самым главным последствием оказалось осознание того, что «надежда на демократическую трансформацию России, которая началась в 1991 г., когда Ельцин забрался на танк, была отброшена, как нереалистичная» [15, p. 337].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубев А.В. Инокультурные представления в истории // Российская история. – М.: Наука. 2010 – № 5. – С. 3-5.
2. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. – М., 1982. – 322 с.
3. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954. – М., 1999. – 247 с.
4. Щепетов К.П. Немцы – глазами русских. – М., 1995. – 270 с.
5. A Way Out of Chechnya // The New York Times. – 1995. – 20 June.
6. Chechnya: the White Paper. – Moscow, 2000. – 141 p.
7. Clark B. An Empire's New Clothes. – London, 1996. – 346 p.
8. Erlanger S. Behind the Chechnya Disaster; Leading Russian Into the Quagmire // The New York Times. – 1995. – 8 January.
9. Felgenhauer P. Was it Just a Warning Shot? // Moscow Times. – 2002. – 31 October.
10. Gall C., Waal T. Chechnya: Calamity in the Caucasus. – New York, 1998. – 416 p.
11. Goltz T. Chechnya Diary: a War Correspondent's Story of Surviving the War in Chechnya. – New York, 2003. – 352 p.
12. Gordon M. Is the Chechen Rebel Leader Dead? All Russia is Wondering // The New York Times. – 1996. – 24 April.
13. Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. – London, 1998. – 448 p.
14. M. Evangelista. The Chechen Wars: Will Russia Go the Way of the Soviet Union? – Washington DC, 2003. – 260 p.
15. Meier A. Black Earth: Russia After the Fall. – London: Harper Perennial, 2004. – 516 p.
16. Specter M. Chechen Rebels Said to Kill Hostages at Russian Hospital // The New York Times. – 1995. – 16 June.
17. Specter M. Chechen Rebels Widen Resistance, Hijacking a Ferry // The New York Times. – 1996. – 17 January.
18. Specter M. 10 Days That Shook Russia: Siege in the Caucasus // The New York Times. – 1996. – 22 January.
19. Steele J. Eternal Russia: Yeltsin, Gorbachev, and the Mirage of Democracy. – Cambridge, 1994. – 446 p.

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, Средних веков и Нового времени

УДК 904:72

Коровчинский И.Н.

Московский государственный областной университет

ИЕРАРХИЯ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ В ХРАМЕ ОКСА В ТАХТИ-САНГИНЕ

I. Korovchinskiy

Moscow State Regional University

HIERARCHY OF CULT OBJECTS IN THE OXUS TEMPLE AT TAKHTI-SANGIN

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, какой культовый объект из числа находившихся в храме Окса в Тахти-Сангине (Северная Бактрия, совр. Южный Таджикистан) был наиболее значимым для этого храма в эллинистический период. Первооткрыватели храма, Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян, предложили считать таковыми алтари огня, однако М. Бойс и К. Рапен высказали сомнение в правильности данной точки зрения, хотя и не обосновали его подробно. В статье путем подробного анализа архитектуры, скульптуры и стратиграфии храма обосновывается правильность точки зрения М. Бойс, согласно которой основными объектами почитания в храме Окса были статуи, а культ огня играл второстепенную роль.

Ключевые слова: религии древнего мира, храмовая архитектура, Древний Иран, Бактрия, эллинизм, культовые статуи, культ огня.

Abstract. The article is an attempt to define one of the most significant cultic objects in the Oxus Temple at Takhti-Sangin (Northern Bactria, modern southern Tajikistan) in the period of Hellenism. The fire altars of the temple were considered its most sacred objects by its discoverers, B. Litvinskiy and I. Pichikyan. M. Boyce and C. Rapin disagreed with their opinion but didn't give any detailed substantiation. A detailed analysis of the architecture, sculpture and stratigraphy of the temple makes us agree with M. Boyce's opinion, according to which the main objects of worship in the temple were cult statues, while the role of the fire cult was secondary.

Key words: ancient religions, temple architecture, Ancient Iran, Bactria, Hellenism, cult statues, fire cult.

©Коровчинский И.Н., 2012.

Работа выполнена на средства гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых – кандидатов наук МК-3263.2012.6. Автор благодарит Совет по грантам Президента Российской Федерации за финансовую поддержку.

Храмовый комплекс, посвященный богу реки Окс (Амударьи) и еще одному неизвестному божеству¹ на территории городища Тахти-Сангин (Южный Таджикистан), раскопки которого продолжаются с 1970-х гг. по настоящее время, является наиболее крупным из выявленных до сих пор культовых объектов эллинистической Бактрии. Исследователи храма придерживаются различных точек зрения на его датировку: согласно И.Р. Пичикиану, он был возведен в конце IV в. до н. э., согласно Б.А. Литвинскому – в начале III в. до н. э. [2, с. 367-368]. В конце II в. до н. э. он пришел в запустение в результате захвата Бактрии кочевниками-юэчжами. Позднее, в I в. до н. э. – I в. н. э. он был восстановлен в несколько измененном виде и функционировал до окончательного разрушения в III-IV вв. н. э. [2, с. 179-184]. В данной статье рассматривается состояние храма в эллинистический период (IV/III-II вв. до н. э.)

Ансамбль храма Окса (см. рис. 1) состоял из двора-теменоса и храмового здания [2, с. 118-134]. Во дворе находились два алтаря небольшой высоты (0,65 м) [2, с. 169-175], колодец, две цистерны (углубления, обложенные кирпичом) и два постамент. На одном из последних стояла бронзовая статуя, от которой сохранились ступни и крепёжная заливка. Статуя была выполнена в греческом стиле и отличалась монументальностью; ее высота, исходя из пропорций, характерных для греческого искусства, составляла около 5 м [2, с. 123]².

Само храмовое здание состояло из прямоугольного основного ядра и двух боковых крыльев. Между крыльями и перед фасадом храма находился 8-колонный портик³.

¹ Относительно второго культа в храме Окса см.: [2, с. 355; 1, с. 16; 11, р. 23].

² Эллинистическая датировка статуи доказывается ее греческим стилем и тем, что, согласно И.Р. Пичикиану, пол двора, насланный на высоте 0,10-0,15 м над материком, и с которого был возведен постамент статуи, «соответствует уровню, по которому шло первое крупное разрушение храма», произведенное юэчжами во 2-й пол. II в. до н. э. [2, с. 122]. Следовательно, этот пол был наслан до юэчжийского вторжения.

³ На рис. 1, заимствованном нами из труда Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикиана – «колонный айван». Тем не

менее, данный термин, используемый Б. А. Литвинским и И. Р. Пичикианом [1, с. 113 и др.], представляется нам менее удачным, чем используемый П. Бернаром термин «портик» (portique) [7, р. 83 et al.]. Хотя в Средней Азии айванами традиционно называют плосковерхие портики, подобные портику храма Окса, историки архитектуры чаще обозначают этим термином парадные купольные и полкупольные сени, впервые появившиеся в архитектуре Парфянского царства и позднее получившие распространение в мусульманской архитектуре [10, р. 153].

Центральное и самое большое помещение основной части храма – зал 12 x 12 м, кровля которого опиралась на 4 колонны (см. рис. 1 и 2)⁴. Входом в зал служил монументальный портал. В зале имелось несколько площадок; на одной из них, находившейся в северо-западном углу и имевшей высоту 0,3 м, стояли два каменных цилиндра диаметром 0,7 и высотой 0,25 м, интерпретируемых И.Р. Пичикианом как алтари. Основание этой площадки покоится на материке, что позволяет считать ее возведение синхронным с основанием храма. Еще две площадки найдены между колоннами: северо-западной и северо-восточной и юго-западной и юго-восточной. Они возведены с уровня первого пола (0,05 м), однако их поверхность находится на одной высоте с поверхностью более ранней площадки (0,25 м над материком). Что помещалось на этих платформах, неизвестно [2, с. 53-71].

Двери в боковых стенах зала вели в узкие коридорообразные помещения (т. н. коридоры 1 и 3). Из этих последних можно было также пройти в сходные коридоры 2 и 6, находившиеся позади зала. Весьма значительное число культовых приношений и монет, найденных в этих коридорах (особенно 2 и 6), позволяет считать их хранилищами [2, с. 71-97]. В коридоре 6, помимо прочих предметов, была найдена статуэтка речного божка, на постаменте которой было выбито посвящение богу Оксу, послужившее основанием для определения храма как храма Окса [2, с. 86-87, 304-307; 3, с. 184-204]⁵.

⁴ На рис. 2 обозначены также ботросы и иные объекты постэллинистического периода.

⁵ Мы сознательно не рассматриваем здесь объекты, выстроенные с пола 2А в основной части храма, соглашаясь с точкой зрения И.Р. Пичикиана, который датирует этот пол позднее юэчжийского завоевания [2, с. 54]. А. Дружинина предложила считать данный пол эллинистическим.

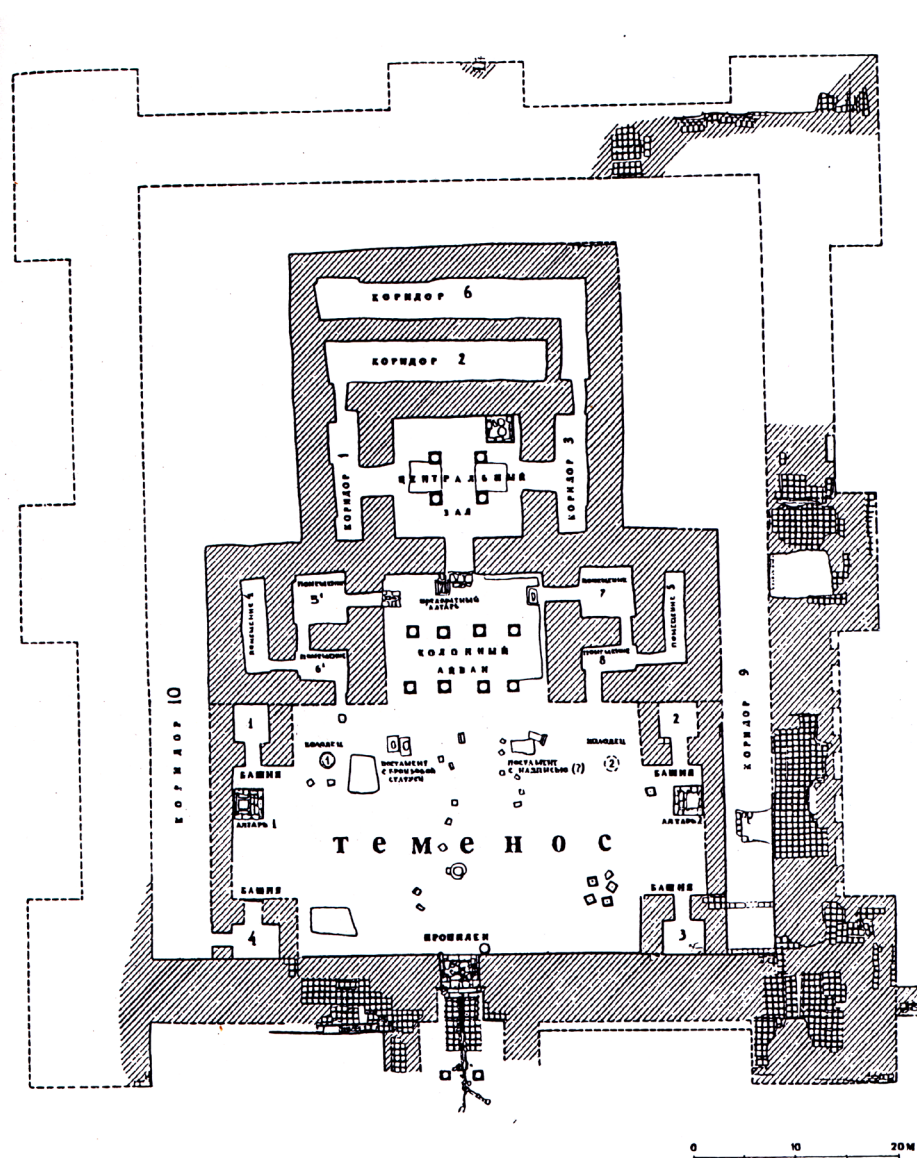

Рис. 1. [2, табл. 13]

ческим на основании того, что он лежит примерно на той же высоте над материком (0,25-0,3 м), что слой на площади х за воротами комплекса храма Окса (0,22-0,3 м), с которого была возведена кладка, похожая на кладку алтарей во дворе храма, надежно датируемых эллинистическим периодом по нанесенным на них буквенным меткам [9, S. 278-279]. Однако она забывает, что алтари возведены с меньшей высоты (0,10 и 0,18 м) [2, с. 172]. С нашей точки зрения, смена слоев на площади и полов внутри храмового здания не обязательно должны были быть синхронными. Аргументация И.Р. Пичикяна в пользу юэчжийской даты пола 2 выглядит более весомой, поскольку она основана на конкретных монетных находках. В коридоре 6 на полу 1А была найдена монета Евкратиды I – одного из поздних царей Греко-Бактрии [2, с. 95, 401].

Это говорит о том, что в конце эллинистического периода пол 1А еще не был перекрыт слоем 2А. Самыми поздними монетами, найденными в спущенных с пола 2 ботросе № 3 и № 4, являются монеты кушанского царя Вимы Кадфиза. В ботросе № 4 представлены исключительно чеканы Сотер Мегаса и Вимы Кадфиза (т. е. эллинистический чекан вообще отсутствует), а в ботросе № 3 основная масса монет (69 экземпляров) представлена подражаниями драхмам парфянского царя Фраата IV (ок. 40-3 гг. до н. э.) [2, с. 59]. Все это говорит о том, что данные ботросы заполнялись уже в постэллинистический период. Кроме того, мощный натек 2 толщиной 0,15 м между полами 1А и 2А [2, с. 54], на наш взгляд, мог образоваться только во время запустения храма после юэчжийского завоевания.

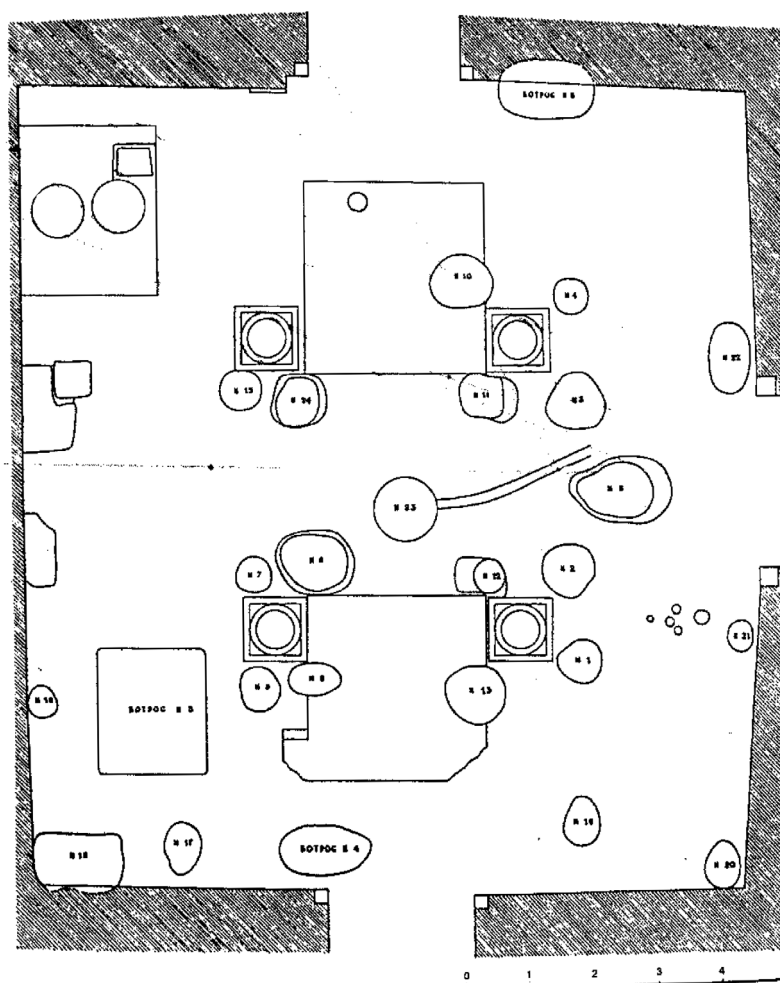

Рис. 2 [2, табл. 11]

В крыльях, чья планировка была абсолютно симметричной, было по три помещения. Особый интерес среди них представляют комнаты 5' и 7, выходы из которых, снабженные мощными папертями¹, располагались по бокам от портика. В этих помещениях находились алтари огня (в помещении 7 алтарь сохранился полностью, в помещении 5' разрушен)². К по-

¹ Термин впервые использован в данном контексте П. Бернаром (parvis) [7, р. 93]. И. Р. Пичикян использует термин «трибуны» [2, с. 98]. С нашей точки зрения, этот последний менее удачен, поскольку не относится к сфере религии.

² Вызывает удивление тот факт, что Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян приводят только описание, но не фотографии или зарисовки алтарей огня, несмотря на то, что именно их авторы считают главными культовыми объ-

мещению 7 примыкает помещение 5, на полу которого сохранился 18-сантиметровый слой священной золы [2, с. 97-113].

Руководители раскопок храма на их ранней стадии, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, полагали, что важнейшими культовыми объектами в храме Окса были алтари огня и определяют данный храм как храм огня [2, passim]. С другой стороны, крупнейший специалист по зороастризму, М. Бойс, считала, что это был «храм со статуями и вспомогательными помещениями для почитания священного огня», обосновывая это тем, что в самом крупном помещении храма – зале –

ектами храма.

следы культа огня отсутствуют, а объекты на пьедестале в северо-западном углу могли быть не алтарями, а базами статуй [8, р. 178]. Швейцарский исследователь К. Рапен также пишет, что, по его мнению, боковые крылья «были необходимы для отправления дополнительных церемоний (культов)» и что «культ огня... без сомнения, не был главным культом» храма Окса [6, с. 135]¹.

Аргументы Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна в пользу их точки зрения сводятся к следующему: 1) алтари огня были самыми высокими объектами храма; 2) никто, кроме жрецов, не мог их видеть, что придавало им особую сакральность.

Б.А. Литвинский утверждает, что алтари огня «занимали акцентированное, выдающееся место, господствуя в высотном отношении», «были как бы «вознесены» и «парили» над остальной частью храма и находящимися там верующими» [2, с. 359]. Однако это не так. Согласно описанию, приводимому самими этими авторами в 1 томе издания «Эллинистический храм Окса в Бактрии», основание сохранившегося алтаря огня было намазано на материк на 0,2 м ниже реперной отметки. Пол атешгаха вокруг алтаря был выложен кирпичом, верхняя поверхность которого располагалась примерно на одном уровне с отметкой 0. Вершина алтаря и возвышалась над реперной отметкой на 1,02 м [2, с. 104, 107]. На такой же и даже чуть большей высоте (+1,05 м) находился древнейший (относящийся к эллинистическому периоду) пол самого западного помещения храма – коридора 6². Совершенно очевидно, что алтарь огня не мог «парить над головами» тех, кто ходил по этому полу – равно как и тех, кто находился

в коридоре 2 (высота +0,95 м от репера) [2, с. 52], а также в коридорах 1 и 3 и в главном зале (+0,05 м) [2, с. 52, 54, 71].

Подъем уровня пола в коридорах 6 и 2 обусловлен тем, что они были врезаны в склон горы [2, с. 78]. Поскольку эти помещения служили хранилищами культовых приношений, они, вопреки своей высоте, не могли быть более значимыми в сравнении с другими помещениями храма. По-видимому, соотношение уровня пола в разных частях храма Окса вообще не имело символического значения, а нарастание высотных отметок с востока на запад (с наиболее сильным перепадом как раз внутри храмового здания, между центральным залом и коридором 2) [2, с. 52] обусловлено рельефом местности, быстро поднимающейся от Пянджа к вершинам хребта Тешик-Таш [4, с. 477]³.

Касаясь акцентированного положения отдельных объектов, следует обратить внимание на статую во дворе храма. Ее постамент был возведен с уровня пола 0,1 м над материком, который на площади лежит в среднем примерно на 1 м ниже репера [2, с. 52]. Высота постамент – 1 м, а предполагаемая высота самой статуи, реконструируемая по сохранившейся ноге – не менее 5 м [2, с. 123]. Таким образом, именно статуя «парила над головами» людей, в какой бы части храма те не находились.

Кроме того, неясно, почему соотношение высот следует считать основным критерием при определении значимости того или иного объекта. Представляется, что соотношение размеров объектов или их место в архитектурной композиции храмового ансамбля имеют не меньшее значение. Между тем совершенно очевидно, что алтарь огня значительно уступал по высоте той же статуе во дворе. Атешгахи как помещения, даже вместе взятые, также уступали по своей площади (54 м²) портику (220 м²), залу (149 м²) и даже обводным коридорам 6 (99 м²) и 2 (70 м²). По отдельности они (27 м²) превосходили только помещения 6³ и 8 (13,5 м²)⁴.

¹ Можно упомянуть также точку зрения П. Бернара, полагавшего, что крылья храма, в которых находились алтари огня, построены позднее основной части, в постэллинистический период, и что сами алтари были выстроены не с материка [7, р. 84-90]. Однако эти выводы были основаны на предварительной неполной публикации материалов храма. Более поздняя полная публикация выявила неправоту французского специалиста [см. 2, с. 97, 103-105].

² Высота материка в коридоре – +1,0 м [2, с. 52, 91], высота эллинистического пола 1 во всех внутренних помещениях храма – 0,05 м [2, с. 71, 91].

³ См. также инструментальную съемку местности вокруг городища с отметками высот [2, табл. 11].

⁴ Вычислено нами с помощью [2, табл. 12].

С точки зрения общей композиции ядром архитектурного ансамбля Тахти-Сангинского храма, несомненно, был зал. Одного взгляда на план достаточно, чтобы убедиться в стремлении его создателей к строгой симметрии, ось которой проходит именно через зал.

Вход в него располагался на одной оси с пропилями, которая одновременно являлась осью симметрии и самого зала, и коридоров по бокам от него, и портика, и двора, и даже большинства объектов, располагавшихся на территории этого последнего, включая алтари, боковые колоннады, угловые башни, и, наконец, боковых крыльев, в которых располагались атешгахи, и самих атешгахов. Расстояние от западной стены зала до такой же стены храмового здания составляло 18,8 м; такое же расстояние от восточной стены зала до восточных стен крыльев-ризалитов, лежавших на той же линии, которая ограничивала с востока пространство портика, составляло 17 м¹. Погрешность, как видим, невелика (около 10 %).

Можно представить, что архитектор, создававший храм, прежде всего наметил местоположение зала, а затем уже «наращивал» вокруг него все прочие составляющие комплекса, которые как бы «стягивались» к нему. Первым, что видел перед собой человек, входивший в храмовый комплекс через пропилю, был мощный портал зала в глубине портика. Путь через двор в сторону храма, несомненно, воспринимался как медленное и торжественное приближение к portalу. С другой стороны, узкие проходы в атешгахи были заметны лишь тем, кто уже вошел в портик.

Что же касается самих атешгахов, то отведенная им роль боковых помещений ясно указывает на их *побочное* значение. При желании можно усмотреть некий смысл в том, что их западные стены совпадают с центральной поперечной осью комплекса². Однако с этой же осью совпадает линия храмового фасада; на ней же располагается упомянутый выше портал. Собственно, именно портал и был местом пересечения продольной и поперечной

центральных осей, т. е. центром храмового комплекса. Последнее окончательно устраняет сомнения в том, что планировка комплекса была глубоко продуманной, а соотношения его частей – символически значимыми.

К этому следует прибавить, что поперечная ось менее важна, чем продольная, поскольку она не являлась осью симметрии и не была выделена визуально.

Столь явную «затертость» атешгахов по сравнению с другими частями комплекса компенсируют лишь парадные паперти у их входов. Однако все остальные признаки (включая внешний вид примыкавших к этим портикам узких входов в атешгахи, менее парадный, чем вид портала)³ указывают на то, что роль этих помещений, а следовательно, и совершавшихся в них обрядов, была второстепенной.

Пытаясь доказать особое значение атешгахов, Б.А. Литвинский неоднократно подчеркивает, что вход в них был разрешен только жрецам и что священное пламя, горевшее на их алтарях, нельзя было увидеть, находясь за пределами атешгаха. По его мнению, это соответствует практике зороастризма, предписывающей скрывать священный огонь от глаз простых верующих.

Первое утверждение основано на малой ширине проходов, ведущих в атешгахи (1 – 1,2 м) и значительной площади алтарей, оставляющих весьма ограниченное свободное пространство [2, с. 97-98]. Эти признаки действительно указывают на то, что атешгахи не были предназначены для нахождения в них большой массы народа, т. е. совершаемые в них ритуалы не были публичными. Однако отсутствие публичности и безусловный запрет на вход кого-либо, кроме жрецов – это не одно и то же. Достаточно вспомнить алтари христианских церквей, которые также имеют сравнительно малую площадь. Однако вход в них для мирян ограничен, но не запрещен⁴. С другой стороны, некоторые древние

¹ [2, табл. 12]

² Найдена с помощью [2, табл. 13].

³ Ширина проходов составляла 1-1,2 м, в то время как ширина портала – 3 м [2, с. 113].

⁴ Более того, в некоторых случаях он предписывается (так, новокрещеного мужского пола обязательно вводят

религии знали крупные помещения, в которые, тем не менее, профаны заходить не могли – например, зал для посвящений (Телестерион) в Элевсине площадью 54 x 52 м [5, с. 134]. Эти примеры показывают, что наличие или отсутствие ритуальных ограничений на вход в то или иное помещение нельзя выявить чисто археологическими методами.

О том, что священный огонь все же был виден снаружи, из портика, приходится говорить со всей определенностью. Пол прохода, который вел из портика в атешгах 7, располагался приблизительно на высоте +0,6 м, а вершина главного алтаря огня, расположенного на одной оси с этим проходом, – на высоте +1,02 м [2, с. 104]. Очевидно, что потолок в проходе не может отстоять от пола меньше, чем на 0,42 м (!)¹, поэтому приходится признать, что огонь алтаря был виден тем, кто смотрел на него из портика через открытый проход. Правда, проход прикрывался дверными створками, но нет никаких данных, говорящих о том, что они не открывались в присутствии молящихся. Скорее створки служили для предохранения огня от порывов ветра. Более того, тот факт, что паперти имелись лишь у выходов из атешгахов, указывает на стремление придать входу и выходу жрецов через эти двери особую торжественность. Вероятно, эти входы и выходы совершались публично. Поскольку сам Б. А. Литвинский считает, что доступ в портик не был закрыт для простых молящихся и что те, находясь в нем, могли молиться, обратившись в сторону алтарей огня [2, с. 359] (что, впрочем, ничем не подтверждается, но и не опровергается), остается признать, что во время таких молений народ мог видеть горящее на алтарях священное пламя

М. Бойс полагает, что расположение дверей, соединяющих помещение 8 с двором и атешгахом 7, на разных осях «не позволяло случайному взгляду упасть на священный в алтарь».

¹ Даже до нашего времени он, насколько можно судить, сохранился на большую высоту. Во всяком случае, И.Р. Пичилян пишет, что северная и южная стены портика сохранились «на высоту от 3 до 2 м от материка» [2, с. 113].

огонь и предохраняло последний от порывов ветра» [8, р. 175]. Таким образом, она допускает возможность ограничений созерцания огня мирянами, однако не утверждает, что подобное созерцание было запрещено полностью.

Тем не менее мы полагаем, что в храме все же имелся объект, скрытый от глаз простых верующих, что говорит об особой его сакральности. Мы имеем в виду уже упоминавшуюся конструкцию в северо-западном углу зала. Ее расположение не отвечает принципам строгой симметрии, которыми в большинстве случаев руководствовались строители храма. Сложная планировка боковых крыльев-ризалитов, являющихся словно бы зеркальными отражениями друг друга, доказывает, что это чувство было развито у них в высокой степени. Тем более странно, что объект, находившийся в глубине зала, столь резко сдвинут в сторону относительно центральной оси храма и симметричная ему пара в юго-западном углу зала отсутствует. Будь он расположен на одной оси с пропилеями и порталом, он служил бы блестящим завершением ансамбля. Зритель, входящий в пропилеи, видел бы прямо перед собой величественный портал, далее, по мере приближения к нему – трехуровневую композицию в глубине зала. Вместо этого в глубине портала виднелась лишь беленая задняя стена зала, а по бокам просматривались колонны, подпиравшие кровлю. Проявившееся в других частях храма стремление поразить зрителя, создать вокруг него эффектную обстановку, дало грубый сбой именно там, где оно могло быть удовлетворено с наибольшим успехом.

Даже тому, кто уже вошел в зал, было бы поначалу весьма неудобно рассматривать эту конструкцию. При взгляде на план зала становится ясно, что северо-западная и северо-восточная колонны должны были служить серьезным препятствием для обзора конструкции. Даже тот, кто стоял в оптимальной позиции (близ южной стены портала), не мог обозреть ее целиком, а стоявший близ северной стены не мог видеть ее вообще. Колонные базы высотой 0,6 м [2, с. 142], считая от материка, должны были полностью загораживать

сохранившуюся до настоящего времени часть конструкции, имевшую высоту 0,55 м. Известные объекты, стоявшие на цилиндрических базах, были полностью или частично видны в зазор между стволами колонн, и, тем не менее, даже они явно не были предназначены для рассматривания со стороны портала. Вполне возможно, что со временем обзор стали загораживать также предметы, стоявшие на северной платформе (маловероятно, чтобы платформы, примыкающие к колоннам, были самостоятельными сооружениями). По мере продвижения в глубь зала ситуация не улучшалась. Северо-западная колонна все больше мешала обзору, так что конструкцию нельзя было полностью охватить взглядом до тех пор, пока зритель не оказывался в дальней, западной трети зала. Впрочем, и здесь для того, чтобы рассмотреть ее, он должен был целенаправленно повернуться к ней лицом.

Собственно, из всего пространства зала только западная треть была подходящим местом для осмотра интересующего нас объекта, так как человеку, находившемуся в северной части зала, мешало уже устройство самой конструкции: предмет, стоявший на восточной цилиндрической базе. Он загораживал бы тот, что стоял на западной базе, а узкое (0,6 м) пространство между конструкцией и северной стеной явно не было предназначено для нахождения в нем людей. О том, сколь непригодна для обзора конструкции была самая дальняя от нее, южная треть зала, говорить не приходится.

Стоило строителям хотя бы приблизительно соблюсти симметрию и возвести конструкцию ближе к центральной оси храма и зала, все эти неудобства были бы ликвидированы. Отсюда можно сделать вывод, что конструкцию целенаправленно стремились скрыть, и в первую очередь – от глаз тех, кто находился вне зала, в портике. От них она была и вовсе надежно скрыта 4-метровой глубиной портала.

Это означает, что в храме действительно имелось сооружение, которое строители целенаправленно возвели так, чтобы его нельзя было увидеть из-за пределов того помеще-

ния, где оно находилось. Но этим сооружением был не алтарь огня, а помещением – не атегшах. Поскольку конструкция в северо-западном углу является единственным сооружением зала, возведенным прямо с материка, в то время как платформы, примыкающие к колоннам, были возведены с первого пола, то совершенно очевидно, что первоначально она была единственным сооружением зала (если не считать колонн, подпиравших кровлю). Ее сложность и монументальность позволяет предположить, что ради нее зал и возводился. На основании приведенных аргументов мы приходим к следующим выводам: 1) зал был важнейшим помещением храма; 2) интересующая нас конструкция была его сердцем, его главным культовым объектом.

И.Р. Пичикян считает цилиндры на платформе в северо-западном углу зала «основаниями для круглых алтарей» [2, с. 65]. Доказательством служит находка во дворе храма круглого алтаря с отверстием для либаций, нижняя четверть которого была отбита. Диаметр основания этого алтаря, по словам И. Р. Пичикяна, близок диаметрам цилиндров. Однако точная его величина не указывается [2, с. 124].

В другом месте И.Р. Пичикян и Б.А. Литвинский предлагают иную версию, согласно которой на «алтарь в центральном зале» помещались «тлеющие угольки», перенесенные с алтарей огня в атегшахах [2, с. 206]. В таком случае алтарь для либаций уже не может иметь отношения к конструкции в зале. То обстоятельство, что во втором случае речь идет о единичном «алтаре», а не «алтарях» в зале, вызывает недоумение. Непонятно, о каком алтаре идет речь. Полагали ли Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, что один из алтарей на постаменте в зале предназначался для либаций, а другой – для возложения на него угольков? К сожалению, они не уточнили этот вопрос. В целом эта версия представляется противоречивой.

Б.А. Литвинский полагает, что аналогом конструкции в северо-западном углу зала храма Окса являются сооружения I-II вв. н. э., найденные в Селевкии-на-Тигре, а именно «полуовальная платформа, облицо-

ванная кирпичом, со штукатурной декорацией. Перед ней алтарь из известняка с колонной высотой 71 см. Имеется еще одна колонна. На вершине колонн – углубление. Полагают, что это – святилище. В другом здании (комнаты 203, 205 и 208) алтарь огня грушевидной формы также помещался на платформе» [2, с. 360, прим. 58]. Нам, однако, неясно, в чем именно здесь состоит аналогия. Платформа в храме Окса не полуовальная, а прямоугольная, предполагаемые алтари на ней не грушевидные, а цилиндрические, и никакого «алтаря с колонной» в храме Окса вообще не имеется.

Нельзя не учитывать мнение крупнейшего специалиста по зороастризму, М. Бойс, утверждавшей, что такая церемония, как перенос угольков, не отмечена ни в источниках, ни в практике современных зороастрийцев [8, р. 179]. Эта же британская исследовательница предполагает, что рассматриваемые «алтари» в действительности были постаментами статуй [8, р. 178]. Если учесть, что большая часть скульптур, найденных в храме Окса, выполнена в греческой традиции [см. 3, с. 171-272], уместно обратиться к данным раскопок в Греции. К. Явис пишет о найденном в Олимпии к востоку от булевтерия «плоском барабане» высотой 0,63 м и диаметром 1,19 м, лежащем на «низкой квадратной платформе» (low square plinth), что «обнаружившие его специалисты сочли его алтарем, но это неправдоподобно. Скорее речь идет о базе некой статуи или памятника». То же самое верно, по его мнению, относительно похожей прямоугольной базы [12, р. 144]. Сходство описанного объекта с цилиндрами в храме Окса очевидно и намного более велико, чем в случае с конструкциями в Селевкии-на-Тигре, не совпадают лишь размеры и число баз на постаменте. Следовательно, по мнению автора важнейшей монографии, посвященной греческим алтарям, такого рода объекты вполне могли служить базами не только для алтарей, но и для статуй. Примечательно, что К. Явиса не смущает отсутствие следов крепления; ясно, что статуи небольших размеров не всегда в нем нуждались.

Таким образом, представляется вполне вероятной правильность точки зрения М.

Бойс, согласно которой главным объектом почитания в храме были статуи божеств. Во всяком случае, следует согласиться с ней и К. Рапеном в том, что культ огня имел для храма Окса второстепенное значение (и, соответственно, неправомерно называть данное святилище храмом огня). Главным культовым помещением храма был зал, а наиболее почитаемым объектом – платформа в северо-западном углу зала и то, что на ней располагалось, что бы это ни было.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коровчинский И.Н. Культы эллинистической Бактрии (на материалах «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум и храма Окса в Тахти-Сангине): автореф. дис ... канд. ист. наук. – М., 2007. – 20 с.
2. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3 т. – Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Восточная литература, 2000. – 503 с.
3. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3 т. – Т. 3. Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. – М.: Восточная литература, 2010. – 664 с.
4. Пичикян И.Р. Тахти-Сангин. Открытие культовых закладов. // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 477-479.
5. Полевой В.М. Искусство Греции. Древний мир. – М.: Искусство, 1970. – 327 с.
6. Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (состояние вопроса) // Вестник древней истории. – 1994. – № 4. – С. 128-139.
7. Bernard P. Le temple de dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas ? // *Studia Iranica*. – T. 23. – 1994. – № 1. – P. 81-121.
8. Boyce M., Grenet F. *History of Zoroastrianism*. – Vol. 3. *Zoroastrianism Under Macedonian and Roman Rule*. – Leiden: Brill, 1991. – 597 p.
9. Drujiina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd-Tad̄ikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999. // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. – B. 33. – 2001. – S. 257-282.
10. Grabar O. Ayyân // *Encyclopedia Iranica*. – Vol. 3. – Fasc. 2. – London – New York, 1987. – P. 153-155.
11. Shenkar M. Temple Architecture in the Iranian world in the Hellenistic period // *From Pella to Gandhara: Hybridization and identity in the art and architecture of the Hellenistic East*. – Oxford: Archaeopress, 2011. – P. 117-139.
12. Yavis C. *Greek Altars*. – St. Louis: St. Louis University Press, 1949. – 266 p.

УДК 364.4.(44)"19/20"

Фирсов М.В.

Московский государственный областной университет

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
ВО ФРАНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв.**

M. Firsov

Moscow State Regional University

**THE HISTORICAL TENDENCIES OF PROFESSIONAL SOCIAL WORK
FORMATION IN FRANCE AT THE TURN OF THE 19-20 CENTURIES**

Аннотация. Статья посвящена основным историческим тенденциям оформления социальной работы во Франции на рубеже веков. Показана трансформация видов помощи и поддержки в период индустриальной революции, раскрыты формы и методы работы с социально уязвимыми слоями населения, феминистскими и религиозными организациями, обществами взаимопомощи. Большое место в работе уделено становлению социального законодательства в данный период, которое заложило основы французской модели социального государства, окончательное оформление которого будет завершено после Второй мировой войны.

Ключевые слова: социальная идентичность, социальная педагогика, социализация, социальное образование, социальное обучение, социальное воспитание, социальная работа.

Abstract. This article covers the main historical tendencies of the establishment of social work in France at the turn of the centuries. The transformation of all kinds of assistance and support is shown in the period of the industrial revolution. The forms and methods of work with the socially vulnerable groups of people, feministic and religious organizations and societies of mutual aid are determined. The article pays much attention to the formation of social legislation in that period and states that it formed the foundations of the French model of a social state, the final formation of which was finished after World War II.

Key words: social identity, social pedagogy, socialization, social upbringing, social training, social education, social work.

Рубеж веков во Франции характеризуется расцветом сциентизма, идеи солидарности определяют все сферы жизни в обществе. Теория и практика социальной работы строится не столько на христианских идеях, сколько на идеях социализма. Концепты «необходимой солидарности» позволяют расширять ориентиры поиска «социальных берегов» в историческом контексте индустриальных преобразований. Такие подходы находят отражение в расширении представлений о потенциальных потребителях социальных услуг, которым необходима была помощь и поддержка как со стороны государства, так и благотворительных организаций.

Новая проблематика того времени: социальное нищенство, массовый алкоголизм населения, инфекционные болезни, социальное сиротство. Противодействие пауперизму и профессиональному нищенству оказывало государство через систему законов. В этот период наблюдается активизация и самоорганизация нарождающегося рабочего класса, который через систему обществ взаимопомощи осуществлял поддержку нуждающимся в своей среде.

Еще в начале XIX в. бурный рост промышленного производства вызвал к жизни миграцию сельского населения в города, что лишило новых пролетариев общинной поддержки и подтолкнуло их к объединению в общества взаимопомощи. Общества взаимопомощи являлись продолжением традиций взаимоподдержки, заложенных цехами и гильдиями средне-

вековой Франции. Однако общества взаимопомощи промышленных рабочих обладали рядом особенностей. В условиях, когда рабочие не имели собственности, были оторваны от родственных связей, труд не обеспечивал сносного существования, а при утрате трудоспособности практически они становились нищими, задачи обществ взаимопомощи состояли не столько в защите прав наемных рабочих, сколько в принятии мер по их социальному обеспечению.

Однако революционные события 1848 г. не позволили власти, которая в любых объединениях видела «заговорщические организации», поддержать эти объединения. Только в 1850 г. организации взаимопомощи становятся легитимными и признаются правительством, хотя окончательный статус помогающих организаций они получают лишь в 1898 г., когда намечается существенный рост членов обществ взаимопомощи до 2 млн. человек [1, с. 15]. Как считают исследователи, именно общества взаимопомощи во Франции заложили основы национальной системы социального обеспечения.

Дети, как наиболее уязвимые социальные группы в процессе индустриализации, берутся под особый патронаж государственной власти. В конце XIX в. находят свои регламентации в области образования и патронажа несовершеннолетние заключенные. В 1889 г. государство принимает законы об отмене властных полномочий со стороны отца семейства. Спустя десять лет выходит закон о запрете детского труда в промышленности и сельском хозяйстве. Наконец, в начале XX в. суды стали принимать решения о возможности помещения детей в общественные учреждения в ситуациях социального неблагополучия.

Новым этапом в деле помощи детям становится принятый в 1904 г. закон о помощи детям, который предусматривал различные механизмы их защиты в трудных жизненных ситуациях: попечение, родительский контроль, помощь в образовании, помощь в защите при совершении детьми преступлений.

В конце XIX в. организуются первые женские группы «христианских феминисток».

В период проведения Всемирной выставки в Париже они открывают первый конгресс по положению, правам и поддержке женщин в современном обществе. Так идеи Третьей республики о содействии и поддержке в обществе приобретают новый импульс и социальное звучание. Однако буржуазное французское общество сдержанно отнеслось к инициативам нового «института милосердия», что заставило женщин «идти в народ».

В 1886 г. на Первом христианском французском феминистском форуме происходит перегруппировка организации. Оформляется группа женщин, которая решила посвятить свою деятельность делу милосердия и помощи. Именно с этого момента берет начало новый профессиональный этап социальной работы во Франции.

Активистки движения разворачивают свою деятельность в 11 округе Парижа и основывают постоянный секретариат, который работает по месту жительства с родителями и детьми. Здесь же они открывают мастерские, куда привлекаются различные группы населения. Можно отметить, что именно в это время во Франции официально начинают работать первые социальные учреждения, а деятели феминистского движения меняют вектор своей активности, от «хождения в народ», на «совместную деятельность с народом» [5].

В 1894 г. Мария Гахери, активистка французской профессиональной социальной работы, по примеру английских и американских деятелей социальной благотворительности, открывает первый французский аналог селтльмента [4]. А в 1897 г. монахиня Мерседес де ля Мотт организует первый французский социальный дом, комплексный центр индивидуальной и общинной социальной помощи. Социальный дом был открыт в рабочем квартале, в нем оказывались социальные, медицинские, образовательные услуги, женщинам предоставлялась возможность дополнительного заработка в швейных мастерских [3, с. 225].

Социальные дома, организованные профессиональными сообществами, дали им-

пульс для развития других типов социальных учреждений, а также таких форм массовой поддержки социально уязвимых слоев населения, как общественные работы. Все это не могло не повлиять на изменение французского социального законодательства, особенно в той ее части, которое касалось защиты условий труда наемных работников.

После принятия в 1905 г. законов об отделении церкви от государства католическая церковь принимает решение об учреждении ассоциации «Социальные дома». Однако она просуществует незначительное время, хотя и сыграет свою позитивную роль в деле организации социальных учреждений, даст импульс для создания профессиональных организаций помощи и поддержки.

Рубеж веков характеризуется появлением «социальных технологий» в области образования. Открывающиеся педагогические журналы оказывают помощь и поддержку частным школам не только педагогическими идеями, но и оказывают им безвозмездную помощь.

Можно отметить, что идеологемы поддержки в Третьей Республике были направлены на содействие наиболее обездоленным гражданам, однако это политика будет строиться в период между двумя мировыми войнами не столько исходя из идеи развития, сколько исходя из политики минимализма, удовлетворения минимальных потребностей обездоленных граждан.

Система социальной защиты населения и социальной работы принимает в XX в. новые черты. Характерно, что в ее становлении участвовали как благотворительные организации взаимопомощи, так и частные предприниматели и государственные органы.

В начале века во Франции принимается ряд законов, направленных на формирование системы социальной помощи. Этому предшествовали решения Международного конгресса благотворительных сил, который состоялся в 1889 г. в Париже. На этом конгрессе были заложены основополагающие принципы социальной помощи:

- принцип обязательной помощи государством коллективным обществам;

- принцип государственной помощи на основе территориального подхода и финансовой поддержки;

- принцип дополнительной поддержки, т. е. поддержки, оказываемой частному лицу с учетом помощи в другой любой форме, например помощи семье.

В соответствии с этими решениями во Франции в 1905 г. выходит закон о помощи престарелым, хроническим и неизлечимым больным. На основе этих законов к 1906 г. была оказана помощь 1320000 человекам [2].

После окончания Первой мировой войны во Франции окончательно складывается система социального страхования. Однако первые тенденции данного направления поддержки начинают формироваться в промышленности еще в 1916 г. Так, в Гренобле промышленники выплачивали пособия рабочим, имеющим на своем иждивении детей. Многодетные рабочие, опасаясь, что работодатели не будут брать их на работу, принимают решение о создании компенсационных касс, которые призваны были уравнивать затраты своих членов.

В 1928 г. принимается неудачная попытка введения закона о страховании по старости и болезни. После пересмотра закона он принимается в 1930 г. со следующими поправками: снижение уровня отчислений (так, наниматель и служащий вносили взнос в размере 8%), страховка по старости обеспечивала 40% средней заработной платы работника, вышедшего на пенсию в 60 лет после 30 лет выплаты взносов. Страховые могли выбирать страховщиков через общества взаимопомощи, профсоюзы или религиозные организации, был установлен регламент выплаты пособий в случае заболевания, материнства, старости или смерти [6].

С 1932 г. во Франции выплата семейных пособий становится обязательной для всех наемных работников в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и свободных профессиях. Разработанная система была расширена к 1938 г., и она охватывала мелких землевладельцев.

Таким образом, профессиональная социальная работа на рубеже веков во Франции определила три основных направления развития ее деятельности: профессиональная помощь через социальные учреждения, социокультурная анимация, поддержка образовательных программ детей и молодежи, развитие системы социального страхования в ситуациях риска. Политические, экономические и социальные факторы будут менять в XX в. вектор профессиональной деятельности, основы которого были заложены на рубеже веков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дорьон Ж., Гионнэ А. Социальное страхование во Франции. – М.: Ассоциация для развития и координации международных связей, 1996. – 115 с.
2. Фирсов М.В. История социальной работы. – М.; Кнорус, 2012. – 197 с.
3. FAYET-SCRIBE S. La Résidence sociale de Levallois-Perret (1896-1936), Toulouse, Erès, 1990. 178 p.
4. GUERRAND. R.-H., RUPP M.-A. Sur l'histoire du travail social, la seule synthèse reste/ Brève histoire du service social en France, 1896-1976. – Toulouse: Privat, 1978. – 183 p.
5. Kay Chadwick, Catholicism, Politics and Society in Twentieth-Century France. – Liverpool: University Press, 2000. – 267 p.
6. Rullac S. Ott L. Histoire du travail social/ Dictionnaire pratique du travail social. – Paris: Dunod, 2010. – 350 p.

УДК 94(493)“19/20”

Машкин М.Н.

Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

К ВОПРОСУ О ВТОРЖЕНИИ В БЕЛЬГИЮ В ПЛАНАХ ПОДГОТОВКИ ВОЙНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

M. Mashkin

Russian Academy of Sciences, Institute of World History, Moscow

TO THE QUESTION OF INVADING BELGIUM AS A PART OF PREPARATIONS FOR THE WAR AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Аннотация. В статье показано, что планы вторжения в Бельгию и нарушения ее нейтралитета в случае войны Германии с Францией разрабатывались уже с начала 90-х годов XIX века. Рассмотрено, какова была реакция бельгийского военного руководства на эти возможные угрозы как со стороны Германии, так и со стороны Франции.

Ключевые слова: нейтралитет Бельгии, подготовка войны, «план Шлиффена» (Schlieffen-Plan).

Abstract. The article states that at the early 90s of the XIXth century there were plans to invade Belgium in case of war between Germany and France. The author discloses the Belgium military leadership's response to the possible threats from Germany and France.

Key words: neutrality of Belgium, preparations for the war, "Schlieffen Plan".

В начале XX в. обострилась неравномерность экономического и политического развития различных стран. Это вело к нарастанию международных противоречий, к усилению агрессивных тенденций в политике держав к консолидации блоков противостоящих друг другу группировок держав – Тройственного Союза (Германии, Австро-Венгрии и Италии) и Тройственной Антанты (Англии, Франции и России). Если Италия постепенно отходила от Тройственного Союза, что определило позднее ее позицию в Первой мировой войне, то союз Германии и Австро-Венгрии укреплялся, а Тройственная Антанта становилась военно-политической реальностью. Англо-германский антагонизм становился все более острым и глубоким и явился в будущем одной из важнейших причин Первой мировой войны. Особенно быстрыми темпами росла мощь Германии, что сопровождалось нагнетанием милитаризма и агрессивно-экспансионистских устремлений правящих кругов кайзеровской Германии, готовых утвердить силой оружия ее гегемонию в борьбе за передел мира. Поэтому такое большое значение в комплексе исследовательских тем по истории Первой мировой войны и ее происхождения имеет вопрос о подготовке Германии к войне.

В Большом Генеральном штабе Пруссии – “мозге” германской военной машины – при разработке планов войны исходили из положения фельдмаршала графа Хельмута фон Мольтке о том, что “полководец никогда не должен руководствоваться одними политическими соображениями, а на первый план должен ставить военный успех” [4]. Альфред фон Вальдерзее – преемник Мольтке на посту начальника Генерального Штаба – сформировал эту мысль с грубой прямолинейностью: “Прав тот, кто побеждает. Для того, кто повергнут на землю, остается пустое утешение чувствовать себя вовлеченным в войну, не имея вины за собой” [3, 323], что и явилось путеводной нитью во всей его деятельности, отмеченной неустанной подготовкой – как “превентивной” войны против России и Франции, так и усиленной милитаристской пропагандой [1]. В этом духе готовились все чины Генерального Штаба, поэтому

отнюдь не случайно, что в конце XIX в. возникла мысль и о прорыве германских войск во Францию через Бельгию, пользовавшуюся статусом постоянного нейтралитета.

Идея короткой войны в результате победоносного вторжения во Францию через Бельгию и последующего разгрома России легла в основу так называемого “плана Шлиффена” по имени начальника Большого Генерального штаба в 1891-1906 гг. графа Альфреда фон Шлиффена. Разработка его была закончена в конце 1905 г.¹

Однако мысль о нарушении нейтралитета Бельгии появилась в Генеральном штабе раньше. Об этом знали не только в Германии. Еще с начала 90-х гг. XIX в. руководящие военные круги Бельгии пристально следили, о чем говорят материалы Генерального штаба бельгийской армии, за политикой своего восточного соседа, считаясь с возможностью нарушения германскими войсками нейтралитета Бельгии, Люксембурга и Голландии. Об этом, в частности, писал в своей работе “Военное положение Бельгии» генерал Бриабмон. Ввиду наличия французских укреплений на границе с Германией от Бельфора до Вердена бельгийские военные деятели уже в начале 1891 г. пришли к мысли, что наступление германских войск на Францию может иметь место с севера через территорию Бельгии и что такой случай возможен и вероятен. Хорошо зная о строительстве железных дорог в Германии в приграничных с Бельгией районах, представители бельгийской армии считали имеющимися полные основания для того, чтобы думать, что в будущей войне между Францией и Германией, если нейтралитет Бельгии будет нарушен в начале операции, то это будет сделано именно Германией, которая

несомненно предпримет наступление. Поэтому в бельгийских военных кругах рассматривались возможные маршруты движения германских войск через страну и анализировались задачи по сопротивлению войскам со стороны бельгийской армии, стратегическое развертывание которой должно было быть проведено до начала военных действий, в силу чего было нужно вносить коррективы в прежние планы развертывания бельгийской армии, мобилизационное расписание и т.п. В результате в феврале 1891 г. были приняты соответствующие меры, предусматривающие, в частности, и подготовку железных дорог. Однако, тогда еще – в начале 1891 г. – руководящие круги бельгийской армии считали возможным и нарушение нейтралитета с юга французскими войсками. Бельгийская армия поэтому должна была бы противостоять противнику там, откуда бы он ни начал наступление, будь то нападение со стороны Германии или же со стороны Франции.

Подобные планы продолжали разрабатываться и в последующие годы. В конце 1895 г., например, бельгийский Генеральный штаб подробно рассмотрел гипотезу о нарушении нейтралитета Бельгии французскими войсками, которые бы намеревались пойти через бельгийскую территорию. В таком случае бельгийские войска должны были им противостоять. Если бы бельгийский нейтралитет вследствие концентрации войск как с востока, так и с юга подвергся бы большой угрозе, то бельгийская армия должна была бы занять позиции в центральных районах страны до того момента, как ее границы будут нарушены.

В конце 1895 г. и в 1896 г. в бельгийском Генеральском штабе считали возможным наступление французских войск, и если опасность вторжения будет с юга, а Германия предложит помощь, то бельгийская армия должна занять позиции против французских войск. Это предположение подверглось очень детальному изучению.

Усиление опасности возникновения войны в Европе, рост агрессивности Германии, планировавшей в случае войны нарушение нейтралитета Бельгии, что было зафиксиро-

¹ Вопрос о “плане Шлиффена” вызвал большую полемику в исторической литературе. Важная работа на эту тему принадлежала консервативному историку в ФРГ профессору Герхардту Риттеру, который с большим интересом относился к Шлиффену и, характеризуя основную его записку об этом плане, писал: “Никто не может читать данной записки без впечатления о наполняющем ее полете наступательной мысли, умело связанной там с тщательным учетом всех стратегических моментов” (Ritter G. Der Schlieffenplan. Kritik eines Mythos. München, 1956. Ss. 47-48).

ровано “планом Шлиффена”, и образование англо-французской Антанты привело к тому, что в апреле 1906 г. в беседе начальника бельгийского Генерального штаба ген. Дюкарна с английским военным атташе уже шла речь о возможности высадки английских войск после нападения Германии на Бельгию. В 1912 г. английский военный атташе в Брюсселе снова обсуждал этот вопрос, но соглашение достигнуто не было. С французскими коллегами вопрос о нейтралитете Бельгии в будущей войне не обсуждался. Премьер-министр Бельгии де Броквиль утверждал в конце 1912 г., что Бельгия в случае войны будет со страной, уважающей ее нейтралитет, против страны первой его нарушившей, тем более, что было ясно нарушителем нейтралитета может быть Германия, а отнюдь не Франция[5].

Вступление немецких войск в Бельгию в случае войны на Западе находилось в центре внимания и немецких военных кругов во главе с новым начальником Генерального штаба генералом Хельмутом фон Мольтке-младшим в 1906-1914 гг. Так, 21 декабря 1912 г. в записке, приложенной к бюджету Военного министерства и Генерального штаба, указывалось, что в случае войны предстоит предпринять наступление против Франции: “здесь можно рассчитывать на быстрое решение... но для того, чтобы перейти в наступление против Франции, необходимо нарушить нейтралитет Бельгии”.

Однако руководящие деятели Германии считали необходимым публично опровергать такие предположения. Когда 29 апреля 1913 г. Август Бебель в общей комиссии рейхстага подчеркнул, что в Бельгии с большой тревогой ждут начала франко-германской войны, статс-секретарь Ведомства иностранных дел фон Ягов утверждал: “Нейтралитет Бельгии гарантирован международными соглашениями. Германия поддерживает эти соглашения”,

а военный министр генерал фон Хееринген, со своей стороны, заявил, что “Бельгия не играет никакой роли в причинах, оправдывающих военный бюджет. На самом деле эти причины надо искать в положении Германии на Востоке. Германия не упустит из виду того, что нейтралитет Бельгии гарантирован международными договорами”. Известный французский историк, профессор Сорбонны Пьер Ренувен, останавливаясь на планах германского вторжения во Францию через Бельгию, отмечал: “Вопрос о бельгийском нейтралитете рассматривается во многих исследованиях, что позволяет точно зафиксировать состояние исторических контrovers. Установлено, что нарушение этого нейтралитета было предусмотрено после 1899 г. в планах войны Генерального штаба, составленных Шлиффеном..., что без сомнения кайзер знал об этом проекте и одобрил его... и что, наконец, правительство не знало об этой ситуации... Главные линии немецкого плана стали известными французскому Генеральному штабу в 1904 году” [2, с. 553].

Вступление немецких войск в Бельгию с нарушением бельгийского нейтралитета в августе 1914 г. не стало неожиданностью для политических и военных кругов Европы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Машкин М.Н. Из истории германской милитаристской пропаганды конца XIX - начала XX вв. // Славяно-германские отношения. – М., 1964.
2. Clio. L'époque contemporaine. La paix armée et la Grande Guerre (1871-1919) par Pierre Renouvin [et autres], nouvelle édition. – Paris, 1960. P. 553.
3. General-Feldmarschall A. Graf von Waldersee in seinem militärischen Wirken, bearb. und hrsg. von Hans Moos, Bd. II. – Berlin, 1929. – S. 323.
4. Moltkes Kriegslehren. Die operativen Vorbereitungen zur Schlacht, hrsg. von Großen Generalstab, Berlin, 1911. Abt. II. Krieg und Politik, § a.
5. Wullus-Rudigery. La Belgique et l'équilibre européen. – Paris, 1935.

Новейшая история

УДК 94(436)"1938"

Жиряков И.Г.

*Московский государственный гуманитарный
университет им. М.А.Шолохова*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС, СТРУКТУРА И КОМПЕТЕНЦИЯ ПАРЛАМЕНТА В ПЕРВОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

I. Zhiryakov

Moscow State Humanitarian University, named after M.A. Sholokhov

THE FIRST REPUBLIC OF AUSTRIA PARLIAMENT'S CONSTITUTIONAL- LEGAL STATUS, ITS STRUCTURE AND COMPETENCE

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционно-правового статуса парламента Первой Австрийской Республики в 20-е гг. XX в., его структуры и компетенции. Этот анализ базируется на изучении конституционного закона 1920 г., в который в 1929 г. были внесены изменения. В статье отмечается, что Национальный совет в Австрии выступал «нижней» палатой парламента, будучи органом общенационального представительства, а Союзный (Федеральный) совет играл роль «верхней» палаты парламента, являясь органом представительства земель. При этом подчеркивается, что Национальный совет и Союзный совет не являлись равноправными органами: ведущим из них был Национальный совет, тогда как Союзный совет лишь участвовал в законодательной деятельности.

Австрийский парламент в лице Национального совета и Союзного (Федерального) совета, осуществляя законодательную власть и контроль за деятельностью правительства, не обладал верховенством во всех сферах государственной жизни. Парламент функционировал, по мнению автора, в рамках системы «сдержек и противовесов». Важным конституционным институтом нынешней Второй Австрийской Республики был и остается парламент, который в своей деятельности вбирал и вбирает лучший опыт 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: Первая Австрийская Республика, парламент, конституционно-правовой статус, структура и компетенция парламента, принцип разделения властей,

Abstract. The article is devoted to the analysis of the constitutional-legal status of the First Republic of Austria in the 20s of the XXth century, as well as to its structure and competence. The analysis is based on the research of the Constitutional Law of 1920 and the amendments of 1929. The article notes that the National Council was the lower house of Austrian Parliament as it was the organ of nationwide representation; the Federal Council was an upper house of Austrian Parliament as it represented the Lands. It's stressed that both the National Council and the Federal Council didn't enjoy equal rights: the National Council was the leading one, whereas the Federal Council could only take part in the legislation activities.

Austrian Parliament represented by the National Council and the Federal Council, realizing the legislative branch of power and controlling the Government, didn't possess leadership in all spheres of the state life. The author considers the parliament to function within the policy of checks and balances. One of the most important constitutional institutions of the present Second Republic of Austria was and still is the parliament, which absorbed and is still absorbing the best experience of the 20s of the XXth century.

Key words: The First Republic of Austria, parliament, constitutional-legal status, parliament structure and competence, the principle of separation of powers, territorial state structure of Austria, the National Council, The Federal Council, Federal President, Chamber of Accounts, federal budget, The Federal

государственно-территориальное устройство Австрии, Национальный совет, Союзный (Федеральный) совет, Президент Союза (Федеральный президент), Счетная палата, федеральный бюджет, Союзное (Федеральное) правительство, Союзный (Федеральный) канцлер, Союзное (Федеральное) Собрание, Союзный (Федеральный) конституционный суд.

Government, Federal Chancellor, The Federal Assembly, The Federal constitutional court.

Важнейшей правовой основой государственного строя Первой Австрийской Республики являлся конституционный закон 1920 г., провозгласивший Австрию демократической парламентской и федеративной республикой. В 1929 г. в него были внесены изменения, направленные на усиление исполнительной власти.

Надо заметить, что австрийская конституция не содержала общего понятия парламента. Общий статус парламента Первой Австрийской Республики, писал известный отечественный исследователь конституционного права Австрии И. Ильинский, отражает, с одной стороны, принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а с другой – принцип федеративного устройства государства, в соответствии с которым наряду с федеральными законодательными органами функционируют законодательные органы в землях – членах австрийской федерации [2, с.7].

В отечественной историко-правовой литературе 20-30-х гг. ушедшего века применительно к государственно-территориальному устройству Австрии было принято использовать термин «Союз», а не «Федерация»; отсюда термины – «Союзный Совет», «Союзное правительство», «Президент Союза», «Союзная республика», а не «Федеративная республика» и т. д. Автор данной статьи придерживается этой терминологии.

Согласно австрийской конституции законодательная власть Союза (Федерации) осуществлялась Национальным советом совместно с Союзным (Федеральным) советом. В статье 24 заявлялось: «Законодательную власть Союза осуществляет избираемый всем народом Союза Национальный совет совместно с избираемым ландтагами Союзным советом» [1, с. 78]. Статья 27 (1) гласила: «Легислатура Национального совета продолжается четыре года, считая со дня его первого собрания, но, во всяком случае, вплоть до дня собрания нового Национального совета» [1, с. 78]. Национальный совет «избирал из своей среды Председателя, второго и третьего председателей». Дела Национального совета велись «на основе особого закона и установленного Национальным советом в пределах этого закона делового наказа» – регламента. Закон о регламенте мог быть принят только «при наличии половины членов и большинством двух третей поданных голосов» (ст. 30.(1) и 30.(2) [1, с. 79]. Для принятия решения Национальным советом, поскольку в этом законе не установлено иное, требовалось «присутствие не менее одной трети членов и абсолютное большинство поданных голосов» (ст. 31) [1, с. 79].

В Союзном (Федеральном) совете были представлены земли пропорционально «гражданскому числу» земли (ст. 34.(1)). «Число членов, которые должны быть посылаемы каждой землей», устанавливались «Президентом Союза после каждой общенародной переписи» [1, с. 79]. Члены Союзного совета избирались ландтагами на срок своих легислатур на началах пропорциональной системы (ст. 35.(1)). Для принятия решений Союзного совета, поскольку в этом законе не установлено иное, требовалось присутствие не менее одной трети членов и абсолютное большинство поданных голосов (ст. 37.1) [1, с. 80].

Можно утверждать, что Национальный совет выступал «нижней» палатой парламента, будучи органом общенационального представительства, а Союзный (Федеральный) совет играл роль «верхней» палаты парламента, являясь органом представительства земель.

Сразу же необходимо заметить, что Национальный совет и Союзный совет не являлись равноправными органами: ведущий из них – Национальный совет, тогда как Союзный совет лишь участвовал в законодательной деятельности.

Исполнительная власть федерации осуществлялась Союзным (Федеральным) президентом и правительством Союза. В статье 19.(1) подчеркивалось, что высшими органами исполнительной власти являются «Президент Союза, министры Союза, государственные секретари и члены местных правительств» [1, с. 77].

Президент Союза избирался (после поправок 1929 г.) не парламентом, а всеобщим и прямым голосованием избирателей; он назначал Союзное правительство. Это обстоятельство давало возможность утверждать некоторым исследователям, что главным центром принятия решений являлось правительство, а роль парламента ограничивалась содействием и контролем [3, S. 102]. С этим утверждением вряд ли безоговорочно можно согласиться, поскольку правительство нуждалось в доверии Национального совета.

Президент Союза мог созывать Национальный совет на внеочередные сессии. По требованию Правительства Союза или, по меньшей мере, одной трети Национального совета или Союзного совета Президент Союза обязан был созвать в течение двух недель Национальный совет на внеочередную сессию.

Президент Союза мог распустить Национальный совет, но только один раз по одной и той же причине. В этом случае новые выборы должны быть организованы правительством Союза с таким расчетом, чтобы вновь избранный Национальный совет мог собраться не позднее, чем на сотый день после роспуска.

Национальный совет и Союзный совет участвовали в определенных рамках в осуществлении исполнительной власти. Конституцией был предусмотрен парламентский контроль за деятельностью правительства, а также жесткий финансовый контроль за деятельностью органов управления, который

осуществлялся Счетной палатой, подчиненной Национальному совету.

Судебная власть в федерации осуществлялась независимыми судами. Федеральный конституционный закон подчеркивал, в частности, что юстиция отделена от управления на всех уровнях. Самостоятельность судебной власти выражалась не только в независимости судей при осуществлении своих обязанностей, но и в том, что конституционный надзор поручался Союзному (Федеральному) конституционному суду, правомочному, в частности, объявлять противоконституционными законы, принятые Национальным советом. Обеспечение законности в сфере управления было возложено на Административный суд, который, в частности, правомочен был объявлять противоправными решения органов управления.

Как видно, австрийский парламент в лице Национального совета и Союзного совета, осуществляя законодательную власть и контроль за деятельностью правительства, не обладал верховенством во всех сферах государственной жизни. Парламент функционировал, по нашему мнению, в рамках системы «сдержек и противовесов». Хотя эта система, как утверждают некоторые наши отечественные исследователи, была выражена в Австрии слабее, чем в США и других президентских республиках [2, с. 8]. Как отмечается в австрийской литературе, «парламентская система правления обуславливает, что ни один носитель государственной власти не может действовать в одиночку, напротив, он в какой-то форме должен вступать в кооперацию с другим носителем власти» [3, S. 154].

Круг прав и обязанностей парламента Австрийской Республики был достаточно широк. Он охватывал важнейшие вопросы государственной жизни, традиционно относящиеся к полномочиям парламента любого демократического государства. Это, прежде всего, законодательство, утверждение государственного бюджета и контроль за его исполнением, контроль за деятельностью правительства, одобрение важнейших международных договоров.

Характеризуя компетенцию парламента Австрии, необходимо отметить, что, во-первых, Национальный совет и Союзный совет, имея неодинаковый конституционно-правовой статус, обладали различным объемом полномочий при решении тех или иных вопросов государственной жизни, и, во-вторых, в условиях федеративного государственного устройства проводилось размежевание компетенции между федерацией и землями.

Полномочия парламента Австрии в сфере законодательства были весьма обширны. Наиболее важным среди них являлось конституционное законодательство: внесение изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон 1920 г. в редакции 1929 г., принятие конституционных законов, установление конституционных положений в обыкновенных законах.

Австрийская конституция различала следующие основные группы вопросов: а) по которым к исключительной компетенции Союза (федерации) относились как законодательство, так и исполнительная деятельность, б) по которым Союз (федерация) обладал исключительным правом законодательства, а исполнительная деятельность поручалась землям, в) по которым к ведению Союза (федерации) относилось установление общих принципов (или основ) законодательства, а к ведению земель – принятие конкретизирующих законов и исполнительная деятельность. Это предписания, которые были установлены в первой главе Конституционного закона 1920/1929 гг. (с последующими изменениями). Они и определяли компетенцию парламента Австрии.

К первой группе вопросов, по которым «законодательствовал» Союз, были отнесены: внешние сношения, военное дело, въезд на территорию федерации и выезд из нее, иммиграция и эмиграция, паспортное дело, федеральные финансы, включая федеральные налоги, денежное обращение, таможенное дело, кредитное, биржевое и банковское дело, гражданское право, включая брачно-семейное право, право хозяйственных объединений, авторское право, печать, уголовно-

правовое регулирование, государственная безопасность и общественный порядок (кроме местной полиции), акты гражданского состояния, промышленность и ремесла, патентное дело и товарные знаки, инженерное дело, железнодорожный, водный и автомобильный транспорт, почта, телеграф и телефон, геодезия и горное дело, энергетика, лесное и водное право, трудовое право и социальное страхование, здравоохранение, продовольственное дело, специально указанные в конституции вопросы культуры и образования, организация федеральных органов, определение статуса федеральной службы управления и федеральных служащих, организация федеральных органов.

Во вторую группу вопросов, по которым «законодательствовал» Союз, а исполнительная деятельность была отнесена к компетенции земель, входило следующее: гражданство, профессиональные представительства, жилищное дело, дорожная полиция, санитарно-гигиеническое дело, судоходство по внутренним водам и др.

К третьей группе вопросов, по которым Союз устанавливал общие принципы (основы) законодательства, относились: вопросы аграрной реформы и аграрных преобразований, защита растений, трудовое право в сфере сельского и лесного хозяйства, некоторые вопросы социального обеспечения, курортного дела, демографической политики и др.

Не вдаваясь в детали законодательной компетенции Союза (федерации), отметим, что она была весьма широка, во всяком случае, значительно шире, чем в других федеративных странах в рассматриваемое историческое время.

Конечно, земли также обладали законодательными полномочиями в рамках общих основ, устанавливаемых федерацией, а по некоторым второстепенным вопросам – и вне этих рамок (охота, рыбная ловля и т. п.). Однако в целом степень единства законодательного регулирования в Австрии была действительно высока. Отсюда значительная роль парламента в государственной жизни.

Основные полномочия в сфере законодательства принадлежали Национальному совету. Именно он выступал решающей инстанцией в законодательном процессе, хотя инициатива принятия тех или иных законов чаще всего исходила от правительства. Что касается Союзного совета, то он выступал участником законодательной деятельности.

В одобрении Национального совета нуждались политические государственные договоры, а также иные договоры, если они изменяли или дополняли законы. Такие договоры могли заключаться лишь с согласия Национального совета. Союзный совет мог выдвигать возражения, но они могли отвергаться Национальным советом.

Следующее важное полномочие парламента Австрии – утверждение федерального бюджета. Здесь инициатива всецело принадлежала Федеральному правительству. Проект государственного бюджета направлялся в Национальный совет, который мог вносить в него поправки и дополнения. Окончательное решение по бюджету принимал Национальный совет. Союзный совет не вправе был оспорить решение по бюджету, принятое Национальным советом.

С участием Национального совета устанавливались железнодорожные тарифы, почтовые, телефонные и телеграфные тарифы, цены на предметы государственной монополии, а также заработная плата лиц, постоянно занятых на предприятиях и в учреждениях федерации.

Национальный совет давал согласие на заключение займов, а также на решение вопросов, связанных с использованием государственных имуществ. Указанные акты Национального совета также не могли быть оспорены Союзным советом.

К полномочиям Национального совета относилось утверждение состава и программы деятельности Союзного (Федерального) правительства. Последнее формировалось всякий раз после очередных или внеочередных парламентских или президентских выборов. В ст. 70 (1) конституционного закона от 1 октября 1920 г. подчеркивалось, что

«правительство Союза избирается Национальным советом посредством поименного голосования по общему списку, предлагаемому главным комитетом» [1, с. 85]. Позже Союзный (Федеральный) президент будет назначать союзного (федерального) канцлера и по его предложению – остальных членов правительства. На практике формирование правительства происходило с учетом соотношения сил в Национальном совете. После формирования правительство должно получить вотум доверия Национального совета. Это обязательное условие его последующей деятельности.

Национальный совет и Союзный совет вправе были контролировать ведение дел Союзным (Федеральным) правительством, в частности, обращаться к его членам с запросами относительно всех аспектов исполнительной деятельности, требовать предоставления необходимых сведений, а также давать рекомендации по тем или иным вопросам исполнительной деятельности.

Национальный совет мог создавать специальные комитеты для расследования определенного дела. Через счетную палату, которая представляла ежегодные отчеты Национальному совету, последний следил за финансовой и хозяйственной деятельностью органов управления.

Согласно ст. 18 (1) конституционного закона 1920 г. все «государственное управление должно осуществляться лишь на основании законов» [1, с. 77]. Национальный совет был вправе возбудить обвинение против членов Союзного (Федерального) правительства в нарушении закона перед Союзным (Федеральным) конституционным судом.

Национальный совет вправе принять решение о выражении вотума недоверия Федеральному правительству или отдельным его членам. Вотум недоверия влек за собой отставку правительства в целом или его отдельных членов. В ст. 74 (1) отмечалось, что если «Национальный совет специальной резолюцией откажет в доверии правительству Союза или некоторым его членам, то правительство союза или соответственный министр Союза

обязаны оставить должность» [1, с. 86]. В практике политической жизни Австрии имели место отдельные случаи вынесения вотума недоверия отдельным министрам.

Федеральный совет правом вынесения вотума недоверия правительству и его членам не обладал. По некоторым вопросам государственной жизни решения принимал только Союзный совет. Например, лишь с согласия Союзного совета президент Союза мог распустить ландтаг какой-либо земли по представлению Союзного правительства (ст. 100 Федерального конституционного закона 1920/1929 гг.).

Из внешнеполитических полномочий парламента Австрии наиболее существенными были – решение вопросов войны и мира и одобрение международных договоров. Решение об объявлении войны могло приниматься только на совместном заседании Национального совета и Союзного совета – на Союзном собрании.

Союзное собрание созывалось также для принятия присяги вновь избранного Федерального президента. В ст. 38 заявлялось, что «Национальный совет и Союзный совет собираются совместно в качестве Союзного Собрания в месте пребывания Национального совета на общее публичное заседание» для принятия присяги Президента и «для принятия решения об объявлении войны» [1, с. 80].

Таковы были конституционно-правовой статус, структура и компетенция парламента в Первой Австрийской Республике в 20-е гг. прошлого столетия.

С приходом австрофашистов к власти в 1934 г. была принята новая конституция, оформившая фактическую отмену в стране парламентского строя. Эта конституция просуществовала до 1938 г., вплоть до насильственного присоединения (аншлюса) Австрии к фашистской Германии.

С восстановлением государственной самостоятельности Австрии в мае 1945 г. было восстановлено и действие Федерального конституционного закона 1920 г. в редакции 1929 года. Тем самым было положено начало истории Второй Австрийской Республики.

Важным конституционным институтом Второй Австрийской Республики был и остается парламент страны, который в своей деятельности вбирал и вбирает лучший опыт 20-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Послевоенные конституции Запада: Германия. – Чехия. – Австрия. – Сербо-Хорватословения. – Румыния. Вып. 2 / ред. Дурденевский В.Н. – Л.: Госиздат, 1924.
2. Ильинский И. Парламент Австрии. – М.: Интерпракс, 1990.
3. Das politische System der Republik Österreich. – Wien, 1978.

УДК 328.1:342.533(436)"1920/1929

Жиряков И.Г.

*Московский государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова*

ИЗ ИСТОРИИ АНШЛЮСА

I. Zhiryakov

Moscow State Humanitarian University, named after M.A. Sholokhov

FROM THE HISTORY OF ANSCHLUSS

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты истории насильственного присоединения Австрии к фашистской Германии в марте-апреле 1938 г. (аншлюс). Речь идет, прежде всего, об основных внутренних австрийских событиях, связанных с аншлюсом. На основе изучения этих событий делается вывод о том, что для значительной части австрийского населения аншлюс с Германией, к сожалению, был «желательным аншлюсом». Утверждается, что внутренние политические и экономические обстоятельства вместе с международными обстоятельствами привели, в конечном счете, к гибели австрийского государства.

Ключевые слова: аншлюс, аннексия, оккупация, австрийская социал-демократия, К. Реннер, право наций на самоопределение, австрофашисты и нацисты, хеймвер, Э. Дольфус, К. Шушниг, референдум «о присоединении Австрии к Германии».

Abstract. The article depicts some aspects of the forcible joining of Austria to the fascist Germany in March-April of 1938 (Anschluss), first of all, about the main internal events in Austria, connected with the Anschluss. On the basis of the research of those events the author concludes that for the major part of the Austrians the Anschluss with Germany was unfortunately a desirable event. It's stated that the internal political and economic circumstances resulted in the death of Austrian state.

Key words: Anschluss, annexation, occupation, Austrian Social Democracy, K. Renner, the right of nations for self-determination, Austro-fascists and Nazis, Heimwehr, E. Dollfuß, K. Schuschnigg, referendum on "joining of Austria to Germany".

В марте – апреле 1938 г. в Австрии произошли события, которые вошли в историю как «аншлюс» (нем. Anschluss – присоединение). Некоторые историки предлагают эти события называть аннексией (от лат. annexio – присоединение) – насильственное присоединение территории другого государства.

Известный отечественный исследователь истории Австрии и Германии А.А. Ахтамзян писал, что и с международно-правовой, и с исторической точки зрения то, что Гитлер сделал с Австрией в марте 1938 г., было не аншлюсом, а аннексией [1, с. 84]. Этот вывод, полагал он, соответствует принципам общедемократического правосознания и международно-правовому определению аннексии как присоединения малой или слабой народности к большому или сильному государству без ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности. Нацистский рейх совершил аннексию суверенного австрийского государства, готовясь к новым агрессивным действиям и развязыванию войны за мировое господство.

Профессор А.А. Ахтамзян справедливо также отмечал, что аннексия Австрии нацистской Германией в марте 1938 г. была первым прямым актом агрессии фашизма на Европейском континенте – это был важный шаг к развязыванию фашистскими государствами второй мировой войны [1, с. 72].

Настало время, считал А.А. Ахтамзян еще в 1988 г., окончательно ввести в литературу это определение, поскольку именно оно точно раскрывает существо этой агрессивной акции германского фашизма.

Некоторые австрийские историки согласны с мнением А.А. Ахтамзяна. К ним надо отнести Н. Шаусбергера, исследовавшего на основе архивных источников различные аспекты данной проблематики, в частности социально-политические, экономические, а также военно-стратегические причины и следствия аннексии Австрии [7].

Признавая безусловное право использования термина «аннексия» при характеристике событий марта 1938 г. в Австрии, все же нужно заметить, что этот термин раскрывает существо конкретной агрессивной акции германского фашизма и уводит исследователя от оценки деятельности властей, элиты, населения Австрии в рассматриваемое время.

Определенная часть историков и юристов, не утруждая себя требовательностью к использованию адекватных терминов, характеризуют события в марте 1938 г. как оккупацию Австрии Германией. Оккупация (от лат. *occupatio* – захват, занятие) – занятие вооруженными силами государства не принадлежащей ему территории, которое не сопровождается обретением суверенитета над ней.

Режим оккупации закреплен в Гаагских (1899 и 1907) и Женевских (1949) конвенциях о законах и обычаях войны. В настоящее время нет консенсуса в исчерпывающем перечне значимых критериев, по которым можно было бы однозначно определить соответствие конкретного случая понятию оккупации. Как правило, специалисты отмечают следующее: временность миссии, непостоянный статус. При этом рамки временности, чёткие критерии её отличия от постоянности в определениях не задаются, как и обязательное наличие государства-жертвы, администрации оккупируемой территории, обязательное нахождение в состоянии войны де-юре или де-факто, насильственный характер вторжения вооружённых сил оккупирующей стороны.

В то же время специалисты подразделяют оккупацию на военную и послевоенную, отмечая особость условий пребывания армии оккупирующей страны в каждом случае. Кроме того, зарубежные источники усматривают два вида оккупации — неприятельскую, вра-

жескую и невраждебную, либо не упоминают о конфликте сторон вовсе, а СБСЕ выделяет оккупацию в условиях невоенного времени.

Таким образом, оккупацию следует отличать от аннексии, акта присоединения государством всей или части чужой территории в одностороннем порядке. Тем не менее использование понятия «оккупация» при рассмотрении действий германских войск 11-12 марта 1938 г. в определенном контексте вполне допустимо.

Возвращаясь к термину «аншлюс», необходимо подчеркнуть, что его использование требует рассмотрения действий как немецкой стороны, так и австрийской. В немецкой историографии этот термин чаще всего употребляется там, где имеется в виду движение в Австрии за присоединение к Германии. В российской исторической литературе, как, впрочем, и в значительной части австрийских публикаций, под термином «аншлюс» понимается насильственное включение Австрии в состав рейха.

Об аншлюсе написано немало монографических исследований и статей как в нашей стране, так и за рубежом, и, прежде всего, конечно, в Австрии. Один перечень этих работ занял бы большое страничное место.

В данном случае речь пойдет лишь об основных внутренних австрийских событиях, связанных с аншлюсом, и приведших к гибели австрийского государства.

Проблема аншлюса появилась сразу после окончания Первой мировой войны. Многим в Австрии тогда казалось, что появление независимой Австрийской Республики не спасет небольшой народ от громадных экономических и политических трудностей. Поэтому свое будущее они видели в составе новой Германской Республики. Особенно активно выступали за аншлюс австрийские социал-демократы и их лидер Бауэр.

В своих действиях австрийские социал-демократы рассчитывали на поддержку международного социалистического движения [2, с. 42]. В послевоенном международном социалистическом движении аншлюс рассматривался как право немецко-австрийского на-

рода на самоопределение. На Амстердамской конференции (26-29 апреля 1919 г.) в одной из резолюций подчеркивалось со ссылкой на 14 пунктов ноты Вильсона, что население немецкоязычной Австрии вправе само решать свое будущее, в том числе и путем аншлюса [5, S. 807]. Амстердамская конференция социал-демократов продемонстрировала солидарность международного социалистического движения с борьбой социал-демократии Австрии и Германии за аншлюс.

Руководители держав Антанты, однако, не вняли требованиям социалистического сообщества и официально запретили осуществление аншлюса. Статья 80 Версальского мирного договора обязывала Германию признать независимость Австрии. Противопоставить этому решению социал-демократические партии ничего не смогли. Австрийский историк Манфред Шойх пишет, что великие державы якобы пагубно повлияли на политику молодой республики, и именно они препятствовали аншлюсу [8, S.48].

Таким образом, попытки социал-демократов Австрии добиться разрешения своих проблем на принципах права наций на самоопределение путем «социалистического аншлюса» окончились неудачей. Однако на протяжении 20-х гг. XX в. проблема аншлюса оставалась одной из основных в политике австрийской социал-демократии.

Что касается других политических и социальных групп, прежде всего, речь идет о буржуазных крагах, то, по мнению некоторых австрийских историков, многие представители предпринимателей и интеллигенции протестовали против самой идеи аншлюса. Правда, при этом эти австрийские исследователи подчеркивают, что негативное отношение к аншлюсу тогда не было единодушным [6].

Ситуация резко изменилась после прихода к власти фашистов в Германии. Для австрийцев, начиная с 1933 г., проблема присоединения к Германии означала присоединение именно к нацистской Германии. В октябре 1933 г. социал-демократы сняли пункт об аншлюсе из своей программы.

Что касается правых сил, то они пытались оговорить будущее вхождение в Германию рядом условий, которые бы не дали полностью раствориться стране в германском рейхе. Но Гитлеру союзники были не нужны. Когда это стало ясно, австрийское правительство стало предпринимать попытки обеспечить поддержку со стороны европейских государств перед лицом нараставшей угрозы превращения Австрии в провинцию Третьего рейха. Но эти попытки были явно непоследовательными.

Определенную негативную роль в движении Австрии в «объятия» Германии сыграли и экономические обстоятельства. Мировой экономический кризис 1929-33 гг. имел чрезвычайно тяжёлые последствия для никак не «выздоровливающей» австрийской экономики. По стране прокатилась череда банкротств крупных банков и финансово-промышленных компаний. Резко упало производство в ряде отраслей австрийской промышленности. На долгие месяцы останавливалось производство, закрывались заводы и фабрики, безработица достигла угрожающих масштабов. Были отмечены случаи демонтажа и продажи на лом дорогостоящего промышленного оборудования.

На этом фоне неудивительной была всевозрастающая активность политических противоборствующих сил. Многим в Австрии казалось (и это мнение усиленно насаждалось в стране), что парламентская система не в состоянии была предотвратить уже казавшийся неизбежным социальный взрыв. К власти пришли австрофашисты, но их приход «не успокоил» Австрию. Теперь развернулась борьба между австрофашистами и нацистами. Требование немедленного аншлюса, присоединения Австрии к Германии, являлось тем коньком, на котором австрийские нацисты стремились завоевать себе популярность. Христианско-социальная партия вместе со значительной частью хеймвера выступала против аншлюса, за создание собственной корпоративной системы по итальянскому образцу.

В октябре 1933 г. социал-демократы сняли, как уже отмечалось, пункт об аншлюсе из

своей программы. Правые партии, поддерживавшие федерального канцлера Э. Дольфуса, также не горели желанием попасть в объятия германского фюрера [3, с. 125]. К этому времени активность и рост влияния нацистов, получавших активную финансовую помощь и поддержку из Германии, уже напрямую стали угрожать независимости австрийской республики. К тому же в Австрии нацисты грамотно воспользовались разразившимся всемирным экономическим кризисом для укрепления своего влияния. Рост влияния австрийского филиала НСДАП, ставшей к 1932 г. довольно значимой политической силой, был, в основном, достигнут за счёт поглощения ею других националистических партий. 19 июня 1933 г. была запрещена деятельность австрийской НСДАП. Она, а также отряд союзного им штирийского хеймвера подлежали роспуску. Но все эти меры не уничтожили и не могли уничтожить нацизм в Австрии.

Как известно, 25 июля 1934 г. Дольфус был убит нацистами. Его преемником стал К. Шушник. В 1935 г. Шушник провёл чистку аппарата австрийского МВД, в котором на тот период стало довольно много нацистских агентов.

В 1934-36 гг. наблюдается очевидный рост влияния австрийского филиала НСДАП в массах, вызванный непрекращающимся социально-политическим кризисом и экономическими неурядицами. Политический лозунг нацистов, утверждавший, что только присоединение к Германии может спасти экономику страны от окончательного краха, повысить уровень благосостояния нации, становится всё более и более популярным.

В июле - октябре 1936 г. чрезвычайно активизировалась деятельность австрийского НСДАП. 29 июля этого года нацисты организовали массовую демонстрацию под лозунгами: «Долой Шушника! Один народ! Одна нация! Один фюрер!». В мае 1937 г. ими была предпринята неудачная попытка покушения на жизнь канцлера, а вскоре полиция предотвратила очередную попытку нацистского государственного переворота. Шушник, по-

лучивший в октябре 1936 г. чрезвычайные полномочия, пытался противостоять натиску австрийских нацистов. Но, в конечном счете, безуспешно.

К. Шушник через четыре года без борьбы капитулировал перед Гитлером. Австрофашизм, обосновывавший во многом установление своей диктатуры необходимостью защиты независимости Австрии против угрозы германской аннексии, оказался неспособным отстоять независимость страны, стал ее могильщиком.

После вхождения немецких войск в Австрию и поглощения страны Гитлером был назначен на 10 апреля 1938 г. референдум «о присоединении Австрии к Германии». На нем австрийцы поддержали аншлюс.

В агитацию за аншлюс включились даже бывшие противники нацистского режима, и среди них первый канцлер республики социал-демократ К. Реннер, а также епископат католической церкви. Конечно, голосование на референдуме было вовсе не тайным, и явилось, в сущности, насмешкой над всеми демократическими принципами. В результате на референдуме за уже состоявшийся и де-юре, и де-факто аншлюс в Германии проголосовало 99,08%, а в Австрии – 99,75% участников плебисцита. Этим цифрам, разумеется, не стоит доверять полностью: ход голосования и подсчет бюллетеней проходил, мягко говоря, с использованием «административного ресурса».

Но печальный факт, что подавляющее большинство австрийцев без всякого нажима принесло свою страну в жертву нацистскому рейху, неопровержим. Гитлера повсеместно встречали нацистскими флагами и нацистским приветствием – и в столице, и в провинции. Об этом писали отнюдь не только германские газеты, но и западноевропейская пресса. Тысячи людей забрасывали цветами танки со свастикой, ползущие по горным дорогам. Трудно предположить, что «всенародное ликование» было организовано исключительно силой оружия.

Весной 1938 г. подавляющее большинство австрийцев вполне искренне радовалось об-

ретению долгожданной «исторической родины». Их слишком долго убеждали в том, что Австрия нежизнеспособна и сама не в состоянии обрести достойное место в современном мире. Что толкало австрийцев в объятия Гитлера? Вряд ли это были реваншистские настроения и надежды на восстановление старой доброй империи. Их привлекали экономический подъем и преодоление безработицы в новой Германии, динамизм ее внешней политики, расцвет национальной культуры и красота пропагандистского оформления. Новая власть открывала перед страной перспективу выхода из стагнации и радикальных изменений, давала шанс расправиться с подлинными и мнимыми врагами. Неизжитый антисемитизм, страх перед «заговором красных», чувство превосходства над славянскими соседями – все это делало австрийского обывателя весьма ценным приобретением для нацистского режима.

«После 1945 г. аншлюс охотно представляли как акт насилия со стороны национал-социализма против Австрии его жертвы, – пишет австрийский исследователь К. Воцелка. – Московская Декларация союзников 1943 г. указывает на эту роль («Австрия — первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии»). Однако никоим образом нельзя скрыть тот факт, что большая часть

австрийского населения хотела аншлюса и приветствовала его» [4, с. 379].

Таким образом, можно заключить, что для значительной части австрийского населения аншлюс с Германией был «желательным аншлюсом».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахтамзян А.А. Аннексия Австрии рейхом // Вопросы истории. – 1988. – № 9.
2. Кретинин С.В. Проблемы присоединения (аншлюса) Австрии и судетско-немецких областей Германии на конференциях международной социал-демократии в феврале – августе 1919 года / Германия и Россия: События, образы, люди. Вып. 3. – Воронеж, 2000.
3. Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы / Новая и новейшая история. – 2006. – № 6.
4. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика / пер. с нем. В.А. Брун-Цеховского, О.И. Величко, В.Н. Ковалева – М.: Издательство «Весь мир», 2007.
5. Die II Internationale 1918/1919. Protokolle, Memoranden, Berichte und Korrespondenz. Bd.II. Berlin, Bonn, 1980.
6. Mommsen H. Arbeiterbewegung und nationale Frage. – Gottingen, 1979.
7. Schausberger N. Der Griff nach Österreich. Wien. 1979.
8. Sozialdemokratie und «Anschluss». Historische Wurzeln Anschluss 1918 und 1938 Nachwirkungen. Eine Tagung des Dr.-Karl-Renner-Instituts I [H. Konrad]. – Wien, 1. März 1978.

УДК 341”20””1935”

Еремеев А.А.

Московский государственный областной университет

МЕСТО «МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЕВРОПЕ В КОНЦЕ 30-х гг. 20 в.

A. Eremeev

Moscow State Regional University

THE PLACE OF THE MUNICH AGREEMENT IN INTERNATIONAL RELATIONS OF EUROPEAN COUNTRIES IN THE END OF THE 1930s

Аннотация. В статье рассматривается Мюнхенское соглашение 1938 г. в контексте как внешнеполитического курса Германии, так и «политики умиротворения Германии», проводимой Великобританией и Францией. Анализируется ряд аспектов, связанных с подготовкой данного дипломатического акта: готовность Германии и Чехословакии к предполагаемому вооруженному конфликту, связанные с этим противоречия в германских правящих кругах, вопрос о готовности союзников Чехословакии по договорам 1935 г. (Франции и СССР) оказать необходимую военную помощь, роль позиций Великобритании и Советского Союза в складывающейся международной ситуации. На основе анализа указанных аспектов сделан вывод о необоснованности в рамках европейской безопасности позиций держав-умиротворительниц в Судетском вопросе и ключевой роли Мюнхенского соглашения в реализации экспансионистских устремлений Германии.

Ключевые слова: Мюнхенское соглашение 1938 г., «политика умиротворения Германии», Судетский кризис, международные отношения, Чехословакия.

Abstract. The article describes the Munich Agreement of 1938 through the context of both Germany's foreign policy course and British and French "policy of Germany appeasement". The article covers a number of aspects related to the preparation of this diplomatic act, among which are: readiness of Germany and Czechoslovakia to the expected armed conflict, German ruling groups' contradictions associated with the armed conflict, the question of Czechoslovakia allies' (France and the USSR) readiness to supply the necessary military help according to the agreements of 1935, the role of Great Britain's and the Soviet Union's stands in the international situation. On the basis of these aspects the author comes to the conclusion that the states, taking part in the peacemaking process acted unreasonably in the Sudeten crisis (in terms of European safety keeping). It is stated that the Munich Agreement had a key role in the realization of Germany's expansive aspirations.

Key words: The Munich Agreement of 1938, the policy of Germany appeasement, the Sudeten crisis, international relations, Czechoslovakia.

Мюнхенский договор западных держав с блоком фашистских государств от 29 сентября 1938 г. и последовавшее за ним расчленение и оккупация Чехословакии Германией остаются одними из самых сложных вопросов в истории предвоенных международных отношений.

В статье рассматривается значение Мюнхенского договора для внешней политики Германии, а также обоснованность и оправданность этого акта в рамках «политики умиротворения Германии».

В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. в Мюнхене между Германией, Францией, Англией и Италией было подписано соглашение, в котором оговаривались «условия и формы уступки» Судетской области Чехословакии, в которой преобладало немецкое население, в пользу Германии «согласно уже принципиально достигнутому соглашению» [4, с. 329] между указанными державами.

Несмотря на то, что в дополнении к соглашению указывалось, что «как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия

со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию [новых границ]» [4, с. 331], по воспоминаниям бригаденфюрера СС, В. Шелленберга, «...в самом начале октября 1938 г., ... стало ясно, что Гитлер нацелился на полное уничтожение Чехословакии...» [20, с. 147].

Мюнхенское соглашение означало расчленение Чехословакии. Германия получила 1/5 её территории и около ¼ её населения. В дележе приняли участие Польша и Венгрия. Вечером 30 сентября польское правительство передало Чехословакии ноту, в которой в ультимативной форме потребовало отделения от Чехословакии части территории Тешинской и Фришштатской областей и передачу их Польше. Венгрии же были переданы южные районы Словакии и Закарпатская Украина [7, с. 109].

Чтобы понять, какое место во внешней политике Германии занимало решение Судетского вопроса, необходимо рассмотреть её основные линии в «предмюнхенский» период.

Основу внешней политики Гитлера можно увидеть в провозглашенной им в 1920 г. программе НСДАП («25 пунктов»). В первом пункте программы содержится требование об объединении всех немцев в единую Германию [21, с. 69]. Аншлюс Австрии и присоединение Судетской области явились актами, реализующими этот пункт.

Второй пункт содержал требование отменить Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры, а последний, двадцать пятый пункт предусматривал «создание сильной централизованной государственной власти». [21, с. 71]

В своём первом выступлении перед генералами в феврале 1933 г. Гитлер говорил, что важнейшей задачей Германии во внешней политике является борьба с Версальским порядком [3, с. 57]. Более того, по его словам, «борьба с Версальским порядком – это средство, а не цель моей политики...» [16, с. 96].

Итак, первое направление германской внешней политики – борьба с «версальским порядком».

В 1937 г. во время встречи с Черчиллем И. Риббентроп говорил о том, что «Германии

нужно ... жизненное пространство для её все возрастающего населения. Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор. Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории необходимы для будущего существования германского рейха...» [20, с. 151].

Таким образом, вторым направлением внешней политики Германии должна была стать внешняя экспансия.

Тезис об экспансионистской направленности внешней политики Гитлера подкрепляется рядом фактов. К ним следует отнести введение всеобщей воинской повинности в Германии (прямое нарушение Версальского договора), ввод войск в демилитаризованную Рейнскую зону.

Реализация второй линии внешней политики во многом зависела от успешной реализации первой, так как это означало увеличение экономической и промышленной мощи рейха и давало огромные возможности для дальнейшего военного строительства.

Чехословакия была отличной целью для внешней политики Гитлера, ведь после распада Австро-Венгрии на чешских землях оказалось сосредоточено от 70 до 80% её промышленного производства. Чехословакия вошла в число первых десяти наиболее экономически развитых стран мира [10, с. 10].

Таким образом, события 1938 г. имели ключевое значение для дальнейшей внешней политики Германии.

Важным оружием Берлина в Судетском вопросе стала «судето-немецкая партия», которая развернула на германские средства кампанию протеста против мнимых притеснений этнических немцев, за автономию, а затем и за полное самоопределение Судет.

Альтернативой дипломатическому решению судетского вопроса был вооруженный конфликт. В выступлении перед высшим генералитетом 28 мая 1938 г. Гитлер говорил, что Чехословакия должна исчезнуть с карты Европы, чтобы «освободить тыл [Германии] для наступления против Запада» [12, с. 25].

Однако в германских правящих кругах не было единства в этом вопросе. Сторонником

военного конфликта был Риббентроп. По словам немецкого дипломата Э. Вайцзеккера, Риббентроп утверждал, что «...по чешскому вопросу...следует действовать решительно... Если бы мы рискнули начать войну с Западом, то выиграли бы.... Кроме того, Геринг построил так много самолётов, что мы превосходим любого противника...» [2, с. 144]. По воспоминаниям того же Вайцзеккера, представители военного руководства «...не стремились к войне, поскольку не были к ней подготовлены». И даже упоминавшийся выше Геринг «...присоединился к миротворцам» [2, с. 142].

Вооруженное вмешательство в предполагаемый конфликт с Чехословакией и её союзниками со стороны Германии могло быть осуществлено в иных, отличных от прямой агрессии формах.

Чехословацкий посланник в СССР Фирлингер в беседе с замнаркома иностранных дел Потёмкиным рассматривал и «испанский вариант» развития событий – «... в Чехословакии будут применены те же методы, к которым прибегают Италия и Германия в Испании. Внутренняя война будет происходить при участии “добровольцев”, якобы стихийно стремящихся оказать помощь судетским немцам» [4, с. 53].

Также способом давления на Чехословакию со стороны Германии могли быть соответствующие предложения нацистов другим «реваншистам» – Польше и Венгрии. Риббентроп в беседе с венгерскими представителями весной 1938 г. говорил: «...любой, кто выскажет свои ревизионистские взгляды, может...принять участие в том, что будет сделано» [2, с. 146].

Если бы судетский кризис всё же перешёл в «горячую» фазу, что могла бы противопоставить Германии Чехословакия? Вероятно, агрессия со стороны Германии столкнулась бы с серьёзным препятствием. Л. Свобода (президент ЧССР в 1968 – 1975 гг, в 1938 году командир пехотного батальона) утверждал, что «до двойного [военного] превосходства, необходимого для наступательной операции, агрессорам не хватало ещё многого» [13, с. 178-179].

Когда на суде в Нюрнберге фельдмаршала В. Кейтеля спросили о том, какова была реакция генералов на подписание Мюнхенского соглашения, он ответил: «Мы были необычайно счастливы, ... потому что... всегда полагали, что у нас недостаточно средств для преодоления чешских пограничных укреплений...» [14, с. 5].

В случае вооруженного конфликта в силу вступили бы статьи международных договоров, содержащие обязательства союзников Чехословакии – Франции и СССР. Речь идёт о договоре о союзе и дружбе от 25 января 1924 г., который был дополнен франко-чехословацким гарантийным пактом, подписанным в Локарно 1 декабря 1925 г. и предусматривавшим защиту Францией границ Чехословакии, а также перекрестных договорах о дружбе и взаимопомощи между Чехословакией, Францией и СССР, заключённых в 1935 г.

Вторая статья франко-советского договора гласила «...если... СССР или Франция явились бы ...предметом... нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и ... СССР окажут друг другу ... помощь и поддержку...» [5, с. 309]

Аналогичный договор Чехословакии с СССР включал следующую оговорку в протоколе подписания: «...обязательства взаимной помощи будут действовать между ними, [если]... помощь стороне-жертве нападения будет оказана со стороны Франции...» [5, с. 336]. Значит, возможность реализации советских обязательств зависела от действий Франции в предполагаемом конфликте.

Советское правительство было готово «помочь чехам, если они будут драться за свою независимость». В таком контексте следует оценивать военно-техническое сотрудничество двух стран, а также визит в Прагу в конце 1938 г. командарма Г.И. Кулика [12, с. 25].

Готовность Советского Союза оказать военную помощь ЧСР подтверждается и другими опубликованными и архивными источниками. [6; 11, с. 42].

Если бы Франция в случае немецкой агрессии выполнила свои обязательства по до-

говорам, то даже без участия Красной армии (так как существовала проблема права прохода советских войск по территориям Польши и Румынии) соединённые войска Чехословакии и Франции смогли бы успешно противостоять немцам.

Значит, последовавшее разрешение Судетского кризиса с точки зрения военных возможностей Франции и Чехословакии было необоснованным. Чехословакия в случае конфликта могла успешно защищаться и даже выйти победителем из противостояния.

Однако раздел Чехословакии всё же состоялся. Для понимания причин этого следует рассмотреть позиции в международной политике, на которых стояли Великобритания и Франция.

Замнаркома НКВД СССР Потёмкин в беседе с чехословацким посланником Фирлингером говорил по этому поводу: «...решающую важность имеет линия, которой будет держаться Англия в вопросе о Чехословакии. Если... Англия поддержит Францию ... Гитлер не осмелится напасть на Чехословакию... [Но] Французы не посмеют занять в Чехословацком вопросе самостоятельную позицию» [4, с. 89].

Это объясняется следующим.

Франция, ослабленная кризисом и внутривластными разногласиями, не могла ничего противопоставить германскому рывку в области вооружений и в моральной готовности к войне. Французское общество было не готово воевать за восточных союзников. Внешнеполитическая стратегия Франции, направленная на защиту союзников от германской агрессии, противоречила её оборонительной военной стратегии [15, с. 100]. Несмотря на заверения в решимости выполнить обязательства по пакту 1935 г., позиция Франции была нетвёрдой в этом вопросе.

Решающую роль во внешнеполитической ориентации Франции сыграла позиция Великобритании. По сообщению полпреда СССР в Великобритании И.М. Майского, «...английские правительственные круги усиленно втолковывают французам, что СССР не выполнит своих обязательств по чехословацко-

советскому пакту» [4, с. 68]. А по сообщению советского полпреда в ЧСР Александровского, английский посланник в Чехословакии Ньютон «долго говорил о стратегическом положении Чехословакии, считая его безнадежным после Аншлюса» [4, с. 98].

С приходом к власти Н. Чемберлена возобновилось британо-германское сближение, и продолжился курс на умиротворение агрессора, начатый ещё в 1935 г. подписанием германо-британского морского соглашения [17, с. 271].

И.М. Майский в марте 1938 г. в своём письме в НКВД отмечал: «Когда весной 1937 г. Чемберлен стал главой правительства и вплотную подошел... к вопросу, “как защитить империю и сохранить мировые позиции Англии”, то перед ним явно наметились два пути. Первый – это путь ... сопротивления агрессору... на базе Лиги наций и коллективной безопасности, что... означает необходимость создания треугольника Лондон – Париж – Москва...[и] требует тесного сотрудничества с большевиками... Для Чемберлена ... данный путь был невыносим... он неизбежно должен был выбрать второй путь – путь прямой сделки с агрессором...» [4, с. 41]. Позднее Майский писал: «... Чемберлен поставил перед собой задачу «замирения Европы», через соглашение с Германией и Италией... Чемберлен вполне считается с возможностью германской экспансии в центральной и Юго-Восточной Европе... он полагает, что это меньшее зло, чем война с Германией в непосредственном будущем» [1, с. 161].

Во взглядах английского премьера Германская внешняя политика была лишь политикой реваншизма, а не экспансии, и в целом Чемберлен готов был пойти на возрождение Германии под британо-французским дипломатическим контролем [17, с. 286].

Не все политические силы Англии придерживались «умиротворенческой» линии. В Англии существовали две политические группировки и столько же направлений во внешней политике. Лидером первой был Чемберлен. Он считал, что Великобритании нельзя иметь

врагов сразу в трёх регионах мира (в Средиземном море – Италия, в Европе – Германия и на Дальнем Востоке – Япония). Предполагалось, что наибольшую опасность представляла собой в те времена Япония; поэтому необходимо достичь соглашения с Берлином и Римом. Лидерами вторая группа политиков были Иден и Черчилль, также понимавшие опасность, исходившую от Японии, но не желавшие предоставлять свободу действий Италии в Средиземном море, а Германии – в Европе [8, с. 88].

Нельзя обойти стороной и ту точку зрения, что политика умиротворения Германии была прямо направлена против СССР и была попыткой столкнуть в вооруженном конфликте эти государства [18, с. 160].

Интересы собственной безопасности стояли для Великобритании не на последнем месте. В апреле 1938 г. И.М. Майский сообщал из Лондона: «Чехословацкий посланник передавал мне, что ... Хор-Белиша [военный министр Англии], ...высказывал мысль, что экспансия Германии в сторону Чехословакии, Венгрии, Балкан совершенно неизбежна, что Англия сейчас не готова к войне, что пока Германия будет оперировать в Европе, войны не будет» [1, с. 160].

Оправдывая свою политику, Чемберлен, через несколько дней после принятия Гуденбергского меморандума, в своём выступлении по радио говорил, что «...ужасной... представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далёкой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно. Ещё более невозможным представляется то, что уже принципиально улаженная ссора может стать предметом войны» [9]. Подписание мюнхенского договора было встречено общественностью как Великобританией, так и Францией с энтузиазмом. Чемберлен расценивал этот акт, как гарант мирного будущего: «Я думаю, это мир для целого поколения!» [17, с. 293].

Подводя итог анализу причин подписания мюнхенского соглашения, можно сделать следующие выводы.

Мюнхенский договор сыграл значительную роль в реализации внешнеполитической концепции Германии. Он закреплял разрушение Версальского порядка (т. к. состоялся при пособничестве гарантов этого порядка), укреплял экономическую мощь Германии и способствовал дальнейшей немецкой экспансии в Европе.

То, что такое развитие Судетского кризиса стало возможным, во многом несёт ответственность Англия и Франция, которые фактически элиминировали локальную систему коллективной безопасности, включавшую Францию, Чехословакию и СССР, фактически не имея для этого реальных оснований, и исходили исключительно из собственных внешнеполитических интересов, которые состояли, прежде всего, в обеспечении собственной безопасности без учёта требования безопасности коллективной.

В тандеме Англия-Франция решающее значение играла политика английского правительства Чемберлена, стоявшего на «умиротворенческих», а также антисоветских позициях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. – М.: Вече, 2000. – 255 с.
2. Вайцзеккер Э. Посол Третьего рейха. Воспоминания немецкого дипломата. 1932–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – 335 с.
3. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. – т. 1. – М.: Наука, 1973. – 768 с.
4. Документы по истории Мюнхенского договора. 1937 – 1939. – М.: Политиздат, 1979. – 471 с.
5. Документы внешней политики СССР. В 24 т. – Т.18. 11 января - 31 декабря 1935. – М.: Политиздат, 1973. – 786 с.
6. Документы и материалы кануна Второй Мировой войны. В 2 т. – М.: Политиздат, 1981.
7. Дульян А.Г. От Мюнхена до пакта Молотова-Риббентропа: некоторые аспекты ситуации в Европе накануне Второй Мировой войны // Партитура Второй Мировой. Кто и когда начал войну? – М.: Вече, 2009. – С. 102-119.
8. Каня К. Внешняя политика правительства Н.Чемберлена (по сообщениям посольства республики Польша в Лондоне, май 1937 – март 1939 гг.) // Материалы международной научной

- конференции. Москва, 15-16 октября 2008 г. ИВИ РАН. – М.: Наука, 2009. – С. 85-93.
9. Колесниченко В. Мюнхенский сговор или как начиналась Вторая Мировая война [электронный ресурс] // From-Ua [сайт]. [2011]. URL: <http://www.from-ua.com/voice/ff8188bb9d908.html> (дата обращения 15.05.2012).
10. Морозов С.В. Польско-Чехословацкие отношения 1933 – 1939. Что скрывалось за политикой равноудалённости министра Ю.Бека? – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 528 с.
11. Морозов С.В. К вопросу о роли так называемой Буковинской железной дороги в развитии Мюнхенского кризиса // Славяноведение. – 2010. – № 4 – С. 31-43.
12. Наринский М.М. Международно-политический кризис кануна Второй Мировой войны // «Завтра может быть поздно...» Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. – М., 2009. – С. 23-47.
13. Накануне. 1931–1939. Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 272 с.
14. Огнев А. Мюнхенское предательство // Правда. – 2011. – 7 июля.
15. Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938 –1939: от «умиротворения» к «сдерживанию» или политика гарантий // «Завтра может быть поздно...». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. – М., 2009. – С. 97-114.
16. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М.: Миф, 1993. – 384 с.
17. Системная история международных отношений. В 2 т. / под ред. А.Д. Богатурова. – Т. 1. События 1918–1945 годов. – Изд. 2-е. – М.: Культурная революция, 2009. – 480 с.
18. Смирнов В.П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // «Завтра может быть поздно...». Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. – М., 2009 – С. 185-203.
19. Черчилль У. Вторая Мировая война. Т. 1-2. – М.: Военное издательство, 1991. – 592 с.
20. Шелленберг В. Лабиринт. – М.: Дом Бируни, 1991. – 399 с.
21. Ширер У. Взлёт и падение Третьего Рейха. В 2 т. – Т. 1. – М.: Воениздат, 1991. – 653 с.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 33:94(470)

Захаров В.Н.

Московский государственный областной университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

V. Zakharov

Moscow State Regional University

THE MAIN TRENDS OF EXTERNAL ECONOMIC RELATIONS OF RUSSIA IN THE XVIIIth CENTURY

Аннотация. Внешнеэкономические связи России в XVIII в. рассматриваются в свете современных проблем геоэкономики. Выявлены результаты усилий российского правительства по развитию внешнеторговых контактов на северо-западном (западноевропейском), юго-западном (через Азово-Черноморский бассейн) и юго-восточном направлениях (Средний Восток, Центральная Азия, Китай). Выяснено, что в течение всего столетия опережающими темпами развивалось западноевропейское направление. Это было обусловлено растущими потребностями экономики и рынка Западной Европы. Внешнеэкономические связи на юго-западном и юго-восточном направлениях развивались гораздо более медленными темпами вследствие значительных трудностей в развитии инфраструктуры и логистики, а также проблем геополитического характера.

Ключевые слова: внешняя торговля, внешнеэкономические связи, геоэкономика, Россия в XVIII в., морская торговля.

Abstract. Russian external economic relations are considered through the modern problems of geo-economy. The article exposes the results of Russian governmental attempts to develop external economic contacts in the north-western (Western European), the south-western (across the Azov and the Black Seas) and the south-eastern directions (the Middle East, Central Asia, China). It's found out that throughout the whole century the Western European direction developed at priority growth rates. This was determined by the growing needs of the economy and market of Western Europe. External economic relations developed in the south-western and south-eastern directions slower because of considerable difficulties in their infrastructure and logistics progress, as well as due to the geopolitical problems.

Key words: foreign trade, external economic relations, geo-economy, Russia in the XVIIIth century, maritime trade.

В отношении истории внешней торговли России XVIII в. в науке накоплен уже обширный материал, не говоря уже о массивах архивных данных, еще не поднятых исследовате-

© Захаров В.Н., 2012.

Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013 гг.» Государственный контракт № П-357 от 7 мая 2010 г.

лями. Очевидно, что настало время основной акцент в исследованиях по истории внешне-экономических связей России перенести с накопления все новых и новых сведений на обобщение существующего материала, в том числе и для выявления основных факторов, определявших положение страны в мировом экономическом пространстве, т. е. ее геоэкономическое положение. Решение этой задачи потребует серии фундаментальных исследований. В данной небольшой статье предполагается обозначить лишь некоторые значимые для XVIII в. и актуальные сейчас параметры геоэкономического положения России в начале эпохи нового времени. Геоэкономика, сравнительно новая область знаний, существует на стыке экономической географии, геополитики, макроэкономики [1]. Целью современных исследований в этой области является выявление наиболее благоприятных условий формирования и перераспределения мирового дохода. Но достижение этой цели не может осуществиться без обращения к историческому опыту, поскольку практически каждая из существующих ныне проблем геоэкономического положения России имеет историческую ретроспективу. В этой ретроспективе важная роль принадлежит XVIII в., когда произошли серьезные сдвиги в развитии мировой экономики и существенные перемены в экономическом, политическом и культурном развитии России.

Задача настоящей статьи состоит в обобщении, насколько это возможно в рамках небольшого очерка, различных сведений о развитии внешнеэкономических связей России в XVIII в. с целью выявления характерных для той эпохи изменений в геоэкономическом положении страны. Центральной проблемой при этом становится вопрос о направлениях основных товаропотоков, а следовательно, и о направлении внешнеэкономических связей, поскольку в то время при недостаточном еще развитии экспорта капитала, международных транснациональных корпораций геоэкономические процессы находили свое выражение прежде всего в международном обмене товаров.

Так, одной из важных геоэкономических проблем является вопрос о путях выхода России на мировой рынок. Он определенно важен, если учесть традиционное понимание борьбы Петра I за выход к Балтийскому морю как важнейшую предпосылку его внешней политики, а в немалой степени – и как один из существенных побудительных мотивов преобразований вообще. Итак, эта задача была решена, Россия получила выход к Балтике. Но насколько изменились направление и интенсивность ее внешнеэкономических связей? Еще один вопрос: это евразийское географическое положение России, что предопределяло ее роль как своего рода моста между Европой и Востоком, как поля для межконтинентального транзита. На первый взгляд это не имело прямого отношения к преобразованиям Петра I. Но на самом деле Петр I и его преемники постоянно держали в поле зрения геополитические и геоэкономические интересы страны на ее южных и восточных границах. Достаточно вспомнить Прутский и Персидский походы того же Петра I.

Таким образом, в XVIII в. Россия предпринимала усилия для развития внешнеэкономических связей по всему периметру своих границ как в Европе, так и в Азии. Кроме собственно западноевропейского направления, можно выделить, по крайней мере, еще три: юго-западное, юго-восточное и восточное. Восточное направление, прежде всего, это торговля с Китаем. Юго-восточное направление – это страны Центральной Азии и Иран. Юго-западное направление через Северное Причерноморье открывало путь на Балканы, в Малую Азию и далее – в страны Южной Европы.

Каждый из этих регионов имел свои особенности. На юго-восточном направлении Россия была заинтересована в сбыте промышленных товаров, а также в получении некоторых видов сырья и полуфабрикатов для отечественного производства. Для XVIII в. это главным образом шелк-сырец, который в изобилии производился в Иране. Что касается стран Средней Азии, в то время они еще не стали экспортерами сырья для текстильной

промышленности. Шелк-сырец здесь производился в незначительных количествах, не отличался должным качеством, а выращивание хлопка также еще мало было нацелено на экспорт. Сырье для развивающейся хлопчатобумажной промышленности Россия получала тогда из Китая и через западноевропейских купцов. Кроме того, торговля на среднеазиатском направлении испытывала серьезные инфраструктурные трудности. В основном она осуществлялась, как и в средние века, посредством торговых караванов, шедших через степи и пустыни и находившихся под постоянной угрозой грабительских нападений. В XVIII в. пограничные заставы и таможни обустраивались в районе Оренбурга. Особенностью товарооборота на данном направлении было преобладание в экспорте в Россию скота (коров, овец, лошадей), которые табунами и стадами перегонялись внутрь страны. В 80-е гг. XVIII в. ежегодно проходило в Россию 4 – 5 тысяч голов лошадей и до 200 тысяч овец.

В контактах со Средней Азией использовался и морской путь – от Астрахани до Карагинской пристани на полуострове Мангышлак, откуда на Бухару, Хиву, другие торговые и политические центры Средней Азии шли такие же караванные пути, правда, существенно короче, чем от Оренбургской степной границы [6, с. 49]. Несмотря на все сложности, российское правительство и некоторые крупные купцы были заинтересованы в развитии торговых связей на данном направлении. С целью концентрации средств и усилий при помощи государства в середине XVIII в. формировались привилегированные торговые компании. Это Персидская и Среднеазиатская компании. Однако они действовали недолго: возникнув в конце 50-х гг. XVIII в., они прекратили свое существование в начале правления Екатерины II [8, с. 163 – 173]. С одной стороны, упразднение этих компаний было следствием экономической политики нового правительства, нацеленной на ликвидацию или максимальное сокращение всякого рода привилегий и монополий в хозяйственной деятельности. С другой сто-

роны, очевидно, что эти компании не были достаточно успешными коммерческими предприятиями. Вложенные средства не приносили, видимо, ожидаемой прибыли, что было обусловлено упомянутыми выше проблемами инфраструктуры, а также узостью рынка Средней Азии.

Торговля с Ираном испытывала те же проблемы, хотя и в меньшей степени. Обстановка в стране в XVIII в. была крайне нестабильной. Но в отличие от среднеазиатских стран, Иран уже в течение длительного времени был одним из крупнейших экспортеров шелка-сырца на мировом рынке. С Россией он был связан морским путем по Каспийскому морю через Астраханский порт. Но этот путь имел конкурента со стороны давно налаженного караванного пути из Ирана через владения Османской империи к восточным берегам Средиземного моря в Алеппо или Смирну, куда прибывали корабли из западноевропейских стран и забирали поступившие сюда иранские товары, главным образом тот же шелк-сырец. Таким образом, в торговле с Ираном Россия могла выступить, во-первых, как потребитель экспортных товаров оттуда, во-вторых, стать транзитной территорией для реэкспорта иранского шелка в Западную Европу и западноевропейских товаров в обратном направлении, преодолев конкуренцию со стороны традиционного пути из Ирана в Европу через Средиземное море. Своими силами российский торговый капитал не мог осилить столь грандиозный проект, почему пришлось обратиться к посредничеству иностранных купцов. Нужно сказать, что и иностранные коммерсанты были не прочь освоить транзит между Западной Европой и Средним Востоком через Россию и продублировать средиземноморский вариант. Предложения на этот счет поступали к российскому правительству задолго до XVIII в. Уже в 1667 г. правительство царя Алексея Михайловича поддержало подобную инициативу армянских купцов, подданных шаха, составивших Джульфинскую компанию (названную по имени пригорода Исфагана, где проживали армянские коммерсанты) [6, с. 21]. Армяне

сумели установить торговые контакты, через Россию со странами Западной Европы и сохраняли их и в XVIII в. Так, в 1710 г. в Архангельске, в то время единственном порту через который шла торговля России со странами Западной Европы, действовали около десяти армянских купцов, которые отправляли привезенные из Ирана товары за море [2, с. 126].

Планы проникновения на Средний Восток через российскую территорию вынашивались и западноевропейскими купцами. Долгое время подобные их просьбы встречали отказ со стороны российского правительства, пока дело не дошло до торгового договора 1734 г. с Великобританией. По этому трактату английские купцы получили, наконец, право вести торговлю с Ираном по территории России. Этот, несомненно, интересный факт привлекал внимание исследователей. В новейшей работе В.П. Сидоровой установлено, что британские купцы все же смогли организовать торговый транзит, но в наибольшей степени их интересовал не вывоз шелка, а экспорт в Иран английских промышленных товаров. В 1743 г., до половины европейских товаров, доставленных в Иран по территории России, приходились на долю английских купцов [7, с. 126]. Но этот год был пиковым в транзитной торговле англичан с Ираном по территории России. В 1744 г. их доля составила уже 20%, а в 1746 г., по соображениям геополитического и внешнеполитического характера, российское правительство запретило британцам транзитный торг с Ираном [7, с. 187]. В дальнейшем внутривосточная обстановка в Иране обострилась, что препятствовало развитию внешнеторговых связей России на данном направлении. Кроме того, активизировалось проникновение британских купцов в Иран со стороны Персидского залива. На рубеже XVIII и XIX вв. доля Астрахани во внешнеторговом обороте России не превышала 1 %. [6, с. 193 – 194].

Таким образом, торговые контакты России на центральноазиатском и иранском направлении не приобрели значительных масштабов. Хотя определенные предпосылки для развития этих контактов имелись: потреб-

ность российского рынка в сырье для отечественной промышленности, спрос на рынках Востока на некоторые продукты европейского ремесла и промышленности, а также возможность транзитной торговли между Западной Европой и странами Среднего Востока по российской территории. Однако эти потенциальные возможности не были реализованы в силу проблем инфраструктурного характера, внешнеполитических и геополитических противоречий и усугубления политической нестабильности и анархии в Иране к концу XVIII в.

Надо сказать, что, вступив на путь геополитического и геоэкономического соперничества с ведущими европейскими державами в XVIII в., Россия не могла не включиться в поиск собственных путей в Индию. К XVIII в. веку в этом преуспели не только Португалия и Нидерланды, но и Франция, Дания, Англия. Большой интерес к этому проявил Петр I. Задача найти торговый путь в Индию, желательно водный, через речные бассейны Центральной Азии, была поставлена перед посольствами князя А. Бековича-Черкасского, Флорио Беневени, направляемыми в Хиву и Бухару. Подполковник И. Бухгольц стремился отыскать путь в Индию от верховьев Иртыша [6, с. 73 - 74]. Следовательно, российское правительство в XVIII в. уже осознавало все выгоды прямых экономических связей с Индией, которые уже приобрели такие страны, как Нидерланды, Англия, Франция, Дания. Более того, Петр I понимал, что Россия как крупнейшая континентальная держава обладает огромным опытом организации торговли по суше и по путям речных бассейнов. С другой стороны, сказывалась и неосведомленность в географии Азии: тогда никто в России и в Европе вообще не имел представления, насколько высокие и труднопроходимые горные массивы разделяют Индию и Среднюю Азию, и что никаких водных путей там в принципе не существует. В конечном счете уже в то время стало ясно, что преуспеть в освоении торговых контактов с Индией можно, только наладив сообщение с ней морским путем.

В то же время обращает на себя внимание достаточно стабильное развитие торговых контактов с Китаем, которые с 1727 г. осуществлялись через единственный пограничный пункт – Кяхту, аналогично для торговли со странами Западной Европы был предназначен порт Кантон [10, р. 234]. В 70-х гг. доля торговли с Китаем в общем товарообороте России составила более 7%, несколько уменьшившись к концу столетия (в 1797 г. – 5%).¹

Юго-западное направление внешнеэкономических связей России также развивалось с незапамятных времен. С конца XVII в. Россия предпринимает усилия в приобретении выхода к Черному морю, однако в полной мере они увенчались успехом во второй половине XVIII в. В результате победоносных войн с Османской империей Россия, во-первых, приобрела непосредственный выход к Черному морю, во-вторых, это море стало открытым для торговых судов всех стран. Чтобы стимулировать развитие внешней торговли на данном направлении, российское правительство установило льготный таможенный тариф для черноморских портов, были заключены торговые договоры с Францией, Неаполитанским королевством, Португалией, той же Турцией.

Каковы же были результаты этих усилий? Сохранившиеся статистические данные свидетельствуют о том, что внешняя торговля на черноморском направлении еще не достигла значительных успехов. Доля портов Азовского и Черного морей во внешнеторговом обороте России на рубеже XVIII и XIX вв. не превышала 2,5 – 3%, составив, по подсчетам Ю.А. Пospelовой, в 1791 г. – 1,6%, 1794 г. – 2,6%, 1797 г. – 2% [5, с. 121]. В основном эти связи не простирались далее Балканского региона, Константинополя, Малой Азии, Архипелага. Торговля со странами Юго-Западной Европы носила еще эпизодический характер. Так, французский купец Антуан смог в 1780-х гг. организовать рейсы торговых кораблей из Херсона в Марсель. Однако начавшаяся война с Турцией, а впоследствии – и революция во Франции, не позволили ему про-

должить это предприятие [3, с. 317 – 320]. В любом случае относительно медленное развитие внешнеэкономических связей России на юго-западном направлении было обусловлено целым рядом факторов как геополитического, так и геоэкономического характера. Во-первых, обстановка в регионе крайне осложнилась в результате Великой Французской революции и разразившимися войнами. Россия, как и другие страны Европы, объявила Франции экономическую блокаду, почему практически оказался нереализованным русско-французский торговый договор 1786 г. Но имели место и иные причины, с политической нестабильностью не связанные. Очевидно, что в результате присоединения Северного Причерноморья к России не могли не произойти изменения в направлении торговых путей, потоков товаров. В период турецкого владычества торговые связи региона были нацелены главным образом на обеспечение потребностей социально-политической элиты Крымского ханства, почему и получил развитие ряд крымских портов (Гезлев, Феодосия). Кроме того, определенное значение имели контакты степной зоны Причерноморья и Османской метрополии, которые осуществлялись через устье Днепра или через Перекоп и далее через те же порты Крыма. С вхождением Северного Причерноморья в состав Российской империи рано или поздно должна быть решена задача выхода на черноморский рынок товаропотока со всей Южной России, что потребовало создания новой инфраструктуры, логистической сети, строительства новых портов, перекоммутации существовавших линий товарооборота. А это требовало значительно большего времени, нежели полтора десятка относительно спокойных лет в конце XVIII в. после заключения Кучук-Кайнарджийского мира.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют считать, что доминирующим на всем протяжении XVIII в. оставалось западноевропейское направление, основная масса товаров на котором проходила через петербургский порт. Учитывая, что торговля через Архангельск также была ориентирована на страны

¹ Подсчитано по: 4. Р. 165, 193. Table 4.1, 4. 37.

Западной Европы, получим, что на долю этого направления приходилось 83% товарооборота (1773 г.) и 84% в конце века (1797 г.)¹. Отметим также, что в данном случае речь идет только о морских портах, часть товаров, стоимость которых пока не поддается точному учету, проходила через сухопутную западную границу. А.Л. Рябцев предполагает, что к концу XVIII в. через все таможенные на сухопутной границе проходило до 13% товарооборота [6, с. 191]. Исключая торговлю через Кяхту (5% в 1797 г.) и Оренбургскую степную границу (3%), можем предполагать, что на Запад через сухопутную границу шло не менее 5-6% товарооборота страны. Остальные направления имели гораздо меньшее значение по доле в товарообороте, составляя несколько процентов, как отмечалось выше. Однако думается, что на этом основании нельзя считать прочие направления маловажными и второстепенными, имея в виду контакты России с отдельными странами Азии, Ближнего и Дальнего Востока.

Значительный перевес западноевропейского направления по объему товарооборота обусловлен, видимо, двумя факторами. Во-первых, на данном направлении основная масса товаров перевозилась морем, в то время как на прочих направлениях преобладала транспортировка по суше, которая по массе перевозимых товаров не могла быть сопоставимой с доставкой товаров на морских судах. Во-вторых, уровень развития товарно-денежных отношений, институтов рынка и его емкость в Западной Европе была неизмеримо выше, чем на Востоке. Наконец, страны Запада испытывали гораздо большую потребность в российских товарах, нежели соседи России на Востоке.

Интересна сама по себе эта потребность. Бытует мнение, что Россия представляла собой сырьевой рынок для развивающейся промышленности Западной Европы, а в Россию оттуда поступали в качестве импорта готовые изделия. Это суждение, пусть и в определенном смысле верное, тем не менее нуждается в известной корректировке. Во-первых, что считать сырьем и действительно

ли российский экспорт имел преимущественно сырьевую направленность. Имеющиеся данные свидетельствуют, что основными товарами российского экспорта на западноевропейском направлении, которое являлось преобладающим, были продукты земледелия и животноводства, лесоматериалы, ткани и железо. Их доля в начале века составляла 99% всей стоимости российского экспорта и незначительно сократилась (до 87%) к концу столетия². В большинстве своем эти товары представляли собой продукцию, полученную в производящем хозяйстве, а отнюдь не добытые в недрах или в результате эксплуатации каких-либо сырьевых запасов (лес, охота на дикого зверя и т. д.). В качестве невосполнимых сырьевых запасов можно с известными оговорками рассматривать лесоматериалы, но при этом следует обратить внимание на ассортимент этих товаров, в котором указаны не столько бревна, но и полученные в результате лесопильного производства доски, балки, мачты. В любом случае доля этой отрасли в экспорте в течение века не превышала 4% по стоимости.

До двух третей всего объема российского экспорта составляла продукция сельского хозяйства. Подходя к этому вопросу исторически, нужно в первую очередь отметить существенный прогресс в развитии данной отрасли экспорта в рассматриваемый период. Фактически именно в XVIII в. Россия стала одним из ведущих экспортеров сельскохозяйственной продукции на европейском рынке, что свидетельствует об очевидном прогрессе в аграрной сфере в целом, так и о развитии рыночной экономики и товарно-денежных отношений в сфере сельского хозяйства. Этот несомненный прогресс был достигнут в результате очевидной конкуренции с другими странами Европы, выступавшими основными поставщиками сельскохозяйственной продукции: Польшей, Швецией, Пруссией. Причем Россия уверенно вышла на европейский рынок как с продукцией своего земледелия, так и животноводства. В отношении животноводства можно отметить два важнейших товара:

¹ Подсчитано по: 4. Рр. 164-165, 192-193. Table 4.1, 4. 37.

² Подсчитано по: 4. Р. 168. Table 4.2.

юфть и говяжье сало. Юфть представляла собой определенным образом выделанную кожу крупного рогатого скота. Русская юфть отличалась особой прочностью и эластичностью и по качеству не имела равных на европейском рынке в данной ассортиментной нише. Россия зарекомендовала себя в качестве одного из ведущих поставщиков кож на европейском рынке еще в XVII в., в начале XVIII в. упрочила это положение и в течение века его сохраняла [9]. Говяжье сало стало одним из основных экспортных продуктов в XVIII в. В зарубежной Европе оно в больших количествах употреблялась для изготовления мыла, свечей, смазочных материалов. Юфть и говяжье сало в больших количествах поставлялось в страны континентальной Европы – в германские государства, Нидерланды [3, с. 247, 259].

Что касается продуктов земледелия, в этой сфере ведущее значение имели в течение всего века технические культуры: лен и конопля. Хорошо известно, что поставки пеньки, представлявшей собой продукт первичной переработки конопляного волокна, имели исключительное значение для обеспечения потребностей британского флота. Если до XVIII в. Англия получала пеньку также из владений Швеции, имелись планы развития ее производства в североамериканских колониях, то в течение XVIII в. Россия превратилась в главного экспортера этого товара в Великобританию. По данным А. Кагана, полученным из официальных британских архивов, в 1771 г. за счет импорта из России удовлетворялось 93% потребности Англии в пеньке, а в 1785 г. – 99%¹.

Еще более существенный прогресс произошел в XVIII в. в торговле хлебом. Если до XVIII в. экспорт хлеба из России был незначителен и мог даже полностью запрещаться из-за недорода или угрозы голода, то со второй половины XVIII в. Россия уверенно выходит на европейский рынок как один из значительных экспортеров зерна. Интересно, что до 70-х гг. XVIII в. ведущую роль в экспорте хлеба играл самый северный порт – Архангельск, затем все большее значение приобретают порты Балтики – Рига и Петер-

бург. Из этих гаваней российский хлеб отправлялся прежде всего в страны Северной Европы – Англию, Нидерланды, Германию, Данию, Швецию [4, с. 171]. В конце столетия ведущая роль перешла к черноморским портам. К 1805 г. здесь проходило до 55% экспорта российского зерна, которое поступало в Константинополь и далее – в Италию, Францию, Испанию, Португалию. [4, с. 167, 169].

Наконец, нельзя не отметить еще одно исключительно важное достижение российской экономики XVIII в. – достижение ее ведущего положения в экспорте железа на европейский рынок. Это было результатом развития российской металлургии, прежде всего на Урале, а также отвечало потребностям экономики Великобритании, находившейся накануне индустриальной революции. Так, в 80 – 90-х гг. от 72% до 78% импорта железа в Великобританию приходилось на долю России.²

Таким образом, в XVIII в., когда произошло существенное расширение мирового рынка и международных экономических связей, Россия сделала существенный шаг вперед в упрочении своего геоэкономического положения. Имело место расширение внешнеторговых контактов на всех основных направлениях. Но наиболее существенный прорыв был осуществлен на западноевропейском направлении. Это проявилось и в том, что на этом направлении обращалась основная масса товаров российского экспорта и импорта, и в том, что Россия вышла на европейский рынок, как один из главных его участников с продукцией своего производящего хозяйства, причем не только агрокомплекса (зерно, лен, пенька), но и продуктов ремесла и крупной индустрии (юфть, холсты, железо). Таковой результат со всей очевидностью отразил главный вектор развития России в XVIII в., в котором безусловно доминировала европейская составляющая в сфере политической и культурной. Другое дело, что устремленность России в направлении Западной Европы в области экономических связей выявила и определенные проблемы в уровне развития соответствующих институтов: торговых фирм,

¹ Подсчитано по: 4. Р. 203. Table 4.45.

² Подсчитано по: 4. Р. 205. Table 4.46.

банков, морского судоходства. Рассмотрение этих проблем с точки зрения геоэкономических интересов России может быть предметом отдельного исследования.

В XVIII в. выявились также и значительные потенциальные возможности для развития внешнеэкономических связей России на других направлениях. Они не были реализованы тогда в достаточной степени, но, безусловно, развитие экономических контактов России в направлении Балкан и Средиземноморья, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, осуществление глобальных трансконтинентальных связей по российской территории должно было приобрести особое значение в последующие столетия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дергачев В. Геоэкономика. (Современная геополитика). – Киев, 2002.
2. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. – М., 1996.
3. Миронов Б.Н. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII – начале XIX в. // Исторические записки. Т.93. – М., 1974. С. 149-188.
4. Поспелова Ю.А. Динамика и баланс внешней торговли России на Азово-Черноморском направлении в конце XVIII в. // Вестник МГОУ, серия «История и политические науки». 2011. – № 2. С. 115-123.
5. Рябцев А.Л. Роль России в восточной торговле Ирана в XVIII веке. – М., 2002.
6. Сидорова В.П. Товарооборот между Ираном и Великобританией в 30-40-е гг. XVIII в. // Вестник МГОУ, серия «История и политические науки». 2011. – № 3. – С. 183-188.
7. Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е гг. XVIII в.). – М., 1994.
8. Harder, Elisabeth. Lübeck und Hamburg im internationalen Handel mit russischen Juchtenleder in der frühen Neuzeit (1650 – 1710) // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertums-kunde. 1987. – Bd. 67.
9. Kahan, Arcadius. The plow, the hammer, and the knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. – Chicago, 1985.

УДК 94(47).081

Монякова О.А.

Шуйский государственный педагогический университет

УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЗЕМСТВА В СТАНОВЛЕНИИ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (1864-1884): ОПЫТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

O. Monyakova

Shuya State Pedagogical University

THE PARTICIPATION OF THE ORTHODOX CHURCH AND THE ZEMSTVO IN THE FORMATION OF AN ELEMENTARY PUBLIC EDUCATION IN RUSSIAN PROVINCES (1864-1884): EXPERIENCE OF MUTUAL RELATION

Аннотация. В статье проводится анализ эволюции взаимоотношений провинциальных структур Русской православной церкви и земских органов самоуправления в области организации начального народного образования в период его становления до выделения в 1884 г. из его системы церковно-приходской школы, и влияния характера этих отношений на результативность образовательного процесса.

В отечественной историографии до сих пор в тени остается проблема динамики зависимости результатов дела народного образования от уровня и характера взаимодействия земских учреждений и духовного ведомства на образовательном пространстве российской провинции.

Ключевые слова: Русская православная церковь, земство, начальное образование, церковно-приходская школа, взаимодействие.

Abstract. The article analyzes the evolution of the relationship of the provincial structures: the Russian Orthodox Church and local government bodies of Zemstvo - in the field of public education forming. The period described begins with the initial period of its formation and ends in 1884 when parochial schools were separated from secular schools. The article also describe the way these relations influenced the effectiveness of the educational process.

The Russian historiography still has not clarified the problem of dependence dynamics of the results of public education on the level and nature of the interaction of Zemstvo institutions and religious authorities in the educational area of Russian provinces.

Key words: Russian Orthodox Church, Zemstvo, primary education, parochial school, interaction.

До появления земств юридическими правами на открытие школ в сельской местности Российской империи обладали: духовенство (по Указу Св. Синода от 29 октября 1836 г.), Министерство государственных имуществ (на основе постановления от 23 ноября 1842 г. об учреждении сельских приходских училищ) и сельские общества (по указу от 19 февраля 1861 г.).

1864 г. знаменателен появлением нового субъекта образовательного процесса в провинции – земских органов самоуправления, которым суждено в последующем стать одним из ведущих игроков на этом поле. Придя по воле государства на образовательное пространство, земство застало там двух основных участников процесса – Министерство народного просвещения и Святейший Синод. Еще до появления земств этим двум ведомствам было свойственно состояние соперничества в области начального народного образования, которое в некотором роде стимулировало динамику их деятельности [6, с. 100-107]. Земские органы самоуправления, постепенно вплотную занявшиеся, в том числе, и вопросами народного образования в провинции, как бы приняли от Министерства народного просвещения эстафету взаимоотношений конкурирующего характера с духовным ведомством в этой сфере. Именно

© Монякова О.А., 2012.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы». ГК № П 563 от 17 мая 2010 г

взаимодействие между земством и духовным ведомством стало определять весь ход развития начального образования в земских губерниях империи. Наиболее тесно их интересы смыкались на уровне уездной провинции, так как основными практическими организаторами начальной школы на местах являлись уездные земства и приходские причты. Таким образом, главной задачей данной работы является анализ эволюции взаимоотношений провинциальных структур духовного ведомства и земских органов самоуправления в области организации начального образования народа в период его становления, до выделения в 1884 г. из его системы церковно-приходской школы, и влияния характера этих отношений на результативность образовательного процесса.

Следует отметить, что в историографии накоплен опыт изучения как истории земской, так и истории церковно-приходской школы. При этом приоритетное внимание уделялось анализу преимуществ каждой из систем, ее влиянию на ход образовательного процесса, их борьбе между собой. До сих пор в тени остается проблема динамики зависимости результатов дела народного образования от уровня и характера взаимодействия земских учреждений и духовного ведомства, особенно на уездном уровне. Между тем для комплексного исследования развития народного образования в дореволюционной России как базиса для формирования целостного культурно-образовательного пространства анализ отношений между церковью и земством на образовательном поле имеет большое значение с целью выявления положительных примеров совместных действий [7, с. 161-170].

Два исторических документа, принятых к действию в один и тот же 1864 г. с разницей в полгода, соединили на начальном этапе земских деятелей и духовенство в одном большом деле – организации школы для обучения и просвещения многомиллионного безграмотного российского народа. Это само Положение о земских учреждениях, которое в ст. 23 и 24 допускало священнослужителям

возможность быть избранными в гласные уездных земских собраний [10]; и Положение о начальных народных училищах 1864 г. [9, т. 39, № 41068], определившее в ст. 19 состав уездных и губернских училищных советов. Согласно этой статье, в уездный училищный совет наряду с членами от МНП и МВД входили два представителя от местного уездного земского собрания и один от православного духовенства; а губернский училищный совет составляли: епархиальный архиерей как глава совета, губернатор, директор народных училищ и два члена от губернского земского собрания. По идее, как писал В.З. Смирнов, губернские и уездные училищные советы должны были устранить антагонизм, существовавший между различными ведомствами по вопросам управления и руководства народными училищами, объединить все заинтересованные ведомства и общества [15, с. 147].

Наиболее тесное соприкосновение в работе по организации процесса начального образования было у земцев с представителями духовенства на уровне уездных училищных советов. Тем более что в отличие от губернского, должность председателя уездного совета была выборной. Имеющиеся в нашем распоряжении примеры показывают, что немало священнослужителей было избрано председателями уездных училищных советов. Кроме того, некоторые из них являлись одновременно и гласными местных земских собраний. Например, в первый состав Ковровского уездного училищного совета Владимирской губернии в 1866 г. были избраны благочинный города Коврова С.А. Архангельский и губернский секретарь И.М. Крамаревский, оба гласные Ковровского земства¹.

По замечанию Е.Н. Медынского, и мы с ним согласимся, уездные училищные советы являлись довольно живыми организациями, в отличие от губернских [5, с. 254], так как в их ведении находились заботы о конкретных начальных училищах, которые надо было

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 3. Д. 1667. Л. 12.

снабжать учебными пособиями и принадлежностями, обеспечивать учительскими кадрами и пр. Но не поддержим мы уважаемого историка образования в том, что единственной причиной активной позиции уездных училищных советов он считал наличие в их составах представителей от земства. Архивные и другие источники свидетельствуют, что не менее активную позицию в этих советах занимали и представители духовного сословия. В целом, анализируя деятельность уездных училищных советов, можно выявить одну общую тенденцию, а именно сильную зависимость результатов их деятельности от персонального состава. Если в составе уездного совета находилась личность или личности с активной гражданской позицией, выражаясь современным языком, искренне заинтересованные в просвещении простого народа и повышении его культурного уровня, независимо от сословной и ведомственной принадлежности, там заметны были достижения в образовательной сфере. Например, инициатором открытия начального училища в с. Спасском Любимского уезда стал председатель местного училищного совета и земский гласный прот. Павел Никольский [18, с. 19-21].

Таким образом, одной из изначальных форм взаимодействия представителей православной Церкви и земского самоуправления на начальном образовательном поле российской провинции стала их совместная работа в уездных училищных советах.

Кроме того, Положение 1864 г., с которого и началось взаимодействие православной Церкви и земства на образовательном пространстве, объединило все ведомственное разнообразие существовавших на тот момент в России элементарных училищ и школ под одним общим понятием – «начальное народное училище», куда вошли и церковно-приходские школы и только предполагаемые к созданию земские. Все они должны были решать одну и ту же задачу «утверждения в народе религиозных и нравственных понятий и распространения первоначальных полезных знаний» и работать по единому учебному плану.

Следовательно, в начале совместного пути церковь и земство находились, в общем-то, в одинаковых правовых условиях и под началом одних и тех же училищных советов, которые должны были наблюдать за учебной частью всех школ, в том числе и духовного ведомства.

В плане выстраивания будущих отношений между духовным ведомством и земскими деятелями принципиальное значение имеют, на наш взгляд, первые земские собрания, как уездные, так и губернские, и принятые ими решения.

Так, Владимирское губернское земское собрание декабря 1866 г. достаточно много времени посвятило положению дел в образовании. Из его первых постановлений хорошо видно, что земцы в самом начале пути не разделяли школы по ведомственной принадлежности, а рассматривали их как единое целое, включая в него и церковные школы [13, с. 1-7].

Показательна в этом отношении позиция земских деятелей некоторых уездов Тверской губернии, которые, по аналогии с Юрьевским земством во Владимирской губернии, решили передоверить дело начального образования в своем уезде церковно-приходским попечительствам, созданным по Положению от 2 августа 1864 г. [14, с. 607]. Очередное земское собрание 1866 г. в Тверском уезде постановило, что раз «приходские попечительства открывают училища на свои средства и что таковых попечительств может образоваться в уезде по числу приходов 69, ассигновать на каждое по 50 руб., а всего 3150 руб.» [3, с. 413]. Период увлечения тверских земцев церковно-приходскими попечительствами длился примерно до 1870 г., когда, убедившись в его бесперспективности, они сменили свою тактику. Собрание 1868 г. констатировало, что из 69 предполагаемых попечительств в Тверском уезде организовано только 10, и из них лишь 8 обратились к земству за пособием для открытия училищ.

Специально проведенное нами исследование по проблеме участия попечительств в деле народного образования позволило уста-

новить, что положение в Тверском уезде было типичным для всей России. Организация попечительств, по словам киевского митрополита Арсения, продвигалась в России «черепашьим ходом». В абсолютном большинстве епархий удалось создать их считанные единицы [12, с. 352-353].

Учитывая, что субъекты образовательного процесса в своей деятельности руководствовались одним и тем же Положением 1864 г., подчинялись одним и тем же училищным советам, отличия между церковными и так называемыми земскими школами на тот период заключались лишь в механизме их материального обеспечения. Училища, которые позднее назовут земскими, открывались, как правило, при содействии сельских обществ и пособий от земств на учебные принадлежности и вознаграждение учителям; церковно-приходские в это время также существовали на средства крестьянских обществ и иногда помощи от земства, только вместо нанятых учителей преподавали в таких школах священники или другие члены причта или окончившие курс духовных училищ, практически бесплатно. Размещались церковно-приходские школы главным образом в церковных домах. В силу последних обстоятельств, а именно то, что церковные школы не требовали лишних затрат при найме помещения и учителей, они становились даже привлекательней для земских органов в уездах, бюджеты которых в начальный период их деятельности были более чем скромными. Пример тому находим у Бежецкого уездного земства в Тверской губернии, которое постановило, начиная с 1868 г., открывать в каждой волости по несколько церковно-приходских школ [3, с. 32-33]. Подобный же подход к организации школ на местах без различия их ведомственной принадлежности был принят к руководству Кашинским земством Тверской губернии, начиная с 1868 г. В основу этого подхода был положен критерий затрат на школу: чем их меньше, тем лучше, т. к. большее количество школ можно устроить, не обращая внимание на качество обучения в них [4, с. 1021-1022].

Именно материальные причины, а точ-

нее отсутствие у первых земств достаточных средств на открытие и поддержание начальных школ в своих уездах, детерминировали такое отношение земских деятелей к церковным школам на первоначальном этапе: когда, вполне сознавая их недостатки, земцы тем не менее полагали, что и они могли бы послужить делу народного образования, так как требовали меньше всего затрат и были привлекательнее для крестьян по причине близости к дому.

Таким образом, начальный период совместной деятельности духовенства и земства в области начального народного образования, который хронологически укладывается в пятилетие от первых земских собраний до начала 1870-х гг., можно охарактеризовать как мирный, хотя сами земские деятели называли это пятилетие организационным. Не трудно понять, почему первые пять лет совместной работы земства и православной Церкви по образованию народа были столь спокойными и не нарушались взаимными упреками и поисками недостатков друг у друга. Объяснение такому положению дел можно найти и в материалах земских собраний. Например, тверские земцы объясняли это так: «Земство в начале своей деятельности совсем не знало, как ему приняться за дело народного образования. Всю надежду оно возлагало на духовенство и стремилось и словом и делом поддержать церковно-приходские школы...» [3, с. 416]. Духовенство, а точнее его лучшие представители, также не осталось в стороне. И, как признавались все те же деятели тверского земства, «теперь далеко не единичны случаи, где причты и особенно священники являются энергичными помощниками земства и жертвуют на школы не только свои труды, но и средства; немало примеров, где благодаря их влиянию появляются новые школы» [3, с. 416].

Если во второй половине 1860-х гг. образовательный аспект земской деятельности только намечался, то в 70-е гг. происходит становление теоретических взглядов земства на образование и делаются попытки их практического воплощения в жизнь [8, с. 99].

Понятие «земская школа» в этот период уже сформировалось и прочно вошло в обиход заинтересованных кругов. Хотя дореволюционные исследователи предпочитали называть ее «земско-общественная» школа, и были правы, так как земских училищ в чистом виде, содержащихся исключительно на средства земства, практически не существовало. В принципе земства уже могли себе это позволить в связи с тем, что их бюджеты за 15 лет деятельности выросли в среднем в 6,5 раз [1, с. 22].

Тем временем собственно церковно-приходские школы духовенства постепенно слабели и вытеснялись земско-общественными [11, с. 1373]. Таким образом, развитие земско-церковных отношений на начальном образовательном пространстве российской провинции в 1870-е гг. происходило на фоне стабильного роста количества земско-общественных начальных училищ при одновременном сокращении численности церковно-приходских школ. Кроме того, с середины 1860-х гг. многие земства стали обращаться в Министерство народного просвещения с ходатайствами о введении обязательности начального обучения¹.

Не могло не сказаться на взаимоотношениях в провинции между земскими учреждениями и местными епархиальными структурами принятие нового Положения о начальных народных училищах 25 мая 1874 г., которое, оставляя земские и церковные начальные школы в той же системе подчиненности училищным советам, при этом усилило светский элемент в механизме функционирования начальных школ в России [9, т. 49, ч. 1, № 53574]. Выразилось это в том, что председателями губернских училищных советов вместо архиереев стали губернские предводители дворянства, а в уездных советах было ликвидировано выборное начало, их председателями могли быть только предводители местного уездного дворянства (§ 27). Таким образом, духовенство было лишено возможности руководить организацией

начального образования в уездах, для них государство оставляло только надзирающую функцию. При этом заявлялось, что участие духовенства в народном образовании «остается неизменным», а Положение 25 мая 1874 г. «упрочивает влияние пастырей Церкви на эти школы», вверяя высшее наблюдение за религиозно-нравственным направлением местному архиерею, «и вообще сохраняет за духовенством право участия в управлении народными училищами» [16, с. 80]. Разногласия и борьба за главенство между светскими и церковными высшими кругами нагнетала обстановку в провинции.

Нельзя оставить без внимания и такой существенный внешний фактор воздействия на характер земско-церковных отношений в области народного образования как начавшееся в 1870-х гг. знаменитое «хождение в народ» представителей революционной разночинной интеллигенции. Идея перехода к социализму через сохранение и преобразование русской сельской общины, высказанная в конце 1840-х - начале 1850-х гг. А.И. Герценом, затем Н.Г. Чернышевским, становилась все более популярной среди передовой интеллигенции. Молодежь шла в деревни работать учителями, фельдшерами, писарями, чтобы пропагандировать среди крестьян народнические идеи. В начальной школе видели они широкие возможности для пропаганды своих идей. Эта попытка использовать сельскую школу в пропагандистских целях сыграла роль катализатора, обострившего до того относительно спокойные отношения между земскими учреждениями и духовным ведомством в провинции.

Именно в это время в некоторых местных средствах информации появляются статьи, свидетельствующие о встревоженности духовенства складывавшейся в образовании ситуацией на фоне сложной политической обстановки в стране. Подтверждением тому – газетная полемика, разгоревшаяся в первой половине 1870-х гг. во Владимирской губернии. Например, автор статьи во «Владимирских епархиальных ведомостях» свящ. А. Белоцветов из г. Киржача начал ее такими

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 27. Д. 825.

словами, вобравшими в себя суть сложившейся на тот момент ситуации: «Да, смеяться над школами, содержимыми духовенством можно, ... но справедливо ли ... Кому как не духовенству, обязано знанием грамоты все наше крестьянство ...». В статье нет критики деятельности земских учреждений, наоборот, земство позиционируется как источник материальной поддержки церковных школ, и чтобы он не иссяк, духовенство должно повернуться лицом к новым методам обучения, «должно – нравственно обязано, в интересах как религиозных, так и самого общества, встрепетаться ныне особенно, и всеми мерами постараться удержать за собою заправление народным образованием. Но только для этого ему необходимо распротиться с прежним методом обучения грамоте и приняться за новый» [2, 1871, № 6].

Но уже несколько месяцев спустя в этой же газете появилась публикация совершенно иной направленности, с острой критикой проводимой местными уездными земствами политики в области начального образования, которая характеризовалась как слабая. В ней говорилось о том, что «преподавание в народных школах ... шло и идет до сих пор до того неудовлетворительно, что крестьяне утратили к земским школам всякое доверие». Причиной такого положения выдвигается «равнодушие к делу цивилизации низших слоев населения» [2, 1871, № 18]. Правда, статья эта написана не местными духовными деятелями, а была перепечатана из газеты дворянско-консервативной направленности «Русский Мир».

Из имеющихся в нашем распоряжении публикаций в местной периодической печати, как земской, так и епархиальной, можно сделать заключение, что это была полемика не между земцами и священнослужителями. Духовенство защищалось от тех нападок, которые градом посыпались на его голову со стороны народнически настроенной части общества. Земство практически не принимало участия в этой полемике. По крайней мере, мы не встретили в земских средствах информации публикаций, направленных

против деятельности местного духовенства на поприще образования. Наоборот, местные губернские ведомости печатали заметки об успехах народного образования в различных уездах, и причиной тому была согласованная деятельность местного приходского священника и земской управы [2, 1879, № 15].

По-иному складывалась в этом вопросе ситуация в Тверской губернии. Здесь все было наоборот – самые жаркие дебаты по вопросу отношения к церковно-приходской школе разгорелись в земских собраниях, а духовенство отмалчивалось. Его печатный орган, наоборот, публиковал заметки об открытии новых начальных училищ в селах благодаря союзу земства и церкви, на подобие следующей: «Освящение нового училищного дома в с. Селихове Корчевского уезда». «19 июня 1877 г. освящен был местным священником и законоучителем новый 2-этажный дом для 3-х классного училища. Корчевское земство употребило от себя на этот дом до 800 руб., а разные строительные материалы... были частью от Селиховского общества, частью от жертвователей частных, так что весь дом стоит не менее 3 тысяч руб. Школа существует в Селихове лет 40... Г. председатель Корчевской управы Кривоблоцкий, человек энергичный и образованный, давно обратил внимание свое на эту школу и много содействовал вместе с членами Управы благосостоянию ее и устройству нового здания. Давно все мы чувствовали потребность устроить приличное здание; но трудность и недостаток местных средств пугали нас. Теперь же дружное, общее единодушие всех, по предложению и содействию земских деятелей, придало нам силу и бодрость, и возбудило каждого из нас к скорейшему окончанию построения» [17, с. 277-279].

В отличие от коллег, например, из Владимирской губернии, тверские земцы активно обсуждали на своих собраниях вопрос о значении церковной школы для развития начального обучения в России. Анализ материалов губернских и уездных земских собраний 1876-1880 гг. позволяет вычленировать несколько основных моментов в позиции деятелей зем-

ского самоуправления Тверской губернии по данной проблеме.

Во-первых, они полагали (и в некоторых уездах, например, в Весьегонском, Кашинском, Калязинском и Старицком, осуществляли это на практике), что важным подспорьем в деле всеобщего обучения являются «крестьянские школы грамотности» или школы грамоты, как их назовут позднее. Тверское губернское собрание 1877 г. в согласии с уездными земскими деятелями пришло к убеждению, что «осуществление силами одного земства, посредством учреждения земских школ, всеобщего обучения невозможно» [3, с. 1034-1035]. Во-вторых, точно такую же позицию тверские земцы заняли и в отношении церковно-приходских школ. Считая их более низкими по уровню преподавания и менее обеспеченными по содержанию по сравнению с земскими училищами, они, тем не менее, признавали их необходимость в деле всеобщего образования народа, как раз в силу их дешевизны. По этой причине губернское собрание 1881 г. рекомендовало уездным земствам последовать примеру Новоторжского уездного земства, которое, выделив всего 728 руб., в сотрудничестве с местными церквями и их прихожанами, смогло на эти весьма скромные деньги открыть в уезде 10 церковно-приходских школ [3, с. 1078-1079]. Земским школам в таком раскладе предназначалась роль образцовых училищ или школ повышенного типа, где могли бы продолжить свое образование выпускники школ грамотности или церковно-приходских. Но одно важное условие при этом, по мнению, деятелей тверского земского самоуправления, должно оставаться неизменным: и школы грамотности, и церковно-приходские школы в учебно-воспитательном процессе должны были оставаться под контролем земства и училищных советов.

Таким образом, мы можем выделить следующие 10 лет совместного существования земских и церковных школ на образовательном пространстве Верхневолжских губерний как второй этап их взаимоотношений, который, несмотря на все имевшиеся внешние

факторы воздействия, также не был отмечен острыми конфликтными ситуациями, за исключением отдельных проявлений, как например, во Владимирской губернии, которые были скорее вызваны публикациями в средствах информации, направленными большей частью против отсталых, не дающих результата методов обучения в церковной школе. Духовенство выступало в роли ответчика, но нападающей стороной было не земство, а революционизированная часть общества. И еще следует отметить тот момент, что поводы для разногласий были привнесены извне, из Центра, а не созрели внутри, о чем свидетельствуют статьи в местной периодике, являвшиеся в основной своей массе перепечатанными из центральных изданий.

С вступлением в силу в 1884 г. Правил о церковно-приходских школах начался новый этап взаимоотношений Русской православной церкви и земства на образовательном пространстве российской провинции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы, культура. – М., 1998. – 164 с.
2. Владимирские епархиальные ведомости. – 1871. – № 6; № 18; 1879. – № 15.
3. Материалы для истории Тверского губернского земства Т. V. – Тверь, 1909. – 781 с.
4. Материалы для истории Тверского Губернского земства. 1866-1908. Т. VIII. Сост. И.К. Гудзь. Под ред. А.Н. Полтева. – Тверь: Тип-я Тверской губернской земской управы, 1910. – 1106 с.
5. Медынский Е.И. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Госучпедгиз, 1938. – 512 с.
6. Монякова О.А. Образовательные реалии провинциальной России накануне реформ 1860-х гг.: духовный и светский аспекты (на материалах губерний Верхнего Поволжья) //Образование и общество. – 2012. – № 1. – С. 100-107.
7. Монякова О.А. Церковь и земство в формировании уездного образовательного пространства. Историографический обзор //Федерализм. – 2009. – № 4. – С. 161-170.
8. Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60 - 70-х годах XIX в. Лекции по спецкурсу. – Горький: Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1974. – 167 с.

9. Полное собрание законов Российской империи - 2. 1864. – Т. 39. – 973с.
10. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. – СПб., 1864. – 18с.
11. Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным всеподданнейших отчетов за 1841, 1851, 1861, 1871, 1881 и 1890-91 годы. Сравнительный обзор // Церковные ведомости. – 1894. – № 39.
12. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х гг.). – М., 1999. – 567 с.
13. Сборник Постановлений Владимирского губернского земского собрания. 1866-1895 гг. Т. IV. Народное образование. – Владимир-на-Клязьме: Типо-Литография губернской земской управы, 1905. – 204 с.
14. Сборник узаконений, относящихся до земских учреждений (по своду законов и продолжением издания 1886 года), с включением решений Правительственного Сената и правительственных разъяснений и с приложениями Городового Положения. Сост. И. Андогский. – СПб.: Тип-я Е. Евдокимова, 1888. – 995 с.
15. Смирнов В.З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1954. – 311 с.
16. Стаферова Е.Л. Образование и религия в 1860-1870-е годы: взгляд из Министерства народного просвещения //Российская история. – 2010. – № 6.
17. Тверские епархиальные ведомости. – 1877. – № 15.
18. Ярославские епархиальные ведомости. – 1876. – № 3.

УДК 254.4/255

Колоухин С.О.

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

**ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА КАК ПОПЕЧИТЕЛИ
МАЛОИМУЩИХ УЧАЩИХСЯ ДУХОВНЫХ ШКОЛ МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX вв.)**

S. Koloukhin

Moscow State Regional Institute of Social and Humanitarian Education

**THE ORTHODOX BROTHERHOODS AS THE TRUSTEES OF THE POOR PUPILS
OF THE THEOLOGICAL SCHOOLS OF THE MOSCOW DIOCESE (THE LAST
THIRD OF XIXth – THE BEGINNING OF THE XXth CENTURIES)**

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления и формы социальной благотворительности, осуществлявшейся православными церковными братствами в отношении нуждающихся воспитанников духовных школ Московской епархии в названный период. Особое внимание уделено устройству и персональному составу братств. Обозначена численность лиц, пользовавшихся материальной поддержкой братств. Отмечены потребности, с которыми, повседневно, сталкивались воспитанники духовных школ из семей беднейшего духовенства.

Ключевые слова: Московская епархия, церковное братство, духовная академия, духовная семинария, духовное училище.

Abstract. The article considers the main trends and forms of social charity, which were carried out by the orthodox brotherhoods in respect of the poor pupils of the religious schools of the Moscow diocese in the period mentioned. Particular attention is paid to the arrangement and the personnel of the brotherhoods. The number of people who used the brotherhoods' material backing is denoted. The everyday needs of the religious schools pupils from the poorest families of the clergy are noted.

Key words: Moscow diocese, church brotherhood, theological academy, theological seminary, religious school.

На рубеже XX–XXI вв. наблюдается заметный всплеск исследовательского интереса к истории духовных учебных заведений Московской епархии. Однако в имеющихся работах вопрос патроната православных церковных братств над неимущими воспитанниками духовных школ не нашел подробного освещения. Только частично эта проблема затронута в дореволюционной историографии. В настоящей статье предпринимается попытка изучения «училищной» благотворительности названных выше православных организаций, что предопределило постановку следующих исследовательских задач: охарактеризовать направления, формы и источники средств патроната церковных братств над нуждающимися учащимися; выявить особенности устройства и персональный состав церковных братств епархии; определить степень успешности братской благотворительности. Источниковедческое обеспечение исследования составили: уставы братств (св. Николая, преп. Сергия, прав. Филарета); статистические сведения о состоянии учебных заведений Московской епархии; материалы церковной периодики – «Московских епархиальных (церковных) ведомостей» за 1869 – 1916 гг.; фонды 1793 (братство св. Николая) и 1794 (братство преп. Сергия) Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ).

Старейшей братской организацией Московской епархии является братство святителя Николая. Его история начинается с учреждения в Москве – 9 мая 1865 г. – комитета помощи

детям бедного духовенства, располагавшего средствами, дарованными известной меценаткой великой княгиней Еленой Павловной [12, с. 5]. Инициатива по открытию комитета принадлежала профессору Московского университета К.П. Победоносцеву (обер-прокурор Св. Синода в 1880-1905 гг.), профессору Московской Духовной академии Н.П. Гилярову-Платонову, протоиерею А. Ключареву (будущему архиепископу Харьковскому Амвросию) и архимандриту Данилова монастыря Иакову [10, с. 111-112]. По задумке основателей, комитет должен был оказывать содействие в получении образования, главным образом, детям малоимущего сельского духовенства. Они, в силу скудности кошелька родителей, даже находясь на казенном коште, испытывали большие трудности, не имея зачастую ни приличной одежды, ни приемлемых для учебы условий проживания.

Однако правовой и общественный потенциал комитета значительно уступал возможностям церковных братств – новых религиозных общественных организаций, разрешенных правительством в 1864 г. Согласно «Основным правилам для учреждения православных церковных братств» от 8 мая 1864 г., братства обладали статусом юридического лица и персональным членством, а их деятельность, в том числе благотворительная, регламентировалась § 1 «Правил». Именно поэтому форма церковного братства для оказания помощи неимущим была сочтена «комитетчиками» предпочтительной. Такое братское общество – первое в Московской епархии – и было образовано в 1865 г. (бюрократические мытарства были преодолены при содействии Елены Павловны). Торжественное открытие братства состоялось 16 октября 1865 г. в Николо-Явленской церкви на Арбате. Братство посвятили святителю Николаю, архиепископу Мир Ликийских – небесному покровителю скончавшегося в апреле 1865 г. цесаревича Николая Александровича [16, с. 11]. Так как наименование общества носило мемориальный характер, то день тезоименитства цесаревича (6 декабря) считался праздником братства – в Николо-

Явленской церкви служилась панихида по цесаревичу и устраивалось собрание членов братства.

Цель братского общества прописывалась в его «Уставе» (§ 2): «попечение о нуждах воспитания беднейших детей духовного сословия, обучающихся в духовных училищах Московской, а буде возможность, то и других епархиях» [12, с. 1]. Как видим, братский патронат устанавливался только над начальными духовными учебными заведениями – училищами, но общество заботилось, в дальнейшем, и об учащих семинарий и студентах духовной академии. Несколько нестандартно выглядело управление обществом: вместо возглавляемого председателем выборного совета им руководили избираемые собранием братчиков *распорядители казны* (2-3 чел.), которые ведали сбором и хранением средств, составлением отчетов (§§ 10-13) [12, с. 8].

Объектом внимания братства были воспитанники духовных учебных заведений Московской епархии. Здесь к 1865 г. действовали 11 духовных школ: Московская духовная академия (МДА) и Спасо-Вифанская духовная семинария в Сергиевском Посаде (заштатном городе Дмитровского уезда), Московская духовная семинария в Москве, а также духовные училища в Москве (Андрониевское, Донское, Заиконоспасское) и Московской губернии (Волоколамское, Звенигородское, Дмитровское, Коломенское, Перервинское). В 1867 г. в этих учреждениях обучалось 2 716 чел. (МДА – 108, семинарии – 855, училища – 1 753). Более половины учащихся – 1803 чел. (66%) составляли жившие на средства родителей своекоштные ученики; среди них преобладали дети сельского духовенства [1 с., 82-83].

По сведениям братской статистики, в 1865–1890 гг. общество материально поддерживало 3770 воспитанников духовных школ епархии. Братской помощью ежегодно пользовалось до 150 чел., на что было израсходовано 128 518 руб. (в среднем, 5 140 руб. в год или 35 руб. на ученика) [2, с. 509]. О том, как происходило распределение стипендиатов по духовным школам, можно проследить по

данным за 1890-1891 учебный год. Пособия братства получали 107 чел., и большинство стипендиатов обучалась в Донском и Заиконоспасском училищах (соответственно – 33 и 30 чел.), меньше всего их было в Дмитровском и Коломенском училищах (9 и 1 чел.)¹. В остальных училищах имелось от 10 до 20 стипендиатов. Распределение стипендий зависело от общего числа учащихся в каждом училище. Естественно, их наличие в многолюдных столичных училищах (Донском и Заиконоспасском) превосходило число стипендиатов в уездных духовных школах. На долю же семинарий (Спасо-Вифанской и Московской) приходилось всего пять чел. Согласно именным спискам, ежегодно училищные стипендиаты получали небольшие пособия в 10-25 руб. Поддержка стипендиатов-семинаристов была более существенной: от 30-110 руб.² Немало учащихся пользовалось ежегодной поддержкой и позднее: в 1905 г. на иждивении братства состоял 191 чел. [7, с. 71]. Именные стипендии тратились на обеспечение учащихся квартирами, питанием, одеждой, учебными принадлежностями (на руки воспитанники получали лишь незначительные суммы)³. Для проживания малоимущих учеников в Москве, братство учредило Ризоположенский приют [7, 71].

Обращение к приходно-расходной структуре братской сметы (бюджету) показывает, что её формировали поступления от членских взносов (минимальный размер – 3 руб. серебром), пожертвования и процентные дивиденды от ценных бумага [12, с. 4]. Доля последних в приходе за 1865-1890 гг. (136 382 руб.) составила 33% или 45775 руб. Оставшаяся часть суммы (67% или 90 607 руб.) слагалась из взносов братчиков, что объясняется многолюдностью братства (в первые годы существования в нем состояло до 560 чел.) [2, с. 510-511; 10, с. 27].

Рассмотрим деятельность другой организации – братства преподобного Сергия Рад-

нежского. Оно открылось 26 сентября 1880 г. в Московской духовной академии по инициативе местной профессорской корпорации (разработкой устава занимался профессор П.И. Горский-Платонов) [15, с. 2]. Общество предназначалось для оказания материальной помощи нуждающимся студентам и, по остаточному принципу, выпускникам академии [14, с. 344].

Отметим социальное разнообразие членов братства. В 1880–1905 гг. в нём состояли: приходские и монастырские настоятели; преподаватели МДА (П.И. Горский-Платонов, И.Н. Корсунский и др.); все московские митрополиты – от Макария (Булгакова) до Владимира (Богоявленского); светские лица, к примеру, купцы Д.И. Кабанов и Г.А. Сарычев. В целом общество было малочисленно (не превышало 80-90 чел.), особенно в сравнении с братством св. Николая⁴.

Собраниям братчиков принадлежали распорядительные полномочия, а избираемый сроком на два года совет общества обладал исполнительными функциями. В совет входили: председатель и его товарищ (заместитель), неперенный член (инспектор академии), казначей, секретарь и трое выборных советников; право участия в заседаниях совета имел и ректор академии (§§ 13–23 «Устава»). Советникам поручалось общественное представительство, назначение пособий, составление отчётов (§ 24) [14, с. 345].

За первые двадцать пять лет существования в кассу братства из различных источников (от трети до половины составляли членские взносы) поступило более 412 тыс. руб., а это означало, что ежегодно в распоряжении общества имелось до 16,5 тыс. руб. Доступные средства, в соответствии с уставными целями, тратились на нужды студентов из малоимущих семей: братство снабжало их единовременными денежными пособиями, учебной литературой и одеждой, принимало на себя плату за питание и квартирный постой, обеспечивало своевременной медицинской помощью, размещая заболевших в больницах. Большая часть расходов приходилась

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 1793. Оп. 1. Д. 15. Л. 83.

² ЦИАМ. Ф. 1793. Оп. 1. Д. 15. Л. 80-82.

³ ЦИАМ. Ф. 1793. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁴ ЦИАМ. Ф. 1794. Оп. 1. Д. 51 Л. 1-5.

на съём квартир и оплату студенческого общежития [15, с. 92].

С учреждением братства св. Сергия студенты Московской академии перестали пользоваться помощью со стороны братства св. Николая. Но окончательно его благотворительная «монополия» исчезает с появлением 24 августа 1886 г. нового братства – святого праведного Филарета при Коломенском духовном училище (КДУ). В дальнейшем наблюдалось стремление епархиальных учебных заведений заполучить собственных попечителей в лице благотворительных братств и обществ.

Учредителями новоявленного братского общества стали: П. Соколов (смотритель училища), учителя Д. Малиновский, Е. Богословский и М. Никольский, священники А. Смирнов и А. Лебедев, архимандрит Ново-Голутвина монастыря Иоанникий. «Устав» братства прав. Филарета был утвержден митрополитом Иоанникием (Рудневым) 17 марта 1886 г. Братство обязалось оплачивать проживание в училищном общежитии нуждающихся учеников и обеспечивать их всем необходимым для учебы (§ 2 «Устава»). Для привлечения необходимых средств предполагалось использовать традиционные для братств меры (§ 14): сбор ежегодных членских взносов и пожертвований, устройство публичных чтений и духовных концертов. Управление братством принадлежало совету из восьми человек (§ 18-21) в составе: почетного председателя, которым являлся викарный епископ, ведавший училищем; председателя, казначея, секретаря и ещё трёх лиц, выбранных собранием сроком на два года; училищного смотрителя – неперменного члена совета по должности. К полномочиям совета было отнесено (§ 22-24): сбор и хранение денежных сумм и архива, обсуждение нужд учеников, составление отчетов, сношение с различными учреждениями и лицами [13, с. 60-62].

Рассмотрим руководство и персональное членство данного братства. Его первым председателем стал упомянутый архимандрит Иоанникий, с 1891 г. эту должность занимал

смотритель училища П.С. Соколов. В разные годы (1888-1907), кроме вышеперечисленных учредителей, в братстве состояли многие работники Коломенского училища [9, с. 121]: учителя – Н.И. Никольский, А.Ф. Сергиевский; врач М.А. Новицкий, помощник смотрителя М. Никольский и др.; представители коломенского и московского духовенства; прочие сочувствующие лица, например, потомственный почетный гражданин А.С. Озеров [5, с. 551]. Братство св. Филарета, хотя и не отличалось многолюдностью, но постоянно возрастало: если на 1890 г. в нем состояло 170 чел. (почетных членов – 17, пожизненных – 3, действительных – 87, членов-сотрудников – 63), то в 1907 г. значилось уже 251 братчиков (почетных – 13, пожизненных – 3, действительных – 30, сотрудников – 205) [8, с. 27].

Обратимся к финансовой стороне деятельности братства. В 1886-1907 гг. в его распоряжение поступило 22137 руб. Из них было израсходовано 11624 руб., таким образом, ежегодно на благотворительные программы в среднем расходовалось до 550 руб. [3, с. 318]. Практически вся эта сумма шла на оплату проживания учащихся в общежитии [16, с. 531]. Общее число стипендиатов братства достигало 80 чел. Так, в 1913 г. 46 ученикам была оказана денежная помощь на 421 руб. 80 коп., а ещё 31 ученику – помощь одеждой на 192 руб. 71 коп. [3, с. 189].

Вероятно, пример шефства Филаретовского братства вдохновил преподавателей другого духовного училища – Звенигородского (далее – ЗДУ) на учреждение братского общества, аналогичного Коломенскому. Подобную идею на праздновании 500-летия Саввино-Сторожевского монастыря в 1898 г. выдвинули несколько училищных учителей во главе со свящ. Н. Поповым (позднее – профессором богословия Московского инженерного института) [11, с. 618].

Присутствовавший на юбилее митрополит Московский Владимир (Богоявленский) высказал проекту звенигородцев полное одобрение. Однако значительно затянулись организационные мероприятия: устав обще-

ства разрабатывался почти два года и был утвержден только 25 октября 1900 г. Официальное открытие «Братства преп. Саввы Звенигородского чудотворца» состоялось 26 сентября 1901 г. Тогда же собрание братчиков избрало состав совета братства (председатель – свящ. Н. Попов, секретарь – учитель Н.Е. Вишняков, казначей – учитель М.С. Скворцов, члены совета – священники С. Голубев, И. Муравьев, В. Троицкий). Вместе с ними, но в разные годы, в совет входили ещё несколько священников: В. Виноградов, С. Державин, Л. Гниловский, И. Любимов. Тем самым состав братского руководства оказался ограничен преподавателями ЗДУ и звенигородским духовенством. В день открытия было собрано пожертвований на сумму 2 172 руб. Первыми жертвователями стали учителя ЗДУ и церковно-приходских школ, городской староста Звенигорода (Е.Е. Мигачев), купцы (Белоусовы, Купцов, Шестопалов), аристократы (князь П.Д. Оболенский, княгиня О.А. Оболенская, князь А.М. Голицын).

«Устав» определил училищную Спасо-Преображенскую церковь в качестве присутственного места общества. Его покровителем объявлялся митрополит московский, а почетным председателем – один из викарных епископов Московской епархии. Братство преп. Саввы взяло на себя расходы по содержанию воспитанников из малоимущих семей (квартиры, питание, снабжение учебными принадлежностями, одеждой и обувью) [б, с. 481-483].

Итак, в последней трети XIX – начале XX вв. попечение православных братств распространялось на все мужские (начальные, средние и высшие) духовно-учебные заведения Московской епархии. Из братских организаций Московской епархии занимались «училищной» благотворительностью только четыре: московское – святителя Николая, звенигородское – Саввинское, сергиевско-посадское – преп. Сергия Радонежского, коломенское – Филарета Милостивого. Показательно, что братские общества учреждались, преимущественно, преподавателями духовных школ, которые, сами не отличаясь

материальным благополучием, оказывали посильную поддержку учащимся. Большую группу братчиков составляли имевшие достаток священно- и церковнослужители, ранее окончившие эти учебные заведения. Сторонние лица (купечество, дворянство, чиновничество) составляли меньшинство и в работе братств практически не участвовали. Самое крупное общество – братство свт. Николая – первоначально шефствовало над всеми училищами, семинариями и академией. Однако со временем некоторые учебные заведения обзавелись собственными братствами-патронами: преп. Сергия (МДА), прав. Филарета (КДУ), преп. Саввы (ЗДУ).

Помощь учащимся, оказавшимся в тяжелых жизненных ситуациях, была хорошо поставлена и осуществлялась по двум направлениям. В рамках первого студентам предоставлялась адресная денежная и вещественная помощь. Второе предусматривало обеспечение их жильём на время обучения и бесплатной медицинской помощью.

На благотворительные программы выделялись значительные суммы, получаемые братствами из ряда источников – ежегодных членских взносов, разовых пожертвований, благотворительных мероприятий (концертов, религиозных чтений и собраний), процентов от банковских капиталов и ценных бумаг.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что братская благотворительность значительно облегчила существование большого числа учащихся из малоимущих семей духовного сословия, что позволило им завершить обучение в духовно-учебных заведениях Московской епархии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ведомость об учащихся в духовно-учебных заведениях за 1867 г. // Извлечение из отчета оберпрокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1867 г. – СПб.: Синод. тип., 1868. – С. 82-83.
2. Двадцатипятилетние братства св. Николая // Московские церковные ведомости. – М., 1890. – № 42. – С. 508-509.
3. Извлечение из отчета братства св. Филарета

- Милостивого для всоможествования нуждающимся воспитанникам Коломенского духовного училища // Московские церковные ведомости. – М., № 44. – С. 318.
4. Извлечение из отчета братства св. Филарета Милостивого при КДУ за 1913 г. // Московские церковные ведомости. – М., 1915. – № 16. – С. 189.
 5. Открытие братства // Московские церковные ведомости. – М., 1886. – № 37. – С. 551.
 6. Открытие братства преп. Саввы Сторожевского // Московские церковные ведомости. – М., 1901. – № 40. – С. 481-483.
 7. От совета братства св. Николая // Московские церковные ведомости. – М., 1905. № 6. – С. 71.
 8. Отчёт братства прав. Филарета Милостивого при Коломенском духовном училище // Московские церковные ведомости. – М., 1891. – № 13. – С. 27.
 9. Отчёт братства прав. Филарета Милостивого при КДУ за 1890-1891 г. // Московские церковные ведомости. – М., 1892. – № 23. – С. 121.
 10. Паков А.А. Церковные братства. Крат. стат. очерк о положении церковных братств к началу 1893 г. – СПб.: Синод. тип., 1893. – 146 с.
 11. Пятнадцатая годовщина братства преп. Саввы при Звенигородского духовного училища // Московские церковные ведомости. – М., 1916. – № 40-41. – С. 618.
 12. Устав братства святителя Николая. – М.: Б. и., 1865. – 8 с.
 13. Устав братства преп. Сергия // Московские церковные ведомости. – М., 1880. № 28. – С. 344.
 14. Устав братства прав. Филарета Милостивого при КДУ // Московские церковные ведомости. – М., 1886. № 15. – С. 60-62.
 15. Цветков П. Братство преп. Сергия в первое 25-летие (1880-1895) // Богословский вестник. Сергиевский Посад: Изд-во ТСЛ, 1905. – № 7-8. – Т.2. – С. 2-97.
 16. Четвёртая годовщина братства св. Филарета // Московские церковные ведомости. М., 1890. № 49. С. 531.

УДК 1.30.2 (470.621)

Раздольский С.А.

*Институт социально-экономических и гуманитарных исследований.
Южный научный центр РАН (г.Ростов-на-Дону)*

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АДЫГСКОЙ КУЛЬТУРЕ. КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.

S. Razdolsky

*Institute of Social, Economic and
Humanitarian Research of SSC RAS, Rostov-on-Don*

MODERNIZATION PROCESSES IN THE ADYGHE CULTURE. END OF XIX – BEGINNING OF XX

Аннотация. В статье рассматривается процесс модернизации адыгской культуры в конце XIX – начале XX вв. Современный тип культуры в отличие от традиционной находится в постоянном процессе изменений. Изменяющаяся культурная действительность обуславливает новые параметры жизненного пути нового поколения. Воспитание и обучение принимает институализированные формы. Показано, как в результате развития адыгская культура модернизируется, приобретает новый статус. Отмечается взаимное влияние как материальной, так и духовной культуры.

Ключевые слова: идентичность, модернизация, модель жизнедеятельности, ядро культуры, институты культуры.

Abstract. The article deals with the process of modernization of the Adyghe culture at the end of the 19th - the beginning of the 20th centuries. The modern type of culture unlike the traditional one is in a continuous process of changes. The changing cultural reality causes new parameters of the new generation's life. Education and training are becoming institutionalized. The author shows the way the Adyghe culture is being modernized and is acquiring a new status in the result of cultural development. The author notes the interrelation of both the material culture and the spiritual one.

Key words: Identity, modernization, life activity model, culture core, culture institutions.

Россия нуждается в модернизации, но готово ли российское общество воспринять ее? Этот вопрос активно обсуждается в последние годы. По мнению Ясина Е.Г., «Речь идет о модернизации не просто экономики в узком смысле слова, но и всего общества» [6].

Чтобы понять и оценить культурную модернизацию России и ее регионов, необходимо иметь представление о трансформирующемся обществе. При оценке возможных последствий современных социокультурных процессов в традиционном обществе важно понимание функционирования исторически сложившейся культурной среды и её особенностей. На восполнение этого пробела, а также на выявление особенностей культуры горцев Северного Кавказа нацелено внимание многих учёных-кавказоведов. Исторические, политические, социальные, культурные условия Северного Кавказа на протяжении длительного времени претерпели большие изменения. Тем не менее, эта территория и населяющие её народы сохраняют свою идентичность и составляют некую устойчивую систему.

Проблемы этнической культуры анализируются преимущественно в этнологии, социологии, социальной философии и других смежных науках, в рамках которых осуществляются отдельные философские обобщения. Философское осмысление переводит изучение этносов с описательного уровня на более глубокий – объяснительный, способствует раскрытию

© Раздольский С.А., 2012.

Статья выполнена в рамках программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

сущностных характеристик этносов и этнических отношений. В то же время целостная социально-философская концепция подхода к изучению адыгской культуры отсутствует, имеющийся материал по этому вопросу требует современной интерпретации, содержащей новые гипотезы и нетрадиционные подходы.

В настоящее время в исследованиях по модернизации преобладает ее теоретическая сторона – стремление сформулировать некоторую гипотезу или спектр гипотез, объясняющих общественное развитие за истекшие два столетия с отчетливым прицелом на выявление структурных параметров «отклонения» от задуманного отцами Просвещения проекта и вместе с тем попытка прогнозирования будущего. Тем не менее эмпирические, с одной стороны, и методологические, с другой, проблемы заставляют теоретиков вносить все новые изменения и создавать все новые аспекты названной теории. С другой стороны, в рамках самой теории все более нарастает потребность в обращении к новым эмпирическим данным и к новым методологическим ориентациям.

«Первые версии теории модернизации – отмечают современные ученые, – отличались упрощенностью. Как справедливо указывал Карл Маркс, социально-экономическое развитие оказывает мощное воздействие на стремления и поступки людей, но, как не менее справедливо указывал Макс Вебер, преобладающие в обществе убеждения и мотивации определяют его культурным наследием. Более того, социокультурные изменения носят нелинейный характер. Процесс индустриализации несет с собой рационализацию, секуляризацию и бюрократизацию, но возникновение «общества знаний» оборачивается изменениями иного порядка, идущими в новом направлении, – повышается роль личной независимости (individual autonomy), самовыражения и свободы выбора. Утверждение ценностей самовыражения (self-expression values) преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое обще-

ство нового типа – в центре его находится человек.

Модернизация превращается в процесс человеческого развития, в рамках которого социально-экономический прогресс ведет к изменениям в культурной сфере, усиливающим вероятность утверждения личной независимости, гендерного равенства и демократии, формируя общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям» [4, с. 10-11.].

Каждый тип определения культуры выделяет свою грань в изучении, подчас становящуюся исходной установкой для той или иной культурологической теории. Исходя из позиции Ростовской научной школы, «культура понимается как способ деятельности, содержащий в себе целостность всех своих моментов» [3, с. 30-31].

Если рассмотреть культуру как модель жизнедеятельности, программу, которая существует в этой культуре, которая определяет поведение людей, мышление человека, взаимодействие с другими людьми, с природой, то она может выступать как код человеческой жизнедеятельности и определяет модель этой жизнедеятельности. Тогда в этом коде есть ядро, которое благодаря своей устойчивости может сохраняться в течение длительного времени. Код культуры – это мир смысла, это те значащие формы, которые организуют связь человека с миром идей, образов и ценностей данной культуры. Поэтому культуры могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода – более простого и всеобъемлющего.

Изучая адыгскую культуру в рамках системного, аксиологического, деятельностного, цивилизационного подходов, ученые отвечают на многие актуальные вопросы адыгведения. Ученые рассматривают адыгскую культуру как целостность, имеющую свою структуру и интегрирующую «ось».

О.Н. Домения в статье «Переоткрытие культуры» пишет: «Духовный потенциал кавказской культуры тратился, главным образом, на освоение исторического времени через повторяемость прошлого в социальное

настоящее и будущее. Главное в историческом времени для горца – это прошлое, которое есть эталон социального совершенства, олицетворение идеального мироустройства. И люди, которые являлись носителями этого прошлого, всегда воспринимались в патетических чувствах: они идеальны, совершенны, мудры, высоконравственны, храбры и т. д. Здесь каждое новое поколение гордится своими предками и всегда отзывается о них в возвышенных чувствах и представлениях.

Потому на Кавказе, как и на Востоке, отношение к историческому прошлому свято, сакрально, благоговейно; историческое прошлое есть тот образец, которому должно соответствовать социальное будущее» [2, с. 121-122].

Конечно, основы культуры передаются из поколения в поколение. Однако основополагающие ценности отражают не только то, что людям внушили старшие, но и их собственный опыт.

В отличие от традиционной, современный тип культуры находится в постоянном процессе изменений. Изменяющаяся культурная действительность обуславливает новые параметры жизненного пути нового поколения. Воспитание и обучение принимает институализированные формы, и, как следствие, снижается роль старшего поколения. Конфликт поколений начинает выражаться в явной форме. Появляются проблемы дисгармонии с природой, они выступают в форме экологического кризиса. Начинается отчуждение человека от человека. В результате происходит нарушение общения, начинается изменение средств коммуникации. Всё это признаки современной культуры.

Каждая культура имеет уникальную конфигурацию периферии ядра. Переведя идею «центральной зоны» культуры из социального измерения в культурологическое, мы получаем идею «ядра» культуры или «оси» культуры, вокруг которой «вращаются» иные институты, компоненты, элементы. Они-то и подвергаются изменениям в зависимости от влияющих на них политических, экономических, культурно-исторических факторов. Однако именно «ось» культуры задаёт вектор

этих изменений. Эти представления находят своё подтверждение при культурно-историческом анализе многих культур и феноменов.

Если принять адыгство как центральную зону, как ядро культуры, то следует рассмотреть его окружение и как важнейший элемент модернизации его институтов.

К традиционным институтам культуры адыгов мы относим наездничество, аталычество, нормы обычного права (адат), куначество, гостеприимство, патронат.

К современным институтам мы относим государственные, образовательные, экономические, религиозные, семейные.

Конец XIX – начало XX в. характеризуется в истории народов Северного Кавказа, с точки зрения культурного развития, настоящим бумом в открытии учебных заведений: различного рода курсов, школ и т. п. Дело в том, что царское правительство, завоёвывая Северный Кавказ, больше пыталось захватить территорию, чем оказывать посильную помощь в развитии экономики и культуры. Но ход исторического процесса невозможно было остановить, и правительство вынуждено было открывать учебные заведения и другие культурно-просветительские центры. Следует отметить, что и сама Россия во многом отставала от европейских стран в развитии культуры и образования.

Учебные заведения открылись в этот период в Кубанской области, где обучались представители горской молодежи. В конце XIX – начале XX в. создаётся материально-техническая и иная база для их открытия. Открываются различного рода культурно-просветительские, научные и иные учреждения. Создаются музеи, типографии, издательства. Кроме этого, начали издаваться различные газеты, журналы.

Одним из поворотных периодов в истории народов России и Северного Кавказа является новая эпоха, которая начиналась в результате Октябрьских событий 1917 г.

В кавказоведении по сей день неоднозначно оценивается власть большевиков. Следует отметить, что большевики смогли привлечь на свою сторону миллионы людей, особенно

из бывших национальных окраин России, и установить своё правление благодаря тому, что из того, что они обещали, им удалось многое решить. В частности в том, что касалось национального вопроса, особенно в области культурного строительства. Справедливости ради надо сказать, что были достигнуты серьёзные успехи, в том числе и на местах, прежде всего в народном образовании. Вопросы школьного развития регулярно обсуждались на всех уровнях государственной власти и форумах партии.

В одной Адыгее, где к концу XIX в. почти не было светских школ, уже в 1922/23 учебном году функционировали 41 адыгейская и 38 русских школ. В 1925 г. был открыт Адыгейский педагогический техникум, где начали обучаться адыгские учащиеся. Широкая сеть учебных заведений была открыта и в других адыгских административно-территориальных образованиях, созданных в результате национально-государственного строительства.

В связи с этим нельзя не привести весьма характерное высказывание из статьи Н.К. Крупской «Культурная революция» об успехах ликвидации неграмотности в Адыгее (1931 г.): «Трудности работы среди нацменов были очень велики: тяжелейшие условия жизни, старый быт, вековое порабощение женщин – всё это создавало очень большие трудности для ликвидации безграмотности. Надо было создавать передвижные формы работы – красные юрты и кибитки, вести большую агитационную работу. Достижения очень велики, особенно там, где развертываются индустриализация и коллективизация. Особенно показательна Адыгея. До революции там училась только дворянская верхушка, черкесская знать. Грамотных было всего 3%. В 1930 г. Адыгея стала сплошь колхозной, это дало громадный толчок развитию всей культурной жизни. По аулам развёрнута была в 1930 г. густая сеть ликпунктов. За букварь засели и стар и млад, особенно усердно взялись за учебу черкешенки. К ленинским дням 1931 г. Адыгея стала страной сплошной грамотности» [5, с. 475.].

В этот период в институтах периферии культуры происходят резкие изменения. Трансформируются институт шариата и аталычества. В связи с потребностями культуры появляются профессиональные институты просвещения.

Следует отметить важнейший факт в модернизации культуры адыгов, как создание национальной литературной письменности. Дело в том, что до XX в. более чем у 40 народов России, в том числе и у адыгов (черкесов), не было своей письменности. На профессиональной основе она была создана лишь в 20-е гг. XX в., что сыграло огромную роль в деле становления и развития и модернизации «высокой», профессиональной культуры народа. Это было большим шагом в развитии народного образования, культуры в целом. В это время возникает модель «советского интернационализма».

Но начиная с 1930-х гг., сталинская политика становится отходом от идей интернационализма. Это была типичная имперская политика иерархического выстраивания отношений со старшими и младшими братьями, с разными уровнями возможностей. Но, несмотря на это, надо признать, что при всей противоречивости в оценках деятельности большевиков, за годы своего правления они не только решили многие проблемы развития каждого этноса, но и дали возможность каждому из них осознать себя народом. Каждый этнос стал чувствовать себя народом, а не «националом». И это было одним из величайших завоеваний той политики.

Именно в начале XX в., благодаря проводимой политике по национальному вопросу, особенно по культурному строительству, каждый этнос «открыл глаза» и на свою национальную феноменологию и получил возможность изучать родной язык, свой эпос и получать профессиональные знания. С этим явлением нельзя не считаться. В 20-30-е гг. XX в. открываются не только учебные заведения и учреждения, но каждый этнос, в том числе адыги (черкесы), получает реальную возможность организации различных профессиональных творческих союзов и коллективов всех направлений культуры.

В Адыгее центром просвещения становится город Майкоп. Жители города и приезжающие сюда адыги могли познакомиться с его культурной жизнью. Благодаря таким посещениям черкесы обогащали свою культуру: приезжая в аул, они рассказывали о профессиональной культуре, увиденной в центре.

В городе была разработана программа культурно-просветительских мероприятий, включавшая следующие моменты: «1) устройство школ для взрослых разного типа и лекции общеобразовательного характера; 2) устройство библиотек, читален; 3) устройство курсов для рабочих; 4) организацию литературных, музыкальных, вокальных и иных исполнений - утренников, вечеров, 5) учреждение народной консерватории и народного театра; 6) устройство картинных выставок»¹.

XX в. в истории культуры многих в прошлом бесписьменных народов, в том числе адыгов (черкесов), характеризуется своего рода периодом распада синкретического сознания и образованием целой системы форм общественного сознания, которая сложилась через профессиональную, «высокую» культуру. Однако, несмотря на огромные усилия большевистской партии в создании «высокой», профессиональной культуры народов, именно в этой сфере были заложены основы неравноправного развития народов, которые обнаружались впоследствии.

Национальность каждого народа проявляется именно в культурном творчестве. Культура и образованность – не одно и то же, ибо культурное творчество первично по отношению к образованию. И поэтому не случайно вскоре после Октябрьской революции большевики боролись против национальной культуры и её автономии. Выступая против национальной культуры, большевики пропагандировали космополитизм, что в конечном итоге привело к утрате каждым народом своего национального лица, своей неповторимости в образе жизни и образе мышления. Более того, они не только объявили войну национальной культуре каждого народа и её

носителям, но практика строительства «светлого будущего» показала, что носители этой культуры фактически были изгнаны со своей родины или уничтожены физически. Не случайно в современных условиях все народы бывшего Советского Союза ринулись на возрождение своей национальной культуры, традиций и обычаев, которые всегда служили для каждого народа одним из важнейших механизмов воспитания подрастающего поколения и регулирования поведения граждан и их взаимоотношений.

В культурном строительстве отразились и остальные негативные явления, которые имели место в других сферах жизни общества. Помимо физического уничтожения многих деятелей культуры, науки и духовенства, были разрушены памятники материальной культуры под видом борьбы против религии. Но самое страшное то, что в годы культурного строительства происходит унификация методов мышления, живое, многоцветное мышление сводится к абстрактному единству.

Утверждается единая норма поведения не только в образе жизни, но и в образе мышления. Нарождающаяся молодая литература, музыка, искусство и вся остальная профессиональная культура должна была быть единой, вернее, единственной – социалистической по своему содержанию. Всякая альтернатива в культуре, как и в экономике, политике, исключалась. Тем не менее, при всей противоречивости и значительных недостатках в культурном строительстве одним из главных его достижений является то, что за годы большевистского режима была создана огромная армия национальной интеллигенции.

Имена таких замечательных мастеров художественного слова, как А. Шогенцуков, А. Кешоков, Т. Керашев, И. Машбаш и многих адыгских (черкесских) деятелей литературы вошли в историю мировой культуры. В Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии – в регионах компактного проживания адыгов (черкесов) на своей исторической родине – функционируют крупные научные и учебные заведения. В них соз-

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. р. – 5. Оп. 1. Д. 76. Л. 37.

даны научные школы, в которых трудятся адыгские учёные, многие из которых – с мировым именем.

Адыгская культура как часть северокавказского социокультурного пространства в 90-е гг. XX столетия изменилась. На современном этапе развития мы являемся свидетелями того, что вместо взаимодействия происходит активное воздействие на социокультурное пространство. В результате этнокультурные ценности претерпевают глубокую трансформацию. Это актуализирует вопрос о будущем, и возникает необходимость сохранения межкультурного диалога и поиска нового соотношения традиции и инновации в адыгской культуре.

В наши дни в Адыгее всё большее внимание привлекает проблема возрождения национальной культуры. Постановка этого вопроса имеет достаточно оснований. В этом есть своя внутренняя логика – в переломные 90-е гг. прошлого века на первый план выдвинулась культурно-историческая тема. Но в отличие от начала XX в., сегодня в адыгской культуре ощущается бедность идей, отсутствие серьёзной «проработки» позиций, понятий. По нашему мнению, это следствие недалёковидной экономической и культурной политики бюрократического аппарата Республики.

На волне выхода из состава Краснодарского края и оформления республиканского статуса политики не увидели или не захотели увидеть иного пути культурного развития, кроме как возвращения «вглубь», «к истокам». При этом не учитывались опасности обращения к архаическим формам культурного самосознания и искусственной реанимации отмершего в культуре. Многие политики не поняли, что упоение собственной специфичностью непродуктивно.

Естественно, что в этих условиях возникает потребность в осмыслении общих подходов в вопросе культуры. По-видимому, необходимо обратиться к содержательной, предметной стороне понятия «возрождение культуры». В современном толковании «возродить» значит «восстановить, сделать вновь

деятельным, живым». Речь может идти не о простом восстановлении имевшихся в прошлом явлений, а о возрождении таких культурных проявлений, которые способны реанимироваться, стать деятельными, живыми, а не музейными.

Такой подход выдвигает больше вопросов, чем ответов. Прежде всего, каков критерий «отбора» культурных явлений, способных не только возродиться, но и функционировать в наше время, в новом глобальном пространстве (изменение образа жизни, психологии, менталитета, расширение коммуникативных и информационных связей и многое другое). Речь идёт о возрождении культуры как живого, развивающегося явления, а не экзотических, фольклорных пластов адыгской культуры.

Возрождение культуры в условиях полиэтнического региона, каким является Северный Кавказ, для республики Адыгея является архиважным. Отыскать категорию этнологически значимого «целого» – вот важнейшая проблема становления адыгской культуры в новейшей истории. Этим целым, на наш взгляд, является не отдельный народ с его культурой, а «совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие, и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства» [1, с. 62].

Именно мозаика культур различных этносов складывается в такие понятия, как культура адыгов, культура народов Северного Кавказа, культура России, общечеловеческая культура. При этом речь идет не о фрагментах культурной жизни отдельных народов: русских, казаков, горцев, а об особом типе культурной общности, проявлении единства, связи, преемственности культурной истории. Выяснение этих и других не менее важных вопросов может не только достаточно кардинально изменить взгляд на проблему возрождения адыгской культуры, но и придать большую устойчивость полиэтническому северокавказскому обществу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М.: Экопрос, 1993. – 575 с.
2. Домениа Н.О. Переоткрытие культуры // Очерки кавказской культуры. – Майкоп, 2001. – С. 121-122.
3. Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры / Ю.А. Жданов. Сущность культуры / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович; отв. ред., [авт. предисл.] Ю. Г. Волков ; Рост. гос. ун-т, Ин-т по переподгот. и повышению квалификации преподавателей гуманитар. и соц. наук. - 2-е изд., перераб. – Ростов-на-Дону : Наука-пресс, 2005. – 432 с.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
5. Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 9. М., 1960. – 475 с.
6. Ясин Е.Г. Модернизация и общество [Электронный ресурс] // Модернизация и общество: [сайт]. [2007]. URL: <http://www.liberal.ru/articles/483> (дата обращения: 10.05.2012).

УДК 94/99.2

Зевелева Е.А., Третьякова Н.М., Шерстянников Н.А.

Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе

**ЧЕРНОСОТЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

E. Zeveleva, N. Tretyakova, N. Sherstyannikov

*The Russian state prospecting university
of Sergo Ordzhonikidze (MGRI-RGGRU, named after Sergo Ordzhonikidze)*

**THE BLACK-HUNDRED ORGANIZATIONS
OF THE RUSSIAN EMPIRE: HISTORY AND THE PRESENT**

Аннотация. Публикация посвящена проблеме, имеющей значение для современной России. В начале XX в. противоборство общества и власти, политических партий и союзов приняло конфронтационный характер. Авторы изложили проблемы деятельности крайне правого спектра политических сил, получивших обобщенное название «черная сотня». Дана характеристика политической жизни монархистов-черносотенцев в начале прошлого века. Введенный авторами материал, выводы и обобщения могут быть использованы для дальнейшей разработки истории политических партий и движений.

Ключевые слова: черносотенцы, партия, многопартийность, монархизм, революционеры справа.

Abstract. The publication is devoted to the problem which is acute for modern Russia. At the beginning of the XXth century the contention among the society and the power, the political parties and the unions accepted confrontational character. The authors state the problems of the activity of the extremely right political forces, which received the generalized name «The Black-Hundred» («chernaya sotnya»). The article gives characteristics of the political life of monarchists-the Black-Hundred at the beginning of the previous century. The authors' material, their conclusions and generalizations can be used for the further development of the history of political parties and movements.

Key words: the Black-Hundred, party, multi-party system, monarchism, revolutionaries on the right.

Осмысление российского исторического прошлого, уроков истории – не установление абсолютной истины. Извлечение исторических уроков в определенной степени условно, зависит от информации и порождает представления, соответствующие духу современности. Исторические аналогии наводят на размышления, позволяют глубже осознать связь времен,

оценить происходящие сейчас в России политические события. Публикация посвящена проблеме, имеющей научное, политическое и практическое значение, особенно в связи с тем, что в России с конца 1980-х гг. прекратила существование коммунистическая партийная монополия, появилось множество политических сил, партий и движений, идейно уходящими к началу прошлого века. История политических партий и движений России доказывает все больше свой статус как важнейшая составляющая истории России. Специфика современной российской многопартийности является результатом российского исторического процесса и эволюции отечественной политики. Сложный и драматический процесс возникновения, ожесточенного соперничества, распада и гибели российских политических партий заслуживает пристального внимания и изучения. История партий в начале XX в. – это предостережение прошлого настоящему и будущему России, урок для современных политиков.

Появление Манифеста 17 октября 1905 г. под воздействием мощного давления «снизу», отличалось от процесса «насаждения» политического плюрализма во второй половине 1980-х годов. Последний был отчасти добровольным и сознательным шагом в рамках общего, но довольно расплывчатого замысла политической модернизации в СССР. Однако процесс партийного строительства в России был лишен глубины естественного социального зарождения. Учитывая дискуссионный характер темы, опираясь на труды предшественников, мы стремились в научно-критическом плане дать свою оценку причин, целей, сущности черносотенного политического движения. История черносотенства рассмотрена авторами с точки зрения реалий начала XX в. с проекцией на ситуацию современной российской социально-политической жизни. Политические партии представляли собой пересечение общественно-политических, социальных и других взаимодействий. Наряду с этим, каждая из них имела свою концепцию развития России, собственный путь реализации провозглашенных целей. Интересы пар-

тий то совпадали, то расходились, что влияло на формирование их направлений: радикального, либерально-демократического, умеренно-консервативного и черносотенно-монархического.

К началу XX века в своем развитии царская Россия прошла те же этапы, что и страны Запада, но в ней отчетливо проявлялись черты традиционных общественных отношений. Особую роль в стране играло государство, которое пронизывало все структуры общества и активно вмешивалось в сферы его деятельности. Права, собственность социальных слоев и групп целиком определяла центральная власть. В России до предела обострилось противоречие между потребностями ускоренной модернизации страны и невозможностью реализовать ее задачи в условиях сохранения многочисленных остатков традиционного общества. Это обстоятельство проявлялась во всех сферах жизни страны. В политической области наиболее острым было противоречие между потребностями демократизации общества и монархической формой правления. Обострение этих и ряда других противоречий привело Россию в начале XX в. на грань общенационального кризиса. Кризис «низов» проявился в росте стачечного движения, оживления крестьянских выступлений, повышения оппозиционных настроений и действий интеллигенции, студенчества. Нежелание самодержавия идти на сколько-нибудь значительные уступки народу, запаздывание в проведении назревших преобразований в условиях роста социальной напряженности вели к актуализации в общественном сознании представлений о насилии, как естественном средстве борьбы с произволом властей и движения к свободе. В этих условиях в России функционировали политические партии и движения.

В спектре российских социальных отношений на рубеже XIX – начала XX в. особое место принадлежит интеллигенции. Весьма существенным являлось то обстоятельство, что формирование политических партий и союзов шло под влиянием не «снизу», а напротив, представителей интеллигенции, ко-

торые поделили сферы представительства практически всех слоев российского общества. Поэтому состав как руководящего ядра партий, так и актива рядовых членов был, по существу, интеллигентским. Монархическое направление спектра крайне правых политических сил было консолидировано правящей бюрократией и такой общественной силой, как Совет объединенного дворянства, а также черносотенными партиями – Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, Русский монархический союз.

В средневековой Руси “черной сотней”, называлось податное посадское население. Черные сотни Козьмы Минина выступили в Смутное время начала XVII века за веру и Отечество против попрания свободы русской земли. Название “черная сотня” никакого негативного оттенка тогда не имело. Он появился в начале XX в., когда “черной сотней” стали называть ревнителей самодержавных устоев, участников патриотических манифестаций и погромов. Затем под черносотенцами стали подразумевать определенные партии, например, Союз русского народа. Черносотенцы не отказывались от названия, которое дали им либеральные и революционные круги. Они заявляли, что носят это название с гордостью, ибо “черная сотня” – это простой рабочий народ. Вместе с тем, крайне правые предпочитали именовать себя “истинно русскими”, “патриотами”, “монархистами” [4].

За черносотенцами закрепилось еще одно название – “революционеры справа” – их так называли политические единомышленники из высших правительственных сфер, а также представители администрации и консервативная пресса. В то же время радикальные организации определяли деятельность черносотенцев как контрреволюционную, называя их “революционерами наоборот” [3]. Характер развития черносотенного движения во многом определялся социальным составом последнего. В рядах движения состояла значительная часть духовенства, помещики, представители буржуазии, чиновничество, полицейские чины, рабочие, часть крестьянства.

Идеологической базой черносотенцев была консервативная идея незыблемости самодержавной власти на основе формулы С.С. Уварова “православие, самодержавие, народность”. Идеи черносотенцев активно пропагандировались в их “партийных” изданиях: газете “Русское Знамя”, “Земщина”, “Вече”. Кроме того, такие консервативные издания, как “Московские ведомости”, “Киевлянин”, “Гражданин”, “Свет” также активно поддерживали и развивали монархические идеи. Используя ряд постулатов славянофилов, черносотенцы утверждали, что были бы живы И.О. Аксаков и А.С. Хомяков, то непременно вступили бы в их ряды. Главное, что взяли крайне правые из славянофильского учения – это противопоставление России и Запада, под которым подразумевалась католическая и протестантская цивилизации [2].

По мнению крайне правых, одной из опасностей, нагрянувших на русские земли с Запада, являлась, по их мнению, увлечение социализмом. Они считали социалистическую доктрину (не отделяя проектов утопистов от марксизма) антихристианским учением. Черносотенцы отвергали условия, которые марксисты считали обязательными для создания нового общества – экспроприацию капитала и установление диктатуры пролетариата. Они считали, что деятельность социалистов расходится с их декларациями. Протопресвитер Е.П. Аквилонov, в связи с этим отмечал: «Еще нет и не было на свете такого деспотического тирана, который требовал бы себе настолько слепого, унижительного и бессмысленного послушания, которое принуждены оказывать «товарищи» – пролетарии своим властолюбивым вождям. На социал-демократическом знамени начертана «свобода», а под ним дрожит замирающая от страха неволя» [1].

В противовесе демократическим институтам черносотенцы выдвигали принцип абсолютной единоличной власти. Они считали, что такая власть наилучшим образом приспособлена к российским условиям. Политические программы монархистов зачас-

тую заменялись на их съездах краткими и понятными для простого народа лозунгами: «За веру, царя и отечество!», «Долой революцию!». Черносотенцами была разработана довольно своеобразная программа по национальному вопросу. Принцип народности они рассматривали в русле решения национального вопроса, придавая ему форму великодержавного шовинизма. Само по себе появление черной сотни являлось закономерным следствием национальных противоречий в Российской империи, которую населяло более сотни народов и народностей. Положение русского народа, от имени которого говорили крайне правые, было двойственным. С одной стороны, русский язык являлся государственным, православие было официальной религией. На национальных окраинах проводилась русификаторская политика, национальные культуры часто не имели благоприятных условий для своего развития. С другой стороны, подавляющее большинство русских не имели выгод от великодержавной политики царского правительства. Уровень жизни населения центральных районов России был зачастую ниже, чем на окраинах. Это позволяло крайне правым говорить о бедственном положении коренных жителей империи, теснимых инородцами и иноверцами.

Черносотенцам была чужда идея всеславянской общности – краеугольный камень славянофильства и панславизма. Даже в границах империи они не помышляли о славянском единстве. Поляки, как тяготевшие к Западу католики, воспринимались правыми, как тайные враги России. Вместе с тем, черносотенцы исходили из представления о полной тождественности русских, украинцев и белорусов. Здесь они следовали официальной идеологии, которая отказывалась видеть в украинцах и белорусах самостоятельные народы и считала их языки простонародными жаргонами. Крайне правые разделили территорию страны на коренные русские области и национальные окраины. По их мнению, в число коренных областей входила часть территории Литвы, Польши, Казахстана. Монархисты предлагали предоставить русским

преимущественное право на приобретение и аренду казенных земель, заселения свободных территорий. Привилегии для русского народа они распространяли на всю империю. В “коренных областях” преимущественные права русского населения они превращали в исключительные – требовали продавать и сдавать в аренду частные земли только русским людям.

По отношению к другим народам черносотенцы руководствовались “выборочным подходом”. Все нации были разделены на нации дружественные и враждебные. Дружественное население могло рассчитывать на неприкосновенность веры, языка, быта и общественного строя. Было провозглашено, что все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в России и живущие всегда среди русского народа, признавались равными себе, своим друзьями и сородичами. Черносотенно-монархические партии выступали против смягчения законодательства относительно еврейского населения империи, ратовали за жесткое соблюдение дискриминационных законов, ограничивающих его гражданские, политические и имущественные права.

Боевые дружины Союза русского народа и других черносотенно-монархических организаций играли подсобную роль в борьбе с революционным движением. В большинстве случаев они оказывали содействие карательному аппарату самодержавия. Режим черносотенного террора устанавливался лишь в тех случаях, когда это допускала местная администрация. Что же касается индивидуального террора, то он принес черносотенцам больше вреда, чем пользы. Однако они были готовы на террористическую деятельность, считая, что для победы над революцией годятся любые средства. Наиболее шумевшими преступлениями черносотенцев были убийства М.Я. Герценштейна, Г.Б. Иоллоса и покушение на С.Ю. Витте. Крайне правые были убежденными противниками революции. В круг революционеров они часто включали политических деятелей либерального, и умеренно-охранительного толка. Черно-

сотенцы откровенно презирали кадетскую интеллигенцию и называли кадетов партией политических мошенников, добивавшихся установления в России республиканской формы правления.

Итак, история черносотенных организаций Российской империи начала XX в. весьма многогранна для анализа в рамках нашей небольшой публикации и требует дальнейшего исследования. В среде крайне правых имели место различные взгляды на проблемы политической жизни страны, они не миновали расколов, размежеваний, дроблений. Аналогичное явление можно наблюдать и в современном российском черносотенно-монархическом движении. Так, в 2005 г. по инициативе скульптора В.М. Клыкова был восстановлен Союз русского народа, избран его Главный совет, в состав которого вошли: К.Ю. Душенов, Л.Г. Ивашов, Н.М. Кузнецов, М.Н. Любомудров, Б.Н. Миронов, А.В. Михайлов, М.В. Назаров и другие. Новые «союзники» стали издавать журнал «Православный набат», который был объявлен «Печатным изда-

нием Всероссийского православного патриотического движения Черная сотня». Однако в результате разногласий в руководстве новоиспеченный Союз русского народа распался на несколько группировок. Игнорирование уроков истории создает условия для реванша идей черносотенцев, попытки реализации которых, могут представлять опасность для целостности России. Прошлое присутствует в настоящем и призвано научить современное российское общество и политиков видеть возможные опасные последствия необдуманных политических посылов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аквилонев Е.П. Христианство и социал-демократия в отношении к современным событиям. – СПб., 1906. – 29 с.
2. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. – М., 2001. – 472 с.
3. Политические партии России: история и современность. Учебник. – М., РОССПЭН, 2000. – 631 с.
4. Попов Э.А. Русский консерватизм. Идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону, 2005. – 237 с.

УДК 94 (47) 37.01 371

Предигер Б.И.

*Московский государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова*

**РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: НА МАТЕРИАЛЕ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.**

B. Prediger

Moscow State Humanitarian University, named after M.A. Sholokhov

**THE DEVELOPMENT OF GERMAN SCHOOL EDUCATION
IN THE RUSSIAN EMPIRE: ON THE EARLY XX-TH CENTURY
MATERIALS FROM SARATOV PROVINCE**

Аннотация. В данном исследовании автором определены основные факторы, повлиявшие на развитие немецкого школьного образования. Дана оценка социально-экономическим условиям в губернии, в которых развивалось образование. Показаны роль и место немецкого общества в области экономики губернии и вклад в образование. Произведен анализ взаимодействия учреждений управления образованием и общества в школьном деле. Освещено влияние выборности членов общества в местные органы самоуправления на развитии образования. Отображены результаты образования в разных сферах деятельности. В статье использованы архивные материалы Казанского учебного округа.

Ключевые слова: роль и место общества в экономике губернии, земство и общество, выборность членов общества и образование, вклад общества в образование, результат в образовании.

Abstract. In the given research the author defines the main factors which influenced the development of German school education. The article presents an estimation of the social and economic conditions of the education development in the province. The author describes the German society role and place in the economy of the province and shows its contribution to the education system. The article presents the analysis of interaction between the Board of Education institutions and the society in the sphere of school education. The influence of the society members' electiveness in the local self-government institutions on the education development is shown. The results of education in different fields of activity are displayed. The author used the archival materials of the Kazan educational district.

Key words: the society role and place in the economy of the province, Zemstvo and the society, electiveness of the society members and education, the contribution of the society to education, result in education.

Необходимость изучения развития немецкого школьного образования вызвана введением с 2012-2013 учебного года курса «Основы религиозных культур и светской этики» в общеобразовательной школе с учебным модулем, который предусматривает среди мировых религий христианского направления только православие [1]. Выбор оправдан признанием особой роли православия в истории России, становлении и развитии ее духовности и культуры. Однако данное обстоятельство влечет нарушение Конституционных прав и свобод по признакам национальной или религиозной принадлежности (Конституция РФ. Гл.2. статья 19. п.2) учащихся протестантского и римско-католического исповеданий. Поэтому следует извлечь исторический опыт, который может стать основой для тех нововведений, которые предполагается осуществить в школьном образовании, соблюдая принципы по обеспечению единства этнокультурного пространства.

Опыт рассмотрен на выработке правил Священным синодом, Департаментом народного просвещения и Государственной думой во внесенных законопроектах по соблюдению

равноправия в преподавании Закона Божия между учащимися разного вероисповедания. В системе учебных заведений они действовали как разрешение и предоставление права учащимся в изучении предмета своего вероисповедания. Учащимся православного вероисповедания разрешалось обучаться в немецких школах, но изучать Закон Божий православного исповедания (ст.184. Определение священного синода от 18 сентября-3 октября 1913 г. №5850) [2]. Разъяснение правительства училищным советам в отношении инославных учащихся в церковно-приходских школах ведомства православного исповедания, которые по желанию своих родителей могут быть освобождены от обязательного изучения православного Закона Божия в связи с тем, чтобы обучаться предмету своего исповедания [3]. Предоставление права учащимся римско-католического исповедания обучаться по желанию их родителей Закону Божьему евангелическо-лютеранского исповедания с указанием, что данный вопрос должен быть решен положительно, не допуская совращения, насилия и воздействия угрозами (ст. 87 Уголовного уложения, изданного 1903 г.; Департамент народного просвещения от 3 ноября 1911 г., пополненное Варшавским учебным округом) [4]. Ввиду того, что в училищах – большинство инославных учащихся, Государственная дума внесла законопроект (1909-1913), что, кроме учителя православного, следует иметь учителя того исповедания, к которому принадлежат учащиеся [5]. Право выбора или право изучения предмета своего исповедания учащимися разных типов смешанных учебных заведений обусловлено школьной политикой в соблюдении толерантности в образовательных учреждениях.

Целью статьи является исследование основных факторов, повлиявших на образовательную деятельность немецких школ. Они обозначились экономическими условиями губернии рассматриваемого периода, ролью и местом немецкого общества в экономических отраслях, правом выборности в местные органы самоуправления, способностью само-

организации в школьном деле и вкладом в образование.

Актуальность проблемы заложена в истории развития немецкого школьного образования, богатой исторической памятью и целесообразностью извлечения уроков применительно к обстоятельствам современного школьного образования.

Анализ архивных документов показал, что развитие немецкого школьного образования обусловлено социально-экономическим развитием Саратовской губернии. Оно отражено в отчетах приговоров сельских сходов в раскладке сумм на содержание сельских школ, дополнительных и запасных учителей, квартирных денег, наем сторожей и отопление училищных домов¹.

На уровне местного органа самоуправления отпуск сумм на народное образование производился по смете доходов и расходов по заключению экономической комиссии при Камышинской земской уездной управе (1914)². Заключение представляло собой результат обсуждения на уездном земском собрании вопросов о финансировании школ. Внесение предложений для обсуждения осуществлялось председателем управы, его членами и гласными от обществ. Принятие решений обосновывалось финансовыми возможностями и актуальностью тех или иных мероприятий в школьном деле с учетом государственных интересов.

Финансовые возможности способствовали осуществлению плана расширения школьной сети при взаимодействии земства и общества. Взаимодействие отразилось на выработке общих проектов в открытии учебных заведений и распределением обязательств по содержанию училищ и обеспечению пособиями учителей. Обязательства предполагали перераспределение материально-финансовых ресурсов при открытии новых пореформенных

¹ Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Государственный архив Волгоградской области» ГКУ ВО «ГАВО». Ф. 202. Оп. 1. Ед. хр. 175. Олешинское волостное правление Камышинского уезда Саратовской губернии. 1907 г. л. 22, 31-33.

² Смета доходов и расходов Камышинского уездного земского собрания. 1914 г. л. 4, 5, 32, 33.

немецких сельских школ с русским языком обучения. Обязательство земства определялось в обеспечении годовым жалованием 2-х учителей и учебниками для учащихся и школы. Общество принимало на себя обязательство по хозяйственной части и содержанию дополнительных и запасных учителей¹.

Развитие связи с процессами формирования немецкого общества как земледельческого, так и в аспекте становления промышленного производства Саратовской губернии, позволило внести вклад в образование. Формированию земледельческого населения способствовало разрешение частной собственности на землю, на которую выдавалась ссуда Крестьянским поземельным банком крестьянским обществам, товариществам и отдельным земледельцам². Отметим наиболее значимые архивные источники, дающие представление о том социальном фоне, на котором развивалось образование в школах для немецкого населения Саратовской губернии. Одним из примеров выгоды и удобства единоличного хозяйства в результате разверстывания участков общественной земли могут служить труды по землеустройству Семеновского католического священника И.И. Баумтрога. Не случайно, оценивая пользу трудов, Саратовское губернское земское собрание вынесло постановление о награждении священника³.

Показателем развития промышленных производств и торговли могут служить имеющиеся в архиве журналы о проверке торговых и промышленных учреждений и личных промыслов в немецких селениях Камышин-

ского уезда⁴. В них выявлены ведомости по количеству земли, находящейся в частном и товарищеском владении, число мануфактурных и галантерейных лавок, Сарпинских заведений по выделке и производству ткани сарпинки, торговли табачными изделиями и т. д. Донесения немецких волостных правлений о годовом доходе от промышленных производств и землепользования, сдачи в аренду площадей, ярмарок, лесов и сенокосов свидетельствует о территориальном распространении отраслей экономики в губернии. Немало сведений можно почерпнуть из ведомости казенной палаты по государственному промысловому налогу владельцев торговых предприятий и списков лиц, имеющих промышленные свидетельства. Рассмотренные документы дают представление о месте и роли немецкого общества в развитии экономики губернии.

Быстрый экономический рост вызвал в системе управления городских и общественных учреждений, волостных и сельских правлениях потребность в высших и низших чиновниках, обладающих специальными знаниями для службы в конторах и канцеляриях: писари, секретари, делопроизводители и т. д.

Специальные знания для службы определялись языковой и письменной грамотностью по русскому языку, а обучение дополнительным школьным предметам давали всесторонние знания (физика, естествознание, алгебра, геометрия, география, история, ручной труд и т. д.). На основании этого ценностный приоритет образованию был обоснован содержанием потребностей. Не случайно общество, озабоченное в образовании своих детей, стремилось приискать школы с расширенной программой и хорошей подготовленностью педагогических кадров⁵.

¹ ГКУ ВО «ГАВО» Ф. 202. Оп. 1. Ед. хр. 212. Олешинское волостное правление Камышинского уезда Саратовской губернии. Дело о податях и повинностях по сельским приговорам. 1908-1909 гг. 180 л.; ГКУ ВО «ГАВО». Ф. 220. оп. 1 ед. хр. 350. Дело Линево-Озерского волостного правления Камышинского уезда Саратовской губернии. Циркуляры земской управы о выдаче ссуды на прокорм скота, нефтяной промышленности и о детях школьного возраста. 1906 г. 121 л.

² ГКУ ВО «ГАВО». Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 4750. Саратовское отделение Крестьянского поземельного банка. 1883-1917 гг.

³ Протоколы комиссий 47-го очередного Саратовского губернского земского собрания 1912 г. Саратов. 1913 г. Л. 43.

⁴ ГКУ ВО «ГАВО» Ф. 202. Оп. 1. Ед. хр. 169. Олешинское волостное правление Камышинского уезда Саратовской губернии. Журнал о проверке торговых и промышленных заведений и личных промысловых занятий поселян немецких селений Олешинской волости. 1906 г. Л. 13-42.

⁵ Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области» (ОГУ «ГАСО»). Ф. 257. Оп. 1. Ед. хр. 8. 4 л. Список учениц частного еван-

Возможность определения детей в городские учебные заведения – перспектива в продолжении образования и выборе профессионального и высшего. Перечень списка учениц в классных журналах частных и земско-общественных учебных заведениях в немецких селениях, частных при церкви для мальчиков и девочек раздельно и средних смешанных города Саратова и Камышина являются показателем выбора училищ для немецких детей.

Другим важным фактором развития немецкого школьного образования являлось право выборности членов общества в земские и городские самоуправления. Этим правом (Земская реформа 1864 г.) пользовались владельцы недвижимости, промышленники и торговцы, которые имели земельный и имущественный ценз. Данное право позволяло принимать активное участие членов общества в мероприятиях по школьному делу, проводимых местными структурами управления образованием.

Немаловажную роль в мероприятиях по народному образованию в распределении финансовой помощи немецким школам играл состав губернского и уездного земства, в котором выявлены представители немецкого общества. Председатель губернской земской управы К.Н. Гримм, член управы М.М. Галберг, члены экономической комиссии: А.Ф. Бауман и А.О. Медем. Председатель земской управы католик Михаил Хрисанфович Готовицкий, члены земской управы Е.Х. Брандт, И. Зибенгар, гласные Б.К. Миллер, Я.И. Рольгейзер, В.Л. Гидеон, Е.Е. Зейферт, Я.И. Шмидт¹.

Заслуга перед обществом некоторых представителей из числа немцев благодарно отмечена большинством голосов Камышинского очередного уездного земского собрания (1915) в назначении ежегодных пособий: вдове бывшего фельдшера Кайзер – 120 руб., бывшего члена земской Управы Квинт – 50 руб., вдове бывшего члена Управы Е. Вей-

берт – 240 руб., вдове фельдшера Даллингер – 120 руб., ямщику Я. Штеле – 75 руб. Земскому врачу селения Голый Карамыш С.Л. Фельдману по случаю ухода со службы – 500 руб., дополнительное вознаграждение санитарному фельдшеру Золотовского санитарного общества Тапельзону².

В период 1914-1916 гг. представители немецкого общества составляли почти половину всего состава членов земских управ, экономических и школьных комиссий. Содержание мероприятий позволяет подробно рассмотреть схему взаимодействия, характер рассматриваемых вопросов и способы их решения. Право общества на участие в развитии образования отражено в совместном мероприятии по набору достойных кандидатов на получение стипендий в Камышинском реальном училище при взаимодействии Саратовской губернской и Камышинской уездной земской управы и Олешинского волостного правления. Оно обозначилось выработкой правил о приеме земских стипендиатов, порядком распределения стипендий по волостям, их очередности и условиями, при которых назначались стипендии. Сотрудничество предусматривало диалог в рассмотрении и обсуждении вопросов, а решения носили согласованный характер.

В мероприятии по открытию 20-ти двухклассных земско-общественных училищ в немецких селениях Камышинского уезда действовали уездное земское собрание и сельское общество Олешинского волостного правления². На основании представленных собранием обоюдных обязательств в открытии школ решение должно было опираться на согласие сельских обществ.

Обладая цензовым избирательным правом местного самоуправления, члены общества могли оказывать влияние на подвижность законодательных постановлений по школьным вопросам. Примером может служить представленный в Санкт-Петербурге пасторами евангелическо-лютеранских приходов Самарской и Саратовской губернии доклад Со-

гелическо-лютеранского 3-х разрядного начального училища г. Саратов. 1909. л. 1-8; См.: Ед.хр. 10. 1915-1916-ые гг. л.1,4,5.

¹ Протоколы заседания 46-го очередного Саратовского губернского земского собрания 1911 г. 1912 г. л. 176.

² ОГК ВО «ГАВО».Ф. 202. Оп. 1. Ед. хр. 173. Камышинская уездная земская управа. 1909 г. л. 117, 117 об.

вету министров о развитии и современном состоянии школьного дела в Приволжских колониях. Пасторами был выработан проект, который требовал изменения положения о начальных школах. В целях улучшения качества обучения русскому языку, изменения предусматривали на 1-ом году обучения преподавание на немецком языке, а обучение русскому языку как отдельному предмету, начиная со 2-го года обучения. Данная проблема имела перспективу возбуждения вопроса между двумя ведомствами: Министерством народного просвещения и Советом министров [6].

Итог совместных мероприятий по школьному делу (1907) уездов Саратовской губернии рассматривается как вклад в образование в открытии и содержании школ и учителей. В Камышинском уезде он определился открытием 10-ти учебных заведений, из них частных – 7, в Царицынском уезде – принятием на содержание 37-ми начальных школ для обоего пола. В Петровском уезде – с 1908 г. содержание земско-общественных школ и 60 учителей всецело на средства земства¹. Кроме того, обеспечение всех школ учебными пособиями, классными принадлежностями и книгами для ученических библиотек, пособия на оплату учителям труда.

Вступая в новые экономические отношения начала XX в., общество проявляло способность самоорганизации в развитии образования в немецких селениях. В системе школьного образования оно проявилось открытием новых пореформенных школ разного типа на собственное содержание (товарищеские, частные, собственные) с русским языком обучения, набором обязательных и дополнительных предметов. Показателем самоорганизации в финансовом обеспечении являлось определение денежных сумм по сельским приговорам, частных пожертвований, как единовременных, так и ежегодных, материальная и моральная помощь сельских попечителей, выделение земли училищам для разведения сада, педагогических и хозяйственных нужд

(Высочайшее утвержденное государственным советом постановление от 12 мая 1897 г. «О выделении земельных участков для училищ»).

Погашением ссуды сельским обществом в сумме – 9.764 руб., выделенной от Министерства народного просвещения на постройку школ в Камышинском уезде (1906).

Причины проявления самоорганизации в школьном деле рассматриваемого периода обусловлены нарастанием товарно-рыночных отношений, в которых рабочий получал сдельную плату. Этим оправдывается количество задействованных в ремесленном производстве к отчету за 1906 г. по селениям Олешинской волости: Нейденгоф – 580 ремесленников, 6 учеников и 6 рабочих на заводе, Верховском – 196 ремесленников².

С целью обеспечения потребности в рабочих специальностях земством производилось привлечение стипендиатов средних учебных заведений из 5-ти немецких волостей. Для удержания учащихся в уезде земство согласовало правило о возврате стипендий в течение 10 лет, давая возможность иметь постоянный заработок³.

Вклад общества в образование имел как местное, так и региональное значение. Он проявился не только обеспечением местных потребностей рабочими кадрами, но и результатами деятельности членов общества на разных уровнях управление образованием. Показателем могут служить благодарность Саратовской губернской земской экономической комиссии за участие в трудах Управы в разработке проекта и сметы педагогической школы директору Саратовской 2-ой мужской гимназии В.Б. Коттерфельду⁴.

В назначении председателя Камышинского уездного земского собрания, предводите-

¹ ОГУ «ГАСО». Ф.13.Оп.1. Ед. хр. 3244. МНП.КУО. Инспектора народных училищ Сердобского уезда Саратовской губернии. 1908г. л.24-29; Там же, ед.хр. 3277. л.12.

² ОКУ ВО «ГАВО». Ф. 202. Оп. 1. Ед. хр. 169. Олешинское волостное правление. О поверке торговых и промышленных предприятий и личных промыслов в немецких селениях. 1906 г. л. 100-103.

³ Смета доходов и расходов г. Камышина. 1914 г. с. 291.; ОГК ВО «ГАВО». Ф. 220. Д. 350. Камышинская земская управа. Волостным и сельским правлениям и начальным училищам Камышинского уезда. 1906 г. л. 27.

⁴ Протоколы комиссий 48-го очередного Саратовского губернского земского собрания. Сессия 1913 г. Саратов. 1916 г. С. 199.

ля дворянства, председателя земской управы Михаила Хрисанфовича Готовицкого на место Уполномоченного главного комитета Всероссийского земского союза¹. Однако по просьбе членов управы и гласных ввиду заслуг М.Х. Готовицкого перед земской управой в защите ее интересов он оставил за собой и должность председателя управы.

Предложение члена комиссии по народному образованию губернского земства В.А. Менде открытием одной-двух стипендий в Саратовской консерватории для детей земских плательщиков или уроженцев Саратовской губернии имело положительное заключение². Вкладом в образование может служить назначение прогрессивных прибавок 60-ти немецким учителям в связи с зачетом земством службы в русско-немецких сельских школах Камышинского уезда (1916)³. В охвате учебной деятельности, в котором оставались лишь 283 ученика вне школы (1907) и направление в немецкие школы земством 33-х дополнительных учителей за счет земства для улучшения качества обучения несомненный вклад в образование [7]. Вклад немецкого общества в образование особо отмечен земством в условиях войны (1914-1916). Несмотря на запрещение употребление немецкого языка в общественных учреждениях, городских и сельских школах, подкрепленное Указом императора Николая II о выселении поволжских немцев в Сибирь (1915), уездное земское собрание на всем протяжении войны ассигновало средства на содержание школ в немецких селениях, пособия и прогрессивные прибавки учителям [8].

В итоге следует подчеркнуть, что факторы, повлиявшие на развитие немецкого школьного образования, обусловлены той ролью, которую играло общество в экономическом развитии Саратовской губернии. Социально-экономические условия губернии создавали предпосылки в расширении школьной сети и обеспечение материальной базой учебных заведений. Право выборности членов общества в местные органы самоуправления укрепляло позиции общества в развитии образования. Активное участие общества в развитии образования обусловлено способностью интегрироваться в новых экономических условиях и необходимостью реформирования школ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Российская газета – Федеральный выпуск № 5697(24). Распоряжение Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www/rfg.ru> (Дата обращения: 15.07.2012г.).
2. Саратовские губернские ведомости. Об изменении действующих распоряжений по школьным вопросам. №4. 1914г. с. 273.
3. Правительственный вестник. № 92. Учебное дело. Определение Священного синода в обучении Закона Божия. 1906 с. 2.
4. Правительственный вестник. № 51906г. с. 286.
5. Россия. Государственная дума. Внесенные законопроекты МНП. 1909-1913 гг. с.254.
6. Правительственный вестник № 165. Вечернее приращение. О докладе пасторов Самарской и Саратовской губернии в Санкт-Петербурге. 1906. с.2.
7. П.Н. Луппов. Доклад и журналы Камышинского очередного уездного земского и экстренного собрания. – Камышин, 1908 – С. 23.
8. Свод постановлений Камышинского очередного уездного собрания 1915г. Краткое содержание постановлений на народное образование. Журнал №1. – С. 3, 22-27.

¹ Смета доходов и расходов г. Камышина на 1914г. Камышин. С.45.

² Там же, 1915 г. С.45.

³ Там же, С.292.

УДК 94 (470) "1900/1914"

Кукиль Н.В.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

**ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА ПРИНЯТИЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТОЙ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

N. Kukil

Lomonosov Moscow State University

**INFLUENCE OF ECONOMIC FACTORS ON THE RUSSIAN
RULING ELITE'S POLITICAL DECISION-MAKING CONCERNING
GERMANY ON THE EVE OF WORLD WAR I**

Аннотация. В настоящей статье отражена проблематика влияния экономических факторов на разработку политики России в отношении Германии в преддверии Первой мировой войны. Особое внимание уделено динамике развития торгово-экономических связей между Российской и Германской империями в указанный период. Автором рассмотрены стратегически важные отрасли российской и германской промышленности, а также результаты действия русско-германских торговых договоров, заключенных в 1894 и 1904 гг. Анализ подобранной источниковой базы позволил выявить сильные и слабые стороны экономических систем России и Германии.

Ключевые слова: экономическая стратегия, Германская империя, экономическое развитие, политическая элита, внешняя торговля.

Abstract. The article reveals the problems of economic factors influence on the development of the Russian policy in relation to Germany on the threshold of World War I. Special attention is given to the dynamics of trade development and economic relations of Russia and German empire within the mentioned period. The author considers strategically important branches of industry in Russian and Germany, and the results of the Russian-German trading contracts signed in 1894 and 1904. The analysis of sources allowed to reveal the advantages and disadvantages of the economic systems of Russia and Germany.

Key words: economic strategy, German Empire, economic development, political elite, foreign trade.

Изучение экономических условий и факторов российско-германских взаимоотношений на рубеже XIX-XX вв. является прямой необходимостью при объективном выявлении причин как тесного сотрудничества между обеими монархиями, так и резкого антагонизма между ними, который имел место в это время. Указанная научная проблема может быть раскрыта в полном объеме лишь при использовании широкого комплекса опубликованных и неопубликованных источников, поэтому настоящая статья предполагает освещение лишь отдельных фрагментов экономической проблематики. Стоит отметить, что даже фрагментарный анализ документов экономического характера позволяет указать на влияние российско-германского экономического взаимодействия на выработку и принятие политических решений представителями российской правящей элиты в отношении кайзеровской Германии.

Николай II и его окружение, учитывая быстро меняющиеся международные реалии, вынуждены были ориентироваться на германский опыт создания эффективно функционирующего хозяйства, обращая внимание на достигнутые немцами темпы экономического роста, достаточно устойчивые по отношению к кризисам. Быстрое наращивание германской воен-

ной мощи обеспечивалось более совершенной, чем у России, экономической моделью, ориентированной не на вывоз сырьевых ресурсов, а на широкое, даже по меркам рассматриваемого исторического периода, внедрение в производство последних достижений во всех областях науки и техники. Это обстоятельство было сигналом к более активным действиям со стороны российского руководства по модернизации всей системы социально-экономических отношений [3, с. 45].

С.Ю. Витте, будучи министром финансов и видным экономистом, всеподданнейше докладывал императору Николаю II в 1898 г. о необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. Руководствуясь сомнительным тезисом о том, что протекционистский тариф 1891 г. не приносил желаемой пользы для российской внешней торговли, Витте счел необходимым сформулировать в своем докладе императору следующую мысль: «...Таможенный тариф 1891 г. был благодетельной мерой только потому, что он предполагал следующие торговые договоры и проток иностранных капиталов, и нельзя устранить эти логические его последствия иначе, как рискуя превратить и первоначальную меру во вредную для народного благосостояния»¹. Далее он продолжает доказывать правильность своей внешнеэкономической доктрины: «Мы должны будем тогда настаивать перед странами, покупающими наши сельскохозяйственные произведения, на установлении для этих продуктов пониженных пошлин, и в этом интересы нашего земледелия снова и, может быть, с ещё большей остротой, нежели в пору памятной таможенной войны с Германией в 1893-1894 гг., столкнутся с интересами местного земледелия государств, с которыми нужно будет заключать договоры»².

Приведенные высказывания из доклада Витте демонстрируют не только его собственные экономические взгляды, но и отражают

проводившуюся государственную политику России в отношении Германии в торгово-экономическом плане, причем Николай II, как и его отец Александр III, предоставил большой кредит доверия С.Ю. Витте, находившемуся на посту министра финансов в течение 12 лет.

Стоит учесть, что по инициативе Витте, занявшего пост министра финансов Российской империи ещё в 1892 г., в Берлине 10 февраля 1894 г. был заключен русско-германский торговый договор, который, как показала дальнейшая практика, гарантировал ряд преференций Германии, в то время как российские торговые и экономические круги, имевшие по договору равноправное положение с германскими, реально могли рассчитывать на меньшие выгоды [9, с. 11]. Россия, отказавшись, под давлением кайзеровской Германии, от автономного таможенного тарифа, согласно договору, заключенному в Берлине в 1894 г., попадала в зависимость от германского экспорта, так как российские товары при понижении таможенных пошлин утрачивали конкурентоспособность по отношению к ввозимым в страну произведениям более развитого и совершенного немецкого промышленного сектора [8, с. 33].

Русско-германский торговый договор 1904 г. закреплял неравноправное по отношению к Германии экономическое и таможенное положение России, которая вынуждена была подписать данный договор под давлением неблагоприятных внешнеполитических факторов: к тому времени уже начались боевые действия против японцев на Дальнем Востоке, не сопровождавшиеся успехом, и западная граница империи оказалась временно незащищенной. Историк Ю.И. Казанцев приводит в своей публикации «Международные отношения и внешняя политика России (XX век)» следующий пример: «...Когда на Дальний Восток была направлена из Балтики эскадра адмирала Рожественского, то германское правительство дозволило своим судовладельцам снабжать русские суда в пути своим углем...» [2, с. 55]. Допустимо предположить, что российское руководство не могло возлагать большие надежды на принципы монар-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1026. Л. 10.

² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1026. Л. 10.

хической солидарности в отношениях с Германией, когда речь заходила о безудержном стремлении германского монополистического капитала к увеличению прибылей. Активность российских торгово-промышленных кругов в сношениях с германской стороной была направлена на преодоление сравнительно низкой конкурентоспособности отечественных товаров. Тезис о том, что Германия воспользовалась временной слабостью России для навязывания ей неравноправного торгового договора 1904 г., обосновал также известный историк-германист Б.М. Туполев [10, с. 22].

Вопросы и проблемы, касающиеся взаимной заинтересованности в активных торговых контактах, играли важную роль также при встречах на высшем уровне между Николаем II и Вильгельмом II. Заметим, что от их решения зависело продолжение дипломатических контактов в форме, приемлемой для обоих государств. Мнение о том, что обсуждение дипломатических аспектов российско-германских отношений находилось в прямой зависимости от их торгово-экономической составляющей, высказано и обосновано в работах Е.В. Низаловой и Г.А. Хидоятова [5; 11]. Эти авторы приходят к закономерному выводу о нерешенности, в преддверии Первой мировой войны, ряда дипломатических вопросов между Россией и Германией, из-за частото взаимного отказа представителей этих государств делать необходимые для перспективы сохранения добрососедских отношений уступки в экономической сфере.

Чтобы в полной мере представить себе динамику бурного экономического развития кайзеровской Германии, с которым приходилось считаться и германофилам, и германофобам в российском руководстве, нужно обратиться к такому важному источнику, как донесение агента министерства торговли и промышленности в Берлине об экономическо-финансовом положении Германии от 19 июля (1 августа) 1913 г., т. е. ровно за год до начала Первой мировой войны.

Согласно обозначенному подробному донесению, германская экономика к середине

1913 г. продолжала переживать стадию динамичного роста, причем особенно ярко его проявлял реальный экономический сектор, в то время как финансовый капитал кайзеровской Германии традиционно уступал по своим показателям промышленному¹. Германия в преддверии Первой мировой войны была способна продемонстрировать сравнительно высокие для капиталистической экономики темпы роста, что вызывало оправданную обеспокоенность у российского руководства [8, с. 63]. Завершившаяся ещё в период канцлерства Отто фон Бисмарка эпоха грюндерства предоставила немецкой буржуазии уникальную возможность добиваться быстрого наращивания материальных благ, организации наиболее эффективных методов производства в короткий временной промежуток, так как процесс накопления первоначального капитала протекал весьма успешно, сумев в полной мере раскрыть огромный германский экономический потенциал.

В донесении действовавшего в Берлине агента министерства торговли и промышленности дана характеристика отдельным отраслям германской промышленности по состоянию на июнь 1913 г. Наблюдались бесспорные успехи в добывающем секторе. Министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву было доложено из Берлина: «...Положение каменноугольной промышленности было по-прежнему благоприятным. Добыча каменного угля достигла необыкновенно высокой цифры в 15,93 млн. тонн против 13,89 млн. тонн в прошлом году, точно также замечается увеличение добычи бурого угля, производства кокса и брикетов...»². Тимашеву, в точности предававшему эту информацию министру иностранных дел А.П. Извольскому и брату Николая II великому князю Михаилу Александровичу, было совершенно ясно, что указанные агентом количественные данные говорят о достаточной обеспеченности Германии каменным углем и продуктами его переработки, эффективно применявшимися практичными немцами в тяжелой индустрии,

¹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

по развитости которой русские не могли в то время превзойти немцев. Далее в донесении упоминается, что «...за всё полугодие добыча каменного угля достигла рекордной цифры в 93,58 млн. тонн, которая более чем на 10 % выше прошлогодней цифры...»¹. Эти сведения доказывают наличие безусловных успехов у германской тяжелой промышленности в преддверии предполагавшихся военных действий против России.

Применительно к развитию германской металлургии в 1913 г. стоит отметить, что её высокий уровень поддерживался за счет крупномасштабного строительства железных дорог, и это подтверждается сообщением Франкфуртской газеты, одного из важнейших печатных органов тогдашней Германии: «...Благодаря заказам казны на рельсы наша крупная промышленность легче перенесет понижение конъюнктуры»². Тимашеву также докладывали о том, что «...если же в общем производстве стального синдиката по всем продуктам имелось, тем не менее, на 70000 тонн выше, чем в прошлом году, то это объясняется исключительно большими заказами железнодорожных материалов со стороны прусских казенных железных дорог...»³. Это означает, что строительство железнодорожных путей являлось одной из важнейших задач экономического и стратегического характера, которую ставили перед собой представители германского руководства. Железные дороги не только обеспечивали быструю доставку грузов различного назначения в любую точку страны, но и гарантировали территориальное единство Германии в случае её участия в большой войне. Благодаря широкому использованию разветвленной сети железных дорог имелась возможность быстрого подавления при помощи доставленных войск национальных волнений не только в польских землях, но и в Эльзасе, Сааре и Лотарингии.

Необходимо отметить, что кайзеровская Германия, широко используя крупный ка-

менноугольный Силезский бассейн, имела возможность экспортировать качественный уголь в Россию, Австро-Венгрию и Привисленский край, представлявший собой российскую часть разделенной Польши, находившуюся в непосредственной близости от немецкой части Силезии⁴. Российская добывающая промышленность в указанное время по рентабельности и окупаемости отставала от германской, поэтому наиболее преуспевающим фабрикам и заводам, расположенным вдоль западных границ Российской империи, было выгоднее закупать германский уголь, чтобы не оплачивать огромные транспортные расходы за доставку сырья, в частности, из Юзовки – одного из старейших и наиболее продуктивных российских угленосных районов [6, с. 86].

Все вышеперечисленные количественные и качественные показатели германской экономики, с учетом российского уровня развития обозначенных отраслей промышленности, дают возможность четко зафиксировать тот факт, что так называемая таможенная война между Германией и Россией наносила примерно одинаковый экономический ущерб обеим странам. Н.И. Копычев, будучи специалистом по истории российско-германских торгово-экономических связей, считал, что именно канцлер Бернхард фон Бюлов начал таможенную войну с Россией, руководствуясь заданием кайзера Вильгельма II, чтобы поддержать германский аграрный сектор, но это негативно отразилось на потребителях российской сельскохозяйственной продукции [11, с. 56].

Рассматривая состояние российско-германских взаимоотношений на рубеже XIX–XX вв., стоит уделить большое внимание росту значения внешнеэкономических факторов, от которых зависела не только выработка российскими правящими кругами политики по отношению к Германии, но и принимаемые ими попытки решения стратегических проблем.

Граф Муравьев выражал некоторые замечания по поводу общеевропейской по-

¹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 5-6.

² ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 6-7.

³ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

литической ситуации в секретном письме из Петербурга российскому посланнику и полномочному представителю в Берлине Остен-Сакену. Муравьев писал 4 мая 1900 г.: «...Французский министр иностранных дел, между прочим, затронул в беседе с нашим послом в Париже и вопрос о всё более угрожающем развитии торгового значения Германии»¹. Так как Россия получала французские займы и в финансовом отношении была зависима от Третьей республики, то российский дипломатический корпус вынужден был лавировать, всячески демонстрируя свою полную и безусловную приверженность принципам франко-русского союза. Также Муравьевым было отмечено, что «...исходя из того соображения, что экономические интересы начинают брать верх в настоящее время над политическими и что обладание Германией Триестом или каким-либо участком Адриатического побережья может изменить в корне теперешнее значение Средиземного моря, мы, конечно, не могли бы оставаться равнодушными к столь широким замыслам германского правительства и должны были бы в таком случае озаботиться соответствующим обеспечением наших интересов...»². Данное высказывание доказывает, что любой внутри- и внешнеполитический шаг не только России, но и Германии диктовался преимущественно экономическими соображениями. При этом монархическая солидарность и взаимные обещания в вечной дружбе, которые давались Николаем II и Вильгельмом II на высшем уровне, могли иметь реальную силу, когда интересы обеих держав совпадали.

Российская империя прилагала усилия, чтобы извлечь максимальную выгоду от прокладки Дунайско-Адриатической железной дороги, что являлось интернациональным предприятием. Эта мера должна рассматриваться, в первую очередь, в качестве стратегической и упредительной в отношении немецкого капитала, хотя российские финансисты имели активы в этом грандиозном проекте, который потенциально мог принести боль-

шие прибыли. Ответом Германии в этом экономическом противостоянии со странами Антанты и их союзниками было строительство Багдадской железной дороги [1, с. 32].

Май 1908 г. был ознаменован весьма сложными переговорами о строительстве этой дороги, которые проходили в Париже и увенчались большим успехом для российской дипломатической миссии. Об этом докладывал в своей депеше от 29 мая (11 июня) 1908 г. российский посол в Париже Александр Иванович Нелидов³. Будучи опытным дипломатом, Нелидов оправдывал доверие А.П. Извольского и Николая II, поэтому ему поручали особо секретные задания по налаживанию и последующей интенсификации контактов со странами Антанты, одним из которых было достижение договоренности о строительстве, а также будущей эксплуатации такого дорогостоящего интернационального объекта, как Дунайско-Адриатическая железная дорога [4, с. 62].

А.И. Нелидов писал в вышеупомянутой депеше о том, что «...из последовательных телеграмм моих Ваше Высокопревосходительство изволили осведомиться об удовлетворительном заключении переговоров, происходивших между участниками синдиката, который должен образоваться для постройки Дунайско-Адриатической железной дороги... камергер Вышнеградский, несомненно, доложил уже лично господину министру финансов обо всех подробностях состоявшихся соглашений и представил желаемые цифровые данные...»⁴. Цитируемый документ доказывает особую важность постройки этой дороги для представителей российских властных структур: участие России в соответствующем проекте должно было дополнительно продемонстрировать Германии её великодержавный статус.

Предоставление министру финансов Владимиру Николаевичу Коковцову на рассмотрение подробностей характера и назначения строительных работ, а также прилагаемых к ним цифровых данных означало серьезность

¹ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 102. Л. 51.

² ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 102. Л. 51.

³ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 48. Л. 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 48. Л. 6-7.

российских намерений и особую заинтересованность в финансировании Дунайско-Адриатической железной дороги, от которой ожидалась максимальная экономическая польза, с одной стороны, и последовательное укрепление международного престижа Российской империи, с другой. На основании данных, предоставленных А.И. Нелидовым, допустимо предположить, что равноправное участие России в финансировании, проектировании и строительстве указанной дороги, пролежавшей через территорию дружественной Сербии, не затрагивая владений Австро-Венгрии, было ощутимым дипломатическим и особенно экономическим успехом [7, с. 98].

Анализируя данные, содержащиеся в вышеупомянутых источниках и научных публикациях, необходимо подвести некоторые итоги и сформулировать ряд выводов. Во-первых, российское руководство было осведомлено о темпах экономического роста, наблюдавшегося в кайзеровской Германии в конце XIX – начале XX вв. Во-вторых, ему были известны высокие количественные и качественные показатели, которые демонстрировала германская экономика, а также её отраслевой состав. В-третьих, вопросы внешней торговли в указанный период в обязательном порядке означали для России наличие германского фактора, так как Германия была не только традиционным партнером, но и сильным конкурентом как в аграрном, так и в промышленном секторе. В-четвертых, российская экономическая система не могла обойтись без германских промышленных изделий и обработанного сырья, но в то же время она остро нуждалась в кредитах, предоставляемых французским финансовым капиталом, поэтому власть вынуждена была искать пути к улаживанию часто возникавших дипломатических осложнений и с Францией, и с Германией. В-пятых, торгово-экономические связи с кайзеровской Германией оказывали непосредственное воздействие на принятие

соответствующих политических решений в отношении этого государства: представители российского руководства, вне зависимости от ранга и занимаемой ими позиции по германскому вопросу, признавали важность сохранения взаимовыгодных экономических контактов между обеими великими державами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война. 1912-1913 гг. – М.: «Наука». 1969. – 393 с.
2. Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). – Ростов-на-Дону: Феникс. 2002. – 350 с.
3. Матвеева А.Г. Германская империя. 1870-1914. – М.: ИВИ РАН, СГУ, 2003. – 162 с.
4. Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914-1918 гг. – М.: Госполитиздат, 1940. – 296 с.
5. Низалова Е.В. Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896-1909 гг.: по материалам российской и европейской прессы: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 / [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена] – СПб.: 2007. – 223 с.
6. Норден А. Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства / Пер. с нем. Б. Жуховецкого, Ф. Ройтенберга, Э. Халифмана. Вступит. статья Г. Беспалова. – М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры. 1948. – 294 с.
7. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX вв. – СПб.: Юрид. центр прессы. 2002. – 273 с.
8. Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. (Торговые отношения в конце XIX в.-1914 г.). – М.: ИРИ, 1996. – 271 с.
9. Тарле Е.В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814-1919. – Ленинград: Прибой, 1927. – 199 с.
10. Туполев Б.М. Монополистический капитал и экспансия Германии в конце XIX – начале XX вв. // Ежегодник германской истории. 1978. – М.: 1979. – С. 227-255.
11. Ученые записки. Вып.19: Общественные и исторические науки / М-во просвещения РСФСР. – Псков: [б. и.], 1964. – 289 с.

УДК 94(470)

Захаров Г.В.

Московский государственный областной университет

**ЗНАЧЕНИЕ СЕМЬИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИБЕРАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ В.И. ВЕРНАДСКОГО.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ)**

G. Zakharov

Moscow State Regional University

**ROLE OF FAMILY IN THE PROCESS OF FORMING
V.I. VERNADSKY'S LIBERAL CONSCIOUSNESS
(BASED ON EPISTOLARY HERITAGE)**

Аннотация. В статье предпринят анализ роли семьи в становлении либерального самосознания, на примере выдающегося ученого и общественного деятеля В.И. Вернадского. Основным источником являются записи самого В.И. Вернадского, сохранившиеся в его эпистолярном наследии, прежде всего в переписке с женой. Рассматривается ряд важнейших факторов, таких, как семейные предания, роль родителей и ближайших родственников. Проработана история и опыт предшествующих поколений и их значение в процессе формирования либерального самосознания В.И. Вернадского.

Ключевые слова: семья, либерализм, мировоззрение, эпистолярное наследие.

Abstract. The article presents the analysis of the role of a family in the process of forming liberal views – V.I. Vernadsky, an outstanding scientist and public figure, is taken as an example. The main source is Vernadsky's papers found in his epistolary heritage, especially in the letters to his wife. The article considers a number of important factors, such as: family legends, role of his parents and closest relatives. The article presents the results of studying previous generations' history and experience, as well as their significance for the process of forming V. I. Vernadsky's liberal consciousness.

Key words: family, liberalism, world outlook, epistolary heritage.

Проблема формирования самосознания ведущих деятелей общественного движения является одной из актуальных на современном этапе изучения истории общественной мысли. Настоящая статья посвящена В.И. Вернадскому, который был не только выдающимся ученым, мыслителем, но и одним из крупных деятелей либерального направления общественного движения в России. Исследуя формирование его мировоззрения, необходимо в первую очередь опираться на его обширное эпистолярное наследие, его переписку, дневниковые и мемуарные записи.

Изучая становление самосознания, исследователи недостаточно внимания уделяли и уделяют роли и значению семьи в этом процессе. В предлагаемой статье предпринимается попытка решения этой задачи на основании изучения эпистолярного наследия В.И. Вернадского.

Активный интерес к изучению семьи как института и ее эволюции и значении в истории человечества возник только в XIX в. Достаточно вспомнить работы И. Бахофена, Л. Морганна, где мы можем увидеть рассуждения на тему значения семьи, её роли в истории развития человеческих цивилизаций. Эти работы не прошли мимо внимания Ф. Энгельса, который посвятил им одну из своих важнейших работ по истории семьи в связи с историей общества в целом [8]. Нужно сказать, что и сам В.И. Вернадский неоднократно отмечал важность семьи как общественного института. В переписке с В.Л. Модзалевским мы находим такие слова: «Я очень интересуюсь семейной историей и считаю варварством то отношение, которое до-

вольно часто встречается в русских семьях к прошлому их предков» [3, с. 29].

В наши дни проблема семьи рассматривается прежде всего в рамках философских и педагогических исследований. С.Н. Гавров и Б.М. Бим-Бад в работе «Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ», отмечают, «что семья представляет собой одну из наиболее древних форм социальной общности людей, более раннюю, чем государство и тем более нация» и что «...никакое общество не может существовать, не создавая особый механизм, обеспечивающий непрерывную замену выбывающих членов общества другими, рождающимися» [1, с. 27, 37]. То есть семья является не только первичным звеном в процессе развития человечества и государства, но и основообразующим, поныне действующим, жизненно необходимым элементом любого общества и государства. Те же авторы определяют основные общественные функции семьи, такие, как: «социализация и инкультурация, восприятие основ социокультурной традиции, адаптация к локальному (этническому) и национальному сообществу» [1, с. 27] Подчеркиваются важные аспекты тесной взаимосвязи общества и семьи, говорится: «о воздействии общества на семейную группу и отдельные аспекты семейных отношений или же о воздействии семьи на общество» [1, с. 27].

Обращаясь к эпистолярному наследию В.И. Вернадского, мы также находим рассуждения о назначении семьи в обществе, о её влиянии на личность человека. Немало их в переписке В.И. Вернадского со своей невестой, а впоследствии и женой Н.Е. Старицкой-Вернадской. Например, в одном из писем к своей невесте Владимир Иванович Вернадский пишет: «Семья должна вырабатывать хороших работников на пользу человеческую, она должна дать счастье тем, которые составили семью, она должна связывать молодое поколение с поколением, кончающим жизнь...» [4, с. 17] Он отмечает, что такая семья, как им описано выше, может быть только при условии существования «извест-

ных семейных преданий, известных общих целей, на которые положена работа и предков и будущих, подрастающих поколений.» [4, с. 17] В конечном итоге возникает вопрос, а какое влияние оказала семья В.И. Вернадского на становление его взглядов? Существовали ли в ней и какого характера были «семейные предания» и «общие цели», на которые в последствии мог бы опереться В.И. Вернадский в процессе формирования своего самосознания? Ответить на него может помочь переписка ученого со своей невестой, а потом и женой Н.Е. Вернадской, в которой он очень подробно описывает историю своей семьи, свои взаимоотношения с её представителями и значение этого взаимоотношения в формировании его личности, его идеалов и убеждений. В одном из писем мы можем встретить свидетельства активного интереса Н.Е. Старицкой касательно условий и факторов, которые оказали влияние на формирование личности Владимира Ивановича, что является вполне естественным на стадии становления отношений между двумя влюбленными молодыми людьми. И, что немаловажно, такой же интерес и желание В.И. Вернадского искренне делиться и откровенно рассказывать своей возлюбленной историю своего рода и себя в этой истории: «Как-то вы говорили, – пишет В.И. Вернадский, – что мы мало друг друга знаем, что как-то нам, каждому, неизвестны и те условия, среди каких приходится жить. И то, среди каких обстоятельств складывался характер. А потому я хочу здесь набросать Вам род моей автобиографии, это так как-то легко мне писать для Вас, как-то хочется передать Вам то, что когда-то волновало всего меня, (...) хочется Вам передать все, что я знаю сам о себе» [4, с. 15]

Начинает свой автобиографический рассказ в письмах Владимир Иванович именно с семейных преданий, и что важно отметить – с преданий семьи своего отца, и указывает на их немалую роль в формировании его самосознания: «Я хочу здесь передать Вам кое-что из тех семейных преданий, какие были в семье отца, и передать потому, что на выработку моих взглядов или, вернее, симпатий

и характера они имели большое влияние» [4, с. 17]. Сами же «семейные предания», по Вернадскому, – это неотъемлемая часть существующей и нормально функционирующей семьи. Сложены они из поступков личностей предков, из их общих целей и способны трансформироваться и носить характер семейных тезисов. «Семья должна да и, очевидно, вырабатывает известные предания, выражающиеся как в известных поступках лиц – предков, так и иной раз в кое-каких тезисах», пишет В.И. Вернадский [4, с. 17].

Историю своей семьи и её преданий Вернадский начинает с описания происхождения своей фамилии – «Наша фамилия (в начале просто Верна) происходит из Литвы», вспоминает Владимир Иванович, а именно от литовского шляхтича Верна, который во время освободительных войн Богдана Хмельницкого перешел на сторону казаков и вместе с ними боролся против панства [4, с. 17-18]. «Не думаю, чтобы он сделал это вследствие убеждений, – подчеркивает Вернадский и пишет, – причины были, вероятно, более низменные, но факт остается фактом, и он имел большое влияние на все дальнейшее.» [4, с. 18]. Впоследствии этот далекий предок Вернадского был казнен поляками, но вот уже его потомки остались служить в запорожском и малороссийском казачестве. После ликвидации Запорожской Сечи, которую провела Екатерина II, «мой прадед бежал в Черниговскую губернию, – рассказывает Вернадский, – и там, после нескольких лет тихой жизни, был выбран священником». [4, с. 18]. Далее Владимир Иванович пишет, что это был не самый удачный выбор. Характеризует своего прадеда словами «надменный» и «гордый человек». Что важно отметить, указывает на его хорошее образование – «он кончил курс в Киевской духовной академии – тогдашнем высшем учебном заведении Малороссии». [4, с. 18]. Рассказывает о том, что его деспотизм распространялся и на семью и на окружающих, и, как следствие, ни о каких хороших взаимоотношениях с прихожанами речь не велась. Окончательно разругавшись с ними, он отказался крестить и погребать и запер

церковь. Когда его в возрасте 80 лет силою привели на кладбище для похорон, «...со злобы или огорчения с ним случился удар и он тут же умер» [4, с. 18]. Стоит отметить, что родители В.И. Вернадского к религии относились холодно, интереса к ней не проявляли, что передалось и их сыну.

Дед Владимира Ивановича, Василий Иванович Вернадский, «человек долга, большой сердечной доброты и истинной гуманности, он, бесспорно, оказал большое влияние на формирование семейных традиций и жизненных принципов своего сына Ивана, а впоследствии и внука Владимира», – писал профессор И.И. Мочалов, активно изучавший архивные документы кабинета-музея В.И. Вернадского [6, с. 20]. Внук же вспоминал о нем так: «Это был тихий и скромный человек, с сильным желанием учиться, тогда был только один Московский университет, и мой дед ночью бежал от своего отца и пешком из глуши Черниговской губернии пришел в Москву, в университет; отец его после того не хотел видеть и не простил до самой смерти, мать же способствовала его бегству» [4, с. 18]. Во время наполеоновских войн он был военным врачом и принимал участие в походах Суворова и Кутузова. В 1799 г. он попал в плен и жил во Франции. Вернадский об этом писал: «...это имело огромное на него влияние – несколько лет пробыл он во Франции и возвратился оттуда масоном и мистиком...». [4, с. 18]. Его жена была сестрой бабушки писателя В.Г. Короленко, сопровождала мужа в военных походах и вместе с ним вошла в историю русской литературы. По преданию, чета Вернацких изображена Львом Толстым в романе «Война и мир», в связи с эпизодом пребывания Николая Ростова во время австрийского похода – в «хозяйстве лекарской жены», угощавшей офицеров вином [2, с. 37].

В 1826 г. дед В.И. Вернадского получает чин коллежского советника, что автоматически, в то время, давало право на потомственное дворянство. В это же время он изменит правописание своей фамилии с Вернацкий на Вернадский [5, с. 18]. Последние годы своей

жизни дед провел в Киеве и, по воспоминаниям внука, в статусе одного из «самых деятельных членов кружка масонов, бывшего тогда в Киеве и главарем которого был тогда Пилецкий» [4, с. 18].

Важно отметить, несомненно, большую роль Василия Ивановича в процессе формирования семьи Вернадских в том виде, в каком она предстает перед нами. И любовь к учебе и тяга к знаниям, какие были у Василия Ивановича, передались и его сыну и внуку сполна.

Также, без сомнения, важной ключевой фигурой в формировании личности В.И. Вернадского был его отец Иван Васильевич Вернадский. Владимир Иванович пишет о нем так: «Это был, бесспорно, прекрасный человек, я его очень любил, хотя по характеру мы с ним не совсем и сходились и сходимся. Лицом я на него очень похож. Он был очень горяч и вспыльчив, особенно в молодости, но был человеком ясного ума, замечательно нежной, мягкой души, ему не доставало только силы и настойчивости в характере, и этот недостаток имел на него большое влияние» [4, с. 18].

Иван Васильевич Вернадский окончил Киевский университет и после непродолжительной работы учителем русской словесности в 1842 г. был избран на кафедру политической экономии Киевского университета и вскоре был командирован на три года за границу «для совершенствования в области философии, политической экономии, статистики и других наук и для подготовки к профессорскому званию» [6, с. 21]. После защиты докторской диссертации в 1849 г. он становится профессором Киевского университета. Живя и работая на Украине, Иван Васильевич Вернадский имел крепкие дружеские связи с представителями украинской демократической мысли, такими, как Т.Г. Шевченко, Н.И. Гулак, Н.И. Костомаров, В.М. Белозерский, П.А. Кулиш, Г.Ф. Квитка-Основьяненко, М.А. Максимович и др. [6, с.22].

С 1850-1856 гг. И.В. Вернадский работает в Московском университете в должности профессора политической экономики и статисти-

стики. В тот период «он сближается с «западниками». Близки ему по воззрениям – Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, В.П. Боткин, С.М. Соловьев, П.В. Анненков и др. Иван Васильевич сотрудничает в «Русском вестнике», в то время журнале либерального направления. [5, с. 19–20].

В 1856 г. семья Вернадских переезжает в Санкт-Петербург, где И.В. Вернадский служит в Министерстве внутренних дел. В переписке Владимира Ивановича со своей невестой мы можем прочесть: «...в начале царствования Александра II он хотел более практической деятельности, перешел сюда в Министерство внутренних дел сперва, но там ему не особенно нравилось, хотя он принимал кое-какое участие во многих реформах начала прошлого царствования» [4, с. 18-19]. Стоит отметить, что он входил в Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел.

Двенадцатого марта 1863 г., когда родился В.И. Вернадский, его отец был профессором политической экономии Александровского (ранее Царскосельского) лицея и Технологического института. Также И.В. Вернадский был основателем и редактором журналов «Экономический указатель» и приложения к нему под названием «Экономист». Оба издания были посвящены политической экономии, статистике и вспомогательным наукам. В журнале «Экономист» И.В. Вернадский, в частности, вел полемику с Н.Г. Чернышевским по вопросу об общинном землевладении. Кроме этого, в журнале поднимались вопросы об отмене крепостного права, либерализации экономики в стране и прочие ключевые вопросы развития государства, волновавшие умы креативной интеллигенции того времени. Перед тем как начать издание экономического журнала в Петербурге и реализовать эту идею на практике, Вернадский проводит ряд встреч с петербургской интеллигенцией, где обсуждает проблему реализации этой, без сомнения, важной и ответственной задачи. Среди них были – Л.Н. Толстой, А.А. Бакунин, П.В. Анненков, А.В. Дружинин и др. [5, с. 20].

Идеи и взгляды В.И. Вернадского хорошо знали А.А. Серно-Соловьевич, Н.А. Добролюбов, П.Л. Лавров, В.В. Шелгунов и другие видные представители революционной демократии. Также И.В. Вернадский был избран председателем Шахматного клуба, открытого в Петербурге в 1862 г., в котором широко обсуждались актуальные вопросы и проблемы развития страны и общества. Клуб размещался в доме № 14 по Большой Морской улице. Первоначально свой клуб хотели открыть литераторы, но новые клубы и общества в те годы не разрешались, пришлось возродить Шахматный клуб, существовавший с 1853 года в доме известного либерального деятеля, издателя журнала «Русское слово» графа Г.А. Кушелева-Безбородко и недавно закрывшийся. Кушелев-Безбородко был официальным учредителем нового клуба, который Н.Г. Чернышевский, братья Н.А. и С.А. Серно-Соловьевичи, Д.И. Писарев, П.Л. Лавров и другие деятели стремились сделать центром прогрессивных идей. Сюда приходил играть в шахматы Д.И. Менделеев. В клубе распространялась нелегальная литература. Вскоре клуб попал под подозрение III отделения и был закрыт [5, с. 20-21].

В этих дискуссиях В.И. Вернадский затрагивал вопросы развития и защиты высшего образования в России, был противником установленной правительством цензуры и цензурных правил, наносивших сильный удар по общественному и государственному развитию. В клубе собирались известные представители культуры и общественные деятели, такие как Н.А. Некрасов, П.Л. Лавров, А.А. Краевский, И.И. Панаев, А.Н. Апухтин, Д.И. Писарев и др. Клуб просуществовал всего несколько месяцев и был закрыт. В тот же период Иван Васильевич становится членом Вольного экономического общества и вскоре председателем его политико-экономического комитета.

Позднее, в 1868 г., из-за болезни отца семья Вернадских переезжает в Харьков. Владимир Иванович писал: «Удар с отцом совершенно разбил его жизнь, и я никогда не видел его вполне здоровым, это, очевидно, имело влия-

ние на всю мою будущность» [4, с. 19]. В Харькове И.В. Вернадский получает место директора харьковской конторы Государственного банка: «Жили мы хорошо, богато, все наши желания – детей – исполнялись очень скоро и даже слишком; никаких неприятностей нам испытывать не пришлось», – писал невесте Владимир Иванович [4, с. 30].

Важно отметить, что заметной чертой семьи Вернадских было резкое, критическое отношение к «барству». Владимир Иванович пишет, что до И.В. Вернадского их семья не была богатой, и все, что приобретено, приобретено его отцом, «но с тех пор как я себя помню я жил в довольстве и даже гораздо большем чем следовало»; однако, он отмечает – «наряду с этим никаких замашек барства у нас не было, их не любил и страшно на них нападал мой отец, их не любила, да и не любит моя мать» [4, с. 22].

Стоит отметить, что отношения В.И. Вернадского со своей матерью он характеризует как – «довольно странные и во всяком случае ненормальные» [4, с. 22]. Она родилась в Киеве в 1837 г., в помещичьей семье. Её отец «А.П. Константинович – генерал, губернатор одной из южных провинций» [5, с. 21]. Вернадский о нем писал – «Её отец артиллерийский генерал – был служака, но человек хороший, судя по рассказам, оригинальный тип старого малорусского казачества». [4, с. 22]. После смерти отца в её большой семье возникают материальные трудности, и она поступает в Институт благородных девиц. Владимир Иванович вспоминает, «там пробыла не долго, обладая большими музыкальными способностями и чрезвычайно сильным голосом, она хотела поступить на сцену, но этому воспротивилась её мать» [4, с. 22]. Приехав в Петербург, она стала давать частные уроки, петь в хоре М.А. Балакирева, и в итоге познакомилась с отцом В.И. Вернадского. «Они любили друг друга чрезвычайно, я не помню никогда, чтобы между ними происходила ссора, да, кажется, её и не было никогда», – вспоминает Владимир Иванович. [4, с. 22]. Стоит также обратить внимание, что её родной дядя – Н.И. Гулак принимал актив-

ное участие в создании тайного украинского общества – «Кирилло-Мефодиевского общества», возглавляли которое Т.Г. Шевченко и Н.И. Костомаров, за что он в дальнейшем был подвергнут заключению и ссылке и в итоге был вынужден жить за пределами Украины [6, с. 21].

Тема «барства» всплывает еще не раз в воспоминаниях В.И. Вернадского; рассказывая невесте о своей няне, которая, по его словам, имела на него сильное влияние, он пишет: «Ей я обязан и резким порицанием барства, которое она очень не любила, впервые узнал про освобождение крепостных и помню в детстве её выговоры, (...): «Что ты это, теперь нет крепостных, нет бар – все люди» и т. п.» [4, с. 25]. Владимир Иванович не раз отмечает особое значение этих слов, услышанных именно в детском возрасте: «В эти первые детские годы, все запечатлевается очень сильно, и я думаю, что эти слова, выражение которых не помню, но которые были резче и сильнее, действовали очень и очень сильно», [4, с. 25]. Стоит отметить, что у самих Вернадских (у отца) никогда не было крепостных крестьян, и единожды получив их по наследству от первой жены, вместе с имением, «он их тогда же и освободил», вспоминает В.И. Вернадский.

Первая жена И.В. Вернадского была Мария Николаевна Вернадская (урожденная Шигаева) (1831–1860). Она получила прекрасное образование, знала иностранные языки и сотрудничала с журналом «Экономический указатель», переводила статьи иностранных авторов по политэкономии, поднимала актуальные экономические вопросы, затрагивала проблемы женского равноправия. Она была первая русская женщина-экономист. После ее смерти И.В. Вернадский издал том ее сочинений под названием «Собрание сочинений покойной М.Н. Вернадской, урожденной Шигаевой» (1862).

Возвращаясь к проблеме формирования самосознания Владимира Ивановича Вернадского и роли его отца в ней, стоит упомянуть, одно из интересных и важных детских воспоминаний Вернадского, которым он делится со своей невестой. Это – библиотека И.В.

Вернадского. В.И. Вернадский пишет в связи с этим: «Я рано набросился на книги и читал с жадностью все, что попадалось под руку, постоянно роясь и перерывая книги в библиотеке отца», [4, с. 30]. Любимыми книгами были книги по географии, греческой истории, художественная литература. «Главное дала домашняя жизнь – десятки журналов, русских и иностранных, которые выписывал отец», – напишет позднее В.И. Вернадский в «Страницах автобиографии». «Книг было очень много у меня и у сестер (Ольга Ивановна и Екатерина Ивановна Вернадские), с которыми я жил не очень дружно. Характеры у нас были разные, я был больше флегматик (вскоре, однако, переменялся), они – живые, бойкие девчонки, ужасно балованные» [4, с. 30]. Кроме сестер, которые родились в 1864 г. и были немногим младше, у Вернадского был сводный брат Николай Иванович Вернадский, родившийся в 1851 г., сын И.В. Вернадского и М.Н. Шигаевой (первой жены И.В. Вернадского). Он окончил Харьковский университет и оказал немалое влияние на своего брата в его детском возрасте. Владимир Иванович Вернадский вспоминает о тех годах так: «Самыми светлыми минутами представляются мне в это время те книги и мысли, какие ими вызывались, и разговоры с отцом и с моим двоюродным дядей Е.М. Короленко, помнится также сильное влияние, дружбы с моим старшим братом» [4, с. 30]. Однако в 1874 г. талантливый, подававший большие надежды брат В.И. Вернадского умирает от наследственной болезни почек. Семья тяжело переживает потерю, Владимир Иванович, которому тогда было одиннадцать лет, пытается осмыслить её и начинает свои записи – «Мои воспоминания и заметки 1874 г.» [9, с. 9].

Возвращаясь к теме детских воспоминаний, стоит указать на важность влияния на Вернадского разговоров его отца со своими друзьями и знакомыми. В письмах к невесте Владимир Иванович вспоминает: «я присутствовал при всех разговорах отца, очень любил слушать их, притаившись где-нибудь в уголке» [4, с. 30]. Но особо ему запомнился

разговор его отца с проректором Харьковского университета, русским юристом Д.И. Каченовским. «Отец с Каченовским ходили по большой комнате и говорили о гарибальдийцах и франко-немецкой войне, которой я интересовался...Вдруг отец меня позвал и сказал Каченовскому: «Мой отец думал, что я доживу до конституции, но я этого не думаю, но уверен, что Володя будет жить в свободной стране»» [7, с. 17]. Как видно из воспоминаний, эти слова Владимир Иванович запомнит на всю жизнь.

Кроме друзей и знакомых отца, к Вернадским приезжали и родственники, и одним из ключевых в формировании самосознания личности В.И. Вернадского был его двоюродный дядя Е.М. Короленко. В переписке с невестой Владимир Иванович напишет: «Особенно сильное развивающее влияние на меня в это время имели разговоры со стариком дядей Короленко» [4, с. 31]. По воспоминаниям Вернадского, он часто и надолго приезжал к ним в гости из Петербурга. Владимир Иванович дает ему интересную противоречивую характеристику, отражающую незаурядный характер личности Е.М. Короленко: «Это был оригинальный и довольно сильный человек. Самолюбивый в высшей степени, остроумный и обидчивый, он в то же время был человеком глубокой доброты; он сохранил привычки александровских времен, хотя был еще очень молодым, когда умер Александр; он был самых либеральных убеждений, но в то же самое время, был эгоистом и *bon vivant*» [4, с. 31]. Владимир Иванович с детских лет запомнит, о чем любил рассказывать ему его дядя, вспоминая о восстании декабристов, как он вместе с другими пажами, с которыми служил, бежал на площадь и их поймали и заперли в карцере. О том, как он говорил: «что никак не понимает, как можно было давать сжигать себя, как хотя бы Гус или Джордано Бруно. Он ставил обыкновенно в пример Вольтера и признавался, что если бы к нему пристали попы, он двадцать раз перецелует крест, а не даст себя сжарить» [4, с. 31]. Также запомнил и его скептическое отношения к социализму, но в то же время глу-

боее уважение к Герцену и Огареву. Своим первым знакомством с эмигрантами Вернадский также будет обязан ему. Немаловажно и то, что дедом Евграфа Максимовича Короленко и Ивана Васильевича Вернадского, отца В.И.Вернадского, был Яков Короленко, который также являлся дедом писателя Владимира Галактионовича Короленко [5, с. 19]. Таким образом, Владимир Иванович Вернадский и Владимир Галактионович Короленко – троюродные братья.

Владимир Иванович с удовольствием и больше, чем о других, напишет своей невесте Н.Е. Старицкой о своем двоюродном дяде, что свидетельствует о большом интересе Вернадского к оригинальной, многосторонней личности Е.М. Короленко, из общения с которым он многое сумел выделить и запомнить для себя на всю жизнь.

Например, Владимир Иванович Вернадский напишет своей невесте о том, как был свидетелем конфликта между Е.М. Короленко и своим двоюродным братом: «Дело было после одной из историй конца 70-х годов, и мой родственник высказывался в том смысле, что так и надо вешать и что если бы он мог, то он сам бы пошел etc. Старик вспылил (ему было тогда под 70 лет), я никогда не видел и не представлял его таким, он чуть не выгнал его. Если так рассуждают молодые, так что же говорить нам, старикам, сказал он. Я, говорит, уже близок к могиле, вижу, что почти ничего из того, чем я жил, для чего жил, не сделано, что все больше и больше совершается гадостей, будь я моложе, я сам бы пошел и силой стал бы добиваться лучшего. Так идите донесите на меня. А с рабом царя я знаться не хочу etc. Родственник этот больше у нас не бывал, но старик долго не мог успокоиться» [4, с. 31].

Анализируя свое общение с Короленко, Вернадский напишет: «Никогда не забуду я того влияния и того значения, какое имел для меня этот старик в первые годы моей умственной жизни, и мне иногда кажется, что не только за себя, но и за него я должен работать, что не только моя, но и его жизнь останется даром прожитой, если я ничего не сделаю» [4, с. 32].

Подводя итоги и делая выводы, нужно сказать, что Владимир Иванович Вернадский вырос в хорошо образованной, либеральной семье. Она оказала немалое влияние на формирование его либерального самосознания, дав ему возможность опереться на семейные ценности, предания и опыт предшествующих поколений, заключенный в них. Он с детства попал в среду широких научных и общественных интересов. Его семью заметно отличало критическое отношение к крепостному праву, неприятие «барских замашек», стремление к образованию. Он ясно ощущал свою связь с прошлыми поколениями своих предков, мог увидеть общие цели и задачи, связывающие их между собой. Остро чувствовал свою ответственность не только перед собой, но и перед ними.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: Макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. – М., 2010.
2. Буковский Е.М. Родословная В.И. Вернадского // Вопросы современной науки и практики. № 1 (11). – Т.1.
3. Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия В.И. Вернадского. № 8. – М., 1990.
4. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. Т.1. 1886 – 1889. – М., 1988.
5. Леонова Л.С. «Я не могу уйти в одну науку...». – СПб., 2000.
6. Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский (1863 – 1945). – М., 1982.
7. Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – М.: Наука, 1981.
8. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. – М., 1961.
9. Яншина Ф.Т. Развитие философских представлений В.И. Вернадского. – М., 1999.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 271.2:75.052

Андреева А.В.

*Санкт-Петербургский государственный
гуманитарный университет профсоюзов*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКОВНОЙ ФРЕСКЕ. ВВЕДЕНИЕ ИМЕН ХУДОЖНИКОВ-МОНУМЕНТАЛИСТОВ В КРУГ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

A. Andreeva

*St. Petersburg Humanitarian University
of Trade Unions*

THE HISTORICAL ASPECT OF TRADITION AND INNOVATION IN CONTEMPORARY CHURCH FRESCO. INTRODUCTION OF MONUMENTAL ARTISTS' NAMES INTO ART HISTORY

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса формирования православного искусства в ходе исторических преобразований и тенденций развития традиции и новаторства в современной церковной фреске. Изучен путь осмысления канона, как основы правил исполнения монументальной живописи, художником А.В. Артемьевым и его современниками, работающими в древнерусском направлении допетровской эпохи, европейской парсуны, на примере храмов Москвы. Выявлено сочетание новаторской теории с каноническими традициями церковной монументальной живописи в утверждении своего авторского стиля в рамках канонических правил и формулировок, которые необходимы для передачи событий св. Евангелия.

Ключевые слова: искусство, искусствоведение, фреска, символ, свет, архитектура, пространственный образ, композиция, творческий замысел, идея, художник, пространство, среда, творчество.

Abstract. The article is devoted to the process of the Orthodox Art formation during the historical changes in tradition development and innovation in contemporary church fresco. On the example of Moscow churches the author studies the history of the Canon comprehension, through the way the artist A.V. Artemiev and his contemporaries (followers of the Old Russian school of painting - before Peter I period, European easel portrait painting) made it the basis of the rules of the monumental oil painting. The article describes the combination of innovative theories with the canonical tradition of monumental ecclesiastical painting which is important for the author's style development within the canonical rules and formulations. The author states such combination is necessary for depicting the events described in the Gospel.

Key words: art, art history, fresco, symbol, light, architecture, spatial image, composition, creative concept, idea, artist, space, social environment, creative activity.

Вяения нового пути в московском храмовом искусстве обусловлено историческими преобразованиями в современной России. Реалии перехода нашей страны к демократическим преобразованиям подтолкнули, уже начиная с 80-х гг. прошлого века, к поискам древнерусского стиля в современной религиозной живописи.

Современные мастера церковной фрески являются наследниками богатой многовековой традиции монументальной живописи, в которой сплелись различные стили и школы русского церковного искусства. В свете такого многообразия считаем необходимым в раскрытии темы статьи определить понятие собственно древнерусского канона.

Как известно, в конце X в. искусство Киевской Руси получает новый источник для своего развития, происходит культурный сдвиг в сторону христианства, принятого в качестве государственной религии. Это способствовало освоению новых технологий каменного строительства и развитию искусства фрески.

В сложной системе храмовой росписи нашли отражение основополагающие идеи христианства. В то же время для передачи в монументальной живописи различных сюжетов и тем существовали обязательные правила и нормы – иконография, основанная на каноне, которому должны были следовать художники строгим образом. В период расцвета культура Византии была настолько передовая, осмысленно, стремительно и динамично развивающаяся, что она смогла в религиозной живописи произвести все основы иконографии и зафиксировать их на стенах храмов. Византийские храмы изначально были украшены мозаиками, на смену им пришла фреска, которая быстро распространилась из-за ее относительной рентабельности и возможных вариантов исполнения. Росписи располагаются рядами один за другим, образуя единые фризы, наложения пространств, смыслов и переходов от одного к другому. Такой круговорот способен скрывать архитектуру, создавая внушительный объем необычайно притягательным.

В целом древнерусский канон во многом был основан на византийской традиции, и в

первые X-XI вв. христианства на Руси монументальная живопись имела ряд подобных характерных черт. Это и строгость линии, некоторая тяжеловесность упрощенных форм, крупные черты складок, ликов, в которых отражается трагизм, монументальное величие и сдержанность.

В первые моменты своего существования, как отмечает ряд учёных, русская живопись была, по сути, простой ветвью искусства Византии [6]. Но в дальнейшем византийская традиция всё более эллинизировалась, уходя в сторону античного искусства, а древнерусская религиозная живопись получала свою особенную специфику на богатом своеобразии национальной культуры, передавая в образном ряде многозначность и многоплановость окружающей действительности.

В плане хронологии необходимо подчеркнуть, что древнерусская монументальная живопись в процессе развития прошла несколько этапов. Первый этап – это X-XI вв., начиная с принятия христианства. В этот период памятники русской монументальной живописи свидетельствуют, что искусство той поры ещё далеко не в той мере условно и отвлечённо, каким оно станет в период феодализации общества. Ещё появляются эллинистические тенденции, нередко портретные изображения, наделённые острой эмоционально-психологической характеристикой [4]. Художники стремятся придать объёмность человеческой фигуре, не лишённой элементов движения.

Второй этап – это искусство (XII-XIII вв.) Этот период отражает реалии феодального строя с условным изобразительным направлением и церковно-схоластическим мировоззрением. В памятниках начала XII в. формируется новый стиль нарочитой условности и отвлечённости образов, не ставится задача отобразить реальную действительность, наоборот, реальные явления преобразуются в условные символические схемы, что влияет на новые изобразительные средства [4, с. 5].

Художник как бы не знает законов прямой перспективы, развивается принцип обратной перспективы, действие разворачивается

в одной плоскости или в крайне ограниченном пространстве. Такая условность письма должна подчеркивать неземную сущность в облике изображаемых на иконе образов. Для этого они писались плоскими и неподвижными, использовалась особая система изображения пространства, определяемая как обратная перспектива, и специфические временные отношения, характеризующиеся как вневременные изображения.

Итак, человеческие фигуры и объёмные предметы даются лишь в двух измерениях, окружены одноцветным фоном. Всё изображается в состоянии неподвижности, бесстрастно в эмоциональном плане, с утраченными индивидуальными особенностями. Фигуры отличаются эпическим спокойствием, каноническими позами.

Наконец, заключительный этап XIV-XVIII характеризуется по сравнению с предыдущими периодами гораздо большей свободой, более ярко выраженным стремлением к раскрытию канонического образа с эмоциональной стороны, в ракурсе выражения его сложной психической составляющей. Природа уже передаётся не схематично, но приближённо к реалистическому изображению, при этом пейзаж становится частью сюжета в композиции вместе с людьми и подчёркивает динамику содержания. Человеческие фигуры, несколько удлинённые по пропорциям, предстают в сложных движениях, поворотах, в сильном действии, доходящим до острого гротеска.

Представленные сложные повествовательные литературные мотивы и сюжеты в значительной степени расширяют предшествующий канонизированный выбор иконографической тематики. Хотя пространство остаётся условным, а трактовка человеческой фигуры – в основном плоскостная, но художники привносят сложные элементы выражения эмоционального состояния действующих лиц. Религиозные сюжеты интерпретируются менее торжественно, иератично, становятся проще, интимнее, приближаясь к обыденному, что во многом навеяно европейскими тенденциями эпохи Возрождения.

Наконец, после XVIII в. в церковной росписи заметно усиливаются секуляризационные тенденции, придавая храмовой фреске более светский характер, чем религиозный.

В целом фреска была рассчитана на восприятие издали, поэтому этот вид живописного искусства, как и мозаика, отличается монументальностью формы, обобщённостью трактовки и отсутствием мелкой детализации.

Считается, что традиции церковного искусства – это плод соборной жизни Церкви от начала и до наших дней. При этом консервативность как некая неотъемлемая часть традиционного подхода должна восприниматься не отрицательным явлением, а очень осторожным духовным подходом к любым нововведениям. В то же время собственно нововведения никогда не отрицаются Церковью. Однако к новациям предъявляются очень высокие требования, в частности: они должны быть богооткровенны. Если мастер на это не способен, по «недостойству» своему, по рассеянности жития, то в силу вступает канон. По сути, художнику следует пользоваться образцами, утверждёнными Церковью, принятыми ею. Необходимо также сказать, что, по мнению многих искусствоведов [5, с. 9], русская монументальная живопись на протяжении своего развития выявляла тенденции к уподоблению фрескового изображения иконному образу.

Копирование древнерусской живописи, создание полных картограмм храмовых росписей можно назвать одним из современных методов сохранения церковной живописи, важным принципом отечественной как реставрационной, так и творческой школы монументальной росписи.

Современный иконописец или реставратор, в отличие от художников прошлого, всегда поставлен в ситуацию выбора, результатом которого должен быть творческий метод, основанный на традициях или, напротив, новаторский в смысле техники или формальной стороны исполнения образов. «В традициях сохраняется наидревнейший первичный опыт духовно-практического ос-

воения мира, включая и сохранение в своеобразных формах знаний исчезнувших цивилизаций» [1, с. 397].

Инструментом этого достаточно сложного выбора для современного иконописца по канону должно стать нравственное чувство. Причем понятие «нравственности» для иконописца должно основываться не на свободных душевных интуициях, а на соборном духовном опыте Церкви. В этом случае любой творческий метод, выбранный художником, не будет препятствовать созданию настоящей иконы.

Канон включает в себя принципы обратной перспективы, иконографические формулы и символику света. В современном церковном искусстве можно назвать не так много имён тех, кто следует чётко древнерусскому канону. Так, о. Зинов следует в своем творчестве, как и многие его последователи, точному стилевому единству с церковным искусством X-XIII вв. Другой художник, о котором считаем необходимым сказать, – это монументалист Алексей Валерьевич Артемьев.

А.В. Артемьев в 1957 г. окончил Строгановское художественное училище, а в 1961 стал членом Союза художников [3]. В конце 1960-х гг. он активно участвовал в общественном движении за сохранение культурного наследия. А в 1970 - 1980-х гг. в Комбинате монументально-декоративного искусства Союза художников А.В. Артемьев вместе с супругой, художницей И.А. Бочковой и художницей Н.Н. Шабалиной по благословиению архимандрита Кирилла организовали православный семинар, который сыграл заметную роль в общественной жизни Москвы, хотя и не получил широкой огласки. Каждую неделю в течение примерно 7 лет там читались лекции по святоотеческой литературе, церковной культуре и истории, на которые приглашались писатели и историки, такие, как М.Ф. Антонов, В.Н. Сергеев, В.И. Карпец, П.Г. Паламарчук, А.И. Рогов, В.В. Нарциссов, Н.К. Гаврюшин, С.С. Аверинцев, протоиерей Лев Лебедев и Александр Марченко. Также А.В. Артемьев входит в искусствоведческую ко-

миссию при Епархиальном совете г. Москвы, которая непосредственно дает рекомендации о соблюдении технического и канонического исполнения стенописи в Московских храмах.

В течение своей жизни, начиная с 1958 г., А.В. Артемьев занимался церковной живописью, им расписаны многие храмы Москвы и Подмосковья. В частности, он участвовал в воссоздании живописи храма Христа Спасителя. В течение 10 лет художник был занят в работах по реставрации Церкви «Большое Вознесение» у Никитских ворот в Москве. Также он выполнял росписи храма-часовни Святого Великомученика и Целителя Пантелеймона вместе с бригадой Б.А. Алексеева; тогда использовались традиции именно древнерусской иконописи XII-XIV вв. Владимирской школы с отголосками Московской школы, так горячо любимой, близкой Борису Алексееву. В росписях московских храмов он воплощает стилистику древнерусской традиции, в которой практически нет орнаментов, и храм, как единое полотно, заполнен содержанием, сюжетами, умозрительными переходами и сложносочиненной вариативностью.

В 1980-е гг. А.В. Артемьев читал лекции с демонстрацией слайдов по церковному искусству и истории на крупных предприятиях Москвы и в Домах культуры, которые вызывали бурную реакцию собравшихся. На вечере Патриотического историко-литературного объединения «Память» 4 октября 1985 г. были впервые показаны для огромной аудитории сохраненные художником кадры разрушения храма Христа Спасителя, и тогда в первый раз прозвучало требование восстановить святыню.

А.В. Артемьев награжден церковными наградами: Орденом св. Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского 3-й степени и медалью Академии Художеств по воссозданию живописи храма Христа Спасителя. В 2002 г. выдвинут на получение премии Управления культуры Москвы за работу по восстановлению храма «Большое Вознесение».

Выбор нами работ именно этого художника связан с тем, что А.В. Артемьев спец-

и физическим образом сочетает новаторскую теорию с каноническими традициями церковной монументальной живописи. Так, в частности, он говорит, что иконописный образ неотделим от художественных качеств его формы, и в этой своей неотделимости он ничем не отличается от любого художественного произведения. В данном случае, художник отходит от традиционных точек зрения, например, П. Флоренского, считающего, что церковная живопись и светская – очень разные сущности. А.В. Артемьев, наоборот, пишет: «Только овладение общими законами изобразительного искусства, развитие художественного мышления, пространственного видения, чувства пропорций, понимание совершенства формы, цветовых гармоний и т. п. может вывести, в конце концов, иконопись на путь сотворения иконописного Образа, позволит выработать живой, внятный язык современной иконы» [2, с. 146].

При этом художник утверждает, что понятие «канонического стиля» по своей сути ложно, так как канон складывается, по его мнению, из двух взаимопроникающих сущностей – эстетической и богословской или, с другой стороны, зрительно-живописной и словесно-мыслительной. Первая ипостась проявляется в художественной системе, вторая – в иконографии. Таким образом, по А.В. Артемьеву, каноничность – это взаимодействие обеих сущностей, но при их механическом соединении получается только имитация канона, стилизованная иллюстрация. В то время как должна быть живая традиция, а не мёртвый канонический стиль. В целом А.В. Артемьев видит высокую духовную задачу иконописи в том, чтобы плотское начало живописи преодолеть и, в конечном счёте, «обожить» [2, с. 147].

В частности, он следует древнерусскому канону XII-XIII вв. Например, создаваемые им купольные росписи в церкви Вознесения Господня (Малое Вознесение) на Большой Никитской сохраняют неподвижность и бесстрастность в эмоциональном плане. Персонажи статичны в своих переживаниях, несколько схематичны и условны, не снабжены

большим набором индивидуальных черт, но максимально приближены к каноническим иконографическим традициям. В частности, в скуфье купола, символизирующей небесную сферу, помещено изображение Христа Пантократора.

Подчёркнутая структурность формы, которая словно имеет грани, а также выбор иконографии с изображением фигуры условно до линии ключиц, без рук и Евангелия, концентрирует всё внимание на представленном крупным планом лице – это также связано с древнерусской традицией монументальной живописи XII вв.

В то же время художник привносит в изображение ряд новаторских тенденций, в частности, лица не плоскостные, а рельефны за счёт оттенения лобовых частей и скул под глазами. Но собственно губы и подбородок сохранены в каноническом типе изображения, также как и носовые части. Справа от лица в композиции добавлено изображение десницы господней, выполненной также в русле древнерусской традиции XII – XIII вв. Живописная манера отличается плавными градациями тонов и мягкой палитрой с преобладанием коричневых тонов. Фигурам не свойственны угловатые ракурсы и стремительные движения, скорее некая неподвижность, подобная фрескам XII в. Про характер образов А.В. Артемьева можно сказать, что они производят впечатление объективных, правильных. По сути, у молящегося не возникает ощущения чего-то лишнего и чрезмерно аффектированного.

Низ купольной части по углам и все арочные дуги снабжены орнаментами в стиле уже эпохи XIV-XV вв. **Изображения ангелов** имеют чёткий контур, что характерно также для более поздней древнерусской традиции. Четыре евангелиста изображены в статических позах со свитками в руках, фигуры представлены во весь рост. У них однотипные одежды не только в плане изображённых вещей, но и в ракурсе оформления цветом. Головы фигур нарисованы в почтительном полупоклоне, лица в профиль, нет подчёркнутой экспрессивности.

Следует отметить, что живопись в этом храме современна – XIX в., скорее всего именно итальянские мастера работали там и расписывали купольную часть. Архитектура храма соотносится со стилем европейского классицизма, однако есть ряд элементов, который уводит от этого в область именно русских традиций – храм живой, в нём есть арки, приходящие не туда, куда положено по классицистическому стилю, карнизы, обрывающиеся не там, где следует по структуре.

В храме Утоли мои печали в Марьино фрески А.В. Артемьева и само решение храма новаторское, сочетает в себе и домонгольский период, и современную стилизацию орнаментов, такой подход сравним с росписями храма Георгия Победоносца на Поклонной Горе Б.А. Алексеева, где также была применена методика усиления монументальной конструктивности живописи, преобразующей архитектуру в единое лаконичное пространство.

Собственно, А.В. Артемьев демонстрирует мастерство во владении широким диапазоном разных стилистических направленностей. В зависимости от заказа настоятелей он создаёт изображения по канону древнерусской монументальной живописи разных периодов, византийские фрески, росписи с добавлением элементов светской живописи. При этом его живопись не отличается скоростью и темпераментом, здесь нет каких-либо случайных или поверхностно эффектных моментов. Следует сказать, что манера его рисунка раскрывает позицию вдумчивого и серьезного художника.

В надписях Артемьев следует классическому принципу, использующемуся не только в средневековой древнерусской иконописи, но и во всей мировой культуре, в соответствии с которым устойчивые вертикали сочетаются с легкими воздушными горизонталями в неравнозначном соотношении.

Можно сказать, что А.В. Артемьев в общем стремится к некоторой нивелировке индивидуалистических черт в своем творчестве, недопустимых в иконописи откровенных душевных движений, чувственности, но при этом не ставит задачи полностью избавиться

от проявления личностного начала. В росписях все продумано до последнего штриха. В композициях А.В. Артемьева нет случайных мазков, всё продуманно и подчинено общему замыслу.

Реставрируя храмовые росписи, художник стремится восстановить, воссоздать подлинник, внося как можно меньше индивидуального, своего. Касательно материалов при создании фрески А.В. Артемьев говорил: «Необходимо учитывать, что при реставрации работы необходимо выполнять в строгом соответствии с оригинальной техникой ее исполнения и теми же материалами. При строительстве нового храма из бетона необходимо работать акриловыми или силикатными красками, фреска здесь уже исключается. Благоприятнее всего возводить храм из кирпича, основой для живописи здесь служат цемент и известковая штукатурка» [7, с. 367]. Таким образом, сами материалы и архитектура диктуют художнику живописно стилевое решение. От качества и цельности архитектуры храма зависит правдоподобность современной росписи, а новаторство заключается в техническом исполнительском подходе.

Таким образом, использование художественных средств той или иной традиции в церковной монументальной живописи связано со спецификой и программой росписи конкретно взятого храма или церкви. Если проходит реставрация – то художнику следует не менять ничего во фреске, а только убирать испорченные временем и стихиями места, в то время как росписи новых храмов зависят от заказа и от общей направленности храмовой программы, какому событию или святому посвящена церковь или строительство в целом. Древнерусский канон также по своей природе неоднороден, в нём нашли своё воплощение многовековые традиции, что в наше время создаёт определённые трудности для художников-монументалистов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев А.П., Васильев Г.Г. Краткий философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РГ-Пресс, 2012. – 496 с.

2. Артемьев А.В. Стенопись православных храмов. Сегодняшние проблемы // Проблемы современной церковной живописи. Материалы конференции 6-8 июня, 1996. Московская Духовная Академия. – М. 1997. – С. 145-147.
3. Бехтерева Е., Артемьев А.В. // Словарь русской цивилизации. – М.: 2004-2009.
4. Каргер М.К. Древнерусская монументальная живопись XI – XIV вв. Альбом / Сост. и ред. вст. ст. Каргер М.К. – М-Л., 1964.
5. Лифшиц Л.И. Монументальная живопись Новгорода XIV – XV вв. – М., 1987.
6. Муратов П. Допетровская эпоха // История русского искусства. В 6 томах. Т. 6. Под ред. И.Е. Грабаря. – М., [1910]-[1913].
7. Шаронова Е. Храмы ждут художников-мастеров. (Интервью с А. В. Артемьевым) // Искусство. 2007. Сентябрь № 18 (367).

УДК 93/94

Захарова Л.Б.

*Самарская академия государственного
и муниципального управления*

МОРАЛЬНАЯ ЦЕНА КОНФЛИКТА ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ В РОССИИ В 1920-е гг.

L. Zakharova

Samara Academy of State and Municipal Administration

THE MORAL PRICE OF CONFLICT BETWEEN THE POWER AND THE CHURCH IN RUSSIA IN THE 1920's

Аннотация. Статья анализирует весьма важную и актуальную в истории российского общества советского периода проблему взаимоотношений государственной власти и Русской Православной Церкви и ее отражение в общественном сознании и моральных оценках представителей духовенства и простых граждан. Исследование уделяет внимание нравственным оценкам в глазах общества политики государственной власти по отношению к Русской Православной Церкви в 1920-е гг., рассматривает содержание писем в различные государственные инстанции как священнослужителей, так и светских граждан, а также отношение общества в целом к борьбе с церковью и антирелигиозной пропаганде.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Россия в 1920-е годы, религия, духовенство, общество, мораль.

Abstract. The article examines a very important and topical problem in the Soviet period history of the Russian society: the problem of relations between the government and the Russian Orthodox Church; as well as the way it was reflected in the public consciousness and the assessments that gave the clergy and ordinary citizens. The research is focused on the society's moral judgments of the government policy towards the Russian Orthodox Church in 1920's. The article considers the content of both the clergy's letters and the letters of secular people to various bodies of state authority, as well as the attitude of the whole society to the fight against the church and to the anti-religious propaganda.

Key words: Russian Orthodox Church, Russia in the 1920's, the religion, clergy, society, morality.

Исходной точкой, обозначившей отношение Советской власти к религии, стал Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданный 23 января 1918 г.¹ Этот нормативно-правовой акт, принятый СНК РСФСР, имел конституционное значение и устанавливал светский характер государственной власти. Содержание религиозной политики Советского государства отражено в основных статьях Декрета о запрете религиозных об-

© Захарова Л.Б., 2012.

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

рядов и церемоний при совершении государственных или иных публично-правовых общественных действий, а также о запрете преподавания религии: «школа как государственное образовательное учреждение отделяется от церкви». Данным Декретом было отменено право собственности у церкви и религиозных обществ, недопущение для них прав юридического лица: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием». Это положение Декрета стало в 1921 г. юридическим основанием изъятия ценностей Русской Православной церкви во время голода в Поволжье.

Накануне опубликования Декрета, 19 января 1918 г. патриарх Тихон в своем соборном послании провозгласил анафему тем, кто развязал в России террор и кровавую смуту, расколовшую страну на два лагеря: «Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафемствуем вас, если только... хотя по рождению своему принадлежите к церкви Православной...» [6, с. 52]. Это послание патриарха Тихона, Декрет об отделении Церкви от государства, вся последующая политика Советской власти в отношении Церкви – стали началом неразрешимого и жестокого тройного конфликта в обществе: во-первых, государства по отношению к Русской Православной Церкви; во-вторых, реформаторского раскола внутри самой Русской Православной Церкви, разделившего ее на «тихоновцев» и «обновленцев» – приверженцев патриарха Тихона и традиционной Церкви и сторонников новой обновленческой «живой церкви»; в-третьих, властей по отношению к народу как хранителю и почитателю православных святынь, обычаев и традиций.

Интересно и чрезвычайно важно для исторической объективности рассмотреть отношение самого народа к религии и к государству как к силе, непосредственно влияющей на него. Проследить это отношение можно в письмах, адресованных различным властным структурам.

Верующие чутко реагировали на кризисные внутрицерковные процессы. Об этом, в

частности, свидетельствует жалоба дьякона села Тагина Сергачского уезда Нижегородской губернии Хитровского на имя Ленина от 10 сентября 1918 г.: «Ведь и мы тоже люди, а не какая-нибудь скотина, ведь и мы тоже теперь имеем право называться свободными гражданами. Но нет, нас все гнут и гнут наши духовные верхи»¹. Другой ипостасью внутрицерковного конфликта стало усиление давления на прихожан со стороны церковных властей. Особенно эти противоречия обострились в связи с «обновленчеством», поддержанным властью. Запрос прихожан села Максимовки Тамбовской губернии во ВЦИК от 25 апреля 1923 г. направлен против укрепления духовенством своей власти над верующими: «Союз духовенства принялся укреплять свою духовную власть над верующими гражданами и действительно укрепляет ее прочнее, чем при царизме. Священники по приходам ставят себя полновластными хозяевами в приходской общине, священник церковно-приходскими делами управляет единолично по своему усмотрению». Выход из создавшегося положения эта группа прихожан видит, прежде всего, во вмешательстве властей: «Мы, верующие граждане, находим такое положение неправильным и просим Государственную власть оказать нам содействие к достижению духовного раскрепощения верующих граждан от поповского засилья. Мы, приходская община, должны иметь законное право сами для себя выбирать священнослужителей, независимо от церковной власти группы «живой церкви», и что должно быть проведено в законодательном порядке Государственной властью. Тогда только верующие граждане будут иметь возможность достигнуть полной духовной свободы»². Таким образом, верующие граждане понятие «нравственная свобода» ставят выше церковной власти и, апеллируя к государству, требуют ожидаемой духовной свободы.

Массу писем в различные инстанции вызывало как нарушение церковного законода-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 60. Л. 199.

² ГАРФ. Ф. 353. Оп. 6. Д. 26. Л. 31-32.

тельства, так и практика его применения. Так, письмо членов Совета религиозных общин и групп наркому юстиции Д.И. Курскому от 4 января 1920 г. свидетельствует об участившихся фактах заключения в концлагерь, принудительной отправки на фронт в штрафные роты и расстрелов лиц, подавших согласно декрету СНК от 4 января 1919 г. заявления в суд о неприемлемости для них военной службы по религиозным убеждениям¹. Верующие религиозной общины города Костромы в своем заявлении в Совнарком от 22 февраля 1920 г. протестуют против насильственного закрытия храмов: «Пора же, наконец, и на местах лицам, заведующим отделами по отделению Церкви от Государства, понять, что физическое стеснение в религиозной области ведет не вперед, не к лучшей жизни, а возвращает назад, к диким временам»².

Как свидетельствуют архивные источники, волна массовых репрессий Советского государства против священнослужителей и верующих мирян прокатилась после выхода известного постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [4, с. 103]. Это постановление лишало религиозные объединения и избираемые ими органы юридических прав.

Среди материалов фонда «Помощь политическим заключенным» (Ф. 8409), хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), находятся письма пострадавших от действий властей священников, их родных с различными просьбами (о ходатайстве перед вышестоящими органами власти о пересмотре приговоров, перемене места ссылки и проч.) к Е.П. Пешковой [1] и возглавлявшейся ею организации «Помощь политическим заключенным».

Документальные материалы фонда «Помощь политическим заключенным» дают возможность проследить судьбы священников и мирян, подвергшихся в 1920-1930-е гг. репрессиям со стороны советского государства – тюремному заключению, ссылкам и расстрелам [5, с. 241-266]. Ряд документов свидетельствует

об арестах священников, произведенных без предъявления каких-либо обвинений, и задержании их на несколько месяцев без проведения допросов, об их подорванном во время ссылки здоровье. В письмах подробно и четко излагаются и опровергаются предъявленные обвинения, и все они типичны: сколачивание церковного «актива», пропаганда против коммунистической партии, контакты со священниками, пропаганда религии в школе.

Приведем для иллюстративности три письма в организацию «Помощь политическим заключенным». Одно из них – письмо ссыльного протоиерея Медведкова Пантелеймона Илиодоровича от 25 декабря 1930 года: «...Я протоиерей, до 1920 г. состоял преподавателем семинарии, а с этого времени состоял настоятелем приходской Церкви в селе Ново-Григорьевке Мелитопольского округа. В ночь на 30 января 1930 г. я был арестован Мелитоп[ольским] Окр[ужным] ГПУ, заключен в ДОПР и по суду Харьковской Тройки ОГПУ СССР отправлен в ссылку на 3 года в Сев. Край и сейчас проживаю в г. Пинега Арх[ангельского] Окр[уга], состоя на укладке реек на дрова при местном лесозаводе «Лесосвет», с заработком 30 коп. в сутки»³.

Второе письмо – административно-высланного Зиновия Спиридоновича Флорова от 14 февраля 1931 г.: «Прошение. Простите меня, что я вынужден, при всех Ваших многочисленных трудах, утомить Ваше внимание своею просьбою. Я – бывший священник – протоиерей села Елховки Средне-Волжского края (бывшего Самарского округа). Постановлением особой Коллегии Самарского Краевого ОГПУ от 1/IV-30 г. я административно осужден по ст.58 УК к высылке на Урал на 5 лет, а Уральским П.П.О.Г.П.У. водворен на жительство в село Обдорск Тобольского округа.

...До водворения меня в Обдорск я 6 месяцев был в домах заключения – Самарском, Челябинском, Свердловском и Тобольском; наказание несу совершенно невинно: мне ли, 70-летнему старику, стоящему одной ногой в могиле, имеющему на плечах голову и некоторую житейскую опытность, дойти до та-

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 286. Л. 188-189.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 287. Л. 69-69 об.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 576. Л. 101.

кой наивности, чтобы заниматься агитацией (я обвиняюсь в агитации против Соввласти и колхозн[ого] движения); никто из моих бывших прихожан этого не скажет. Мой вопрос, при допросе меня в ОГПУ: «когда, где и в какой форме выражалась моя агитация» – остался без ответа. Что же касается агитации против колхозного движения, то это обвинение должно отпасть уже потому, что вопрос о колхозах в данном селе решался тогда, когда я уже [за] 4 месяца до этого из с. Елховки был (по совету районного уполномоченного ОГПУ) и жил в г. Самаре у своей дочери. Вина моя только в том, что я – священник, прожил в приходе 47 лет, пользовался от прихожан некоторым авторитетом.

Я не стану утомлять Ваше внимание описанием тех несправедливых действий против меня активных работников данного села, некоторые из них за свои перегибы по должности несут наказание в доме заключения, прошу Вас как Председательницу такого гуманного и сострадательного к людскому бедствию учреждения, пожалеть меня, беспомощного и больного старика и, не взирая на классовую сторону, подать свой голос пред Высшею Властью: простить меня и возвратить к моим детям, которые проживают в гор. Самаре, где бы я окончил остаток немногих дней моей жизни...»¹.

Третье приведенное письмо – это ходатайство жены самарского священника Флорова, написанное в январе 1931 г.: «...Но целью моего прошения является не просьба оправдания его или разбора правильности постановления Самарского Краевого ОГПУ, а просьба помиловать его как больного и дряхлого 70-летнего старика. В ночь с 28 на 29 апреля 1930 г. он был отправлен этапом без предварительного медицинского осмотра, а благодаря своему болезненному состоянию он даже не может обходиться без посторонней помощи...

Теперь же около него нет ни родных, ни знакомых, и он совершенно беспомощный, без теплой одежды, заброшен в самый суровый край – Обдорск, на произвол судьбы

и верную гибель. Прошу Вас, обратите свое благосклонное внимание на бедственное положение 70-летнего старика и чем можно, облегчите его положение, и может быть, дадите возможность дожить ему немногие последние дни у своих детей – рабочих и служащих – в городе Самаре. Самара, ул. Фрунзе, 153, кв. 3. А.А. Флорова»². Хочется обратить внимание на то, что в каждом из писем звучит глубокая вера, личное внутреннее достоинство, незапятнанная честь и надежда на справедливость со стороны власти.

Что касается деревни, то многочисленные письма оттуда с прямыми или завуалированными настроениями в пользу религиозной свободы показывали вождям партии, как и местным партийным и советским руководителям, неэффективность усилий по внедрению «социалистического сознания» в толщу крестьянских масс. Такой вывод делает исследователь истории общественного сознания, ментальности советского периода А.Я. Лившин [3, с. 166]. Остается добавить, что к концу 20-х гг., несмотря на активную антирелигиозную агитацию и пропаганду и борьбу с церковью со стороны государства, можно констатировать стойкость обыденных религиозных представлений крестьянского населения, да и всего общества в целом. Другими словами, в широком общественном сознании такие моральные категории, как свобода, совесть, вера, честь, достоинство, – связанные в первую очередь с духовно-религиозными ценностями, – оказались выше и сильнее политических и идеологических веяний и тенденций.

Формируя в общественном сознании коммунистическую мораль, государство пыталось насаждать ее за счет ломки традиционных норм и ценностей, в том числе религиозных святынь, отвергая нравственные устои. Однако с разрушением церквей и православных святынь в обществе не были разрушены основы традиционной морали: «Вся богоборческая эпопея 20-х годов однозначно прочитывается как смена религий, смена сакральных систем, ...коммунистическая идеология в России была новой формой религии» [2, с. 99].

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 263-264.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. Л. 272-272 об.

Итак, в 1920-е гг. Церковь как институт государственной власти – подверглась фактическому разрушению и уничтожению, в то время как Церковь как хранительница православной веры – отстояла свои позиции в духовном самосознании народа, смогла сохранить определенный моральный кодекс, в котором главными нравственными категориями выступают добро, любовь к ближнему, совесть, вера в справедливость и готовность к сочувствию, состраданию, самопожертвованию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Дорогая Екатерина Павловна...» Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920-1936 / Сост. Л. Должанская, И. Осипова. – СПб., 2005. – 448 с.
2. Левкиевская Е. Народ безмолвствует? Советское богоборчество глазами русского крестьянина // Родина. Российский исторический журнал. – 1997, № 8. – С. 96-101.
3. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917-1932 гг. – М., 2010. – 344 с.
4. Милова О.Л. Документальные свидетельства о гонениях на духовенство в СССР в 1929-1931 гг. // Традиции и современность. Научный православный журнал. – 2007, № 6. – С. 103-125.
5. Милова О.Л. Новые страницы в «Книге памяти» пострадавших за веру в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: По материалам фонда Общества «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» // Церковь в истории России. Сб. 5. – М., 2003. – С. 241-266.
6. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. – 511 с.

УДК 37(091)

Родин А.М.

*Педагогическая академия последипломного образования
Московской области*

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» 1929-го В СИСТЕМЕ НАРКОМПРОСА

A. Rodin

Moscow Region Academy of Postgraduate Pedagogical Education

«GREAT TURNING POINT» OF 1929 IN THE SYSTEM OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF EDUCATION

Аннотация. В статье на базе архивных источников освещается кампания по коренному изменению стиля и методов работы органов народного образования РСФСР, начавшаяся в 1929 г. Раскрываются основные направления этой кампании: «чистка аппарата» с заменой руководящих работников Наркомата просвещения и региональных органов народного образования опытными партийными и советскими функционерами; введение новаторских методов работы, за основу которых была взята идея «орабочивания» руководящих органов государства диктатуры пролетариата, изложенная в т. н. политическом завещании В.И. Ленина; всероссийский «культурпоход» – массовое движение по ликвидации безграмотности.

Ключевые слова: просвещение, культура, рабочие активисты, шефская помощь, ликвидация неграмотности, начальное и семилетнее образование.

Abstract. On the basis of the archive documents the author examines the governmental campaign of 1929 to change radically the style and methods of work of the People's Commissariat of Education of the Russian Socialist Federal Soviet Republic. The article describes the main areas of this campaign, such as: «state machinery purge» that meant the replacement of both the people in charge of the People's Commissariat of Education and the local authorities of the public education with the experienced Communist Party and Soviet functionaries. The introduction of the new methods was based on the idea of inculcating more representatives of the working class into the leading body and structures of the state of the proletariat dictatorship ('orabochivanie'). That idea was represented in a so called «Lenin's will»; all-Russian «cultural campaign» - mass movement for liquidation of illiterateness.

Key words: education, culture, working class activists, patron assistance, liquidation of illiteracy, primary and 7-year education.

В мае 1929 г. V Всесоюзный съезд Советов принял пятилетний план экономического и социального развития СССР. Реализация грандиозных замыслов первой пятилетки потребовала коренных изменений в деятельности всех государственных и общественных организаций страны. На укрепление органов народного образования направлялось 350 опытных партийных и советских работников. А.В. Луначарский и все его заместители, за исключением Н.К. Крупской, были уволены. Перед новым наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым была поставлена задача организовать коренную чистку Наркомпроса. Вопрос о способах и методах ее проведения обсуждался на коллегии наркомата 29 сентября 1929 г. Кампанию решили провести в течение трех месяцев широко и открыто, с привлечением к этому делу педагогической общественности и трудовых слоев населения. Коллегия обратилась ко всем органам народного образования и трудовым коллективам с призывом помочь выявить недостатки в деятельности Наркомпроса и его сотрудников.

В октябре – ноябре коллегия заслушала отчеты руководителей подразделений наркомата о их деятельности, провела смотр работы Наркомпроса на учительских конференциях Краснопресненского и Бауманского районов г. Москвы, организовала выезды членов коллегии «в провинцию с докладами и беседами о работе Наркомпроса на рабочих, крестьянских и про-

свещенческих собраниях¹. Беседы о необходимости чистки проводились в Центральном доме крестьянина, сделан доклад по радио, опубликована серия статей в периодической печати.

В ходе чистки значительная часть сотрудников, работавших при А.В. Луначарском, была уволена. На их место подбирались люди, порой очень далекие от народного образования, но способные, по мнению нового руководства, навести твердый пролетарский порядок в системе Наркомпроса. 15 октября 1929 г. Совнарком РСФСР утвердил новый состав коллегии Наркомпроса из 18-ти человек². В изданном по этому поводу приказе наркома говорилось: «...Первоочередной задачей коллегии является всемерное укрепление центрального аппарата Наркомпроса с тем, чтобы в кратчайший срок добиться полного приспособления его к величайшим запросам культурного строительства ...»³. От сотрудников наркомата приказ требовал напряжения всех сил, преданности делу народного просвещения и повышения трудовой дисциплины.

В основу укрепления нового аппарата была положена идея «орабочивания» руководящих органов, т. е. пополнение их передовыми рабочими-выдвиженцами трудовых коллективов. Толкователи этой идеи доказывали, что «орабочивание» аппарата является сталинским развитием ленинской мысли, высказанной в «политическом завещании», о расширении руководящих органов партии и государства за счет лучших представителей рабочего класса. Перенесенный на наркомпросовскую почву, этот замысел реализовался первоначально в виде создания при аппарате Наркомпроса общественного актива из рабочих московских предприятий.

Вопрос «О создании общественного актива из рабочих вокруг аппарата Наркомпроса» обсуждался 17 сентября 1929 г. на заседании коллегии наркомата под председательством

заместителя наркома В.Н. Яковлевой (новый нарком к этому времени еще не был назначен). Коллегия приняла решение об образовании при центральном аппарате Наркомпроса актива из 50-ти рабочих, выделенных для этой цели общезаводскими и фабричными собраниями⁴. Положение и функции рабочего актива определялись специально принятой инструкцией, согласно которой основной задачей актива являлось вовлечение широкой пролетарской общественности в практическую деятельность наркомата, а также пополнение аппарата Наркомпроса новыми кадрами из рабочих-выдвиженцев. Чтобы работа в наркомате не мешала основной производственной деятельности выдвиженцев, для них устанавливался особый, приемлемый график занятости в Наркомпросе. На первых порах рабочий актив призван был заменить сотрудников, уволенных в ходе чистки аппарата Наркомпроса.

Первый практический шаг по «орабочиванию» сделан 28 сентября 1929 г. на совместном собрании работников печатного цеха фабрики «Гознак» и коллегии Наркомпроса РСФСР. Собрание, на которое после рабочей смены осталось 530 человек, продолжалось почти три часа (с 19 до 22 часов), что свидетельствует о далеко не равнодушном отношении рабочих к проблемам народного образования. Докладчик – заместитель наркома просвещения М.С. Эпштейн, сообщив присутствующим, что начавшееся в стране «орабочивание школ, вузов и втузов» идет успешно и число рабочих там уже достигло 65 процентов, но без помощи трудовых коллективов дело может застопориться. Большим злом докладчик назвал отсеивание студентов и учащихся старших классов: «начинает учебу 100 человек, а оканчивает – 20, в вузе из 100 человек учебу оканчивают лишь 7 человек»⁵. Поэтому необходимо, чтобы рабочие могли сами контролировать этот процесс.

Выступивший на собрании новый нарком говорил в основном о сложностях и недостатках в работе Наркомпроса, подчеркивая, что

¹ Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1879. Л. 109.

² Там же.

³ Там же. Л. 78.

⁴ Там же. Л. 103.

⁵ Там же. Л. 119.

преодолеть их без помощи рабочего класса невозможно. Объективную необходимость такой помощи он объяснял тем, что «просвещение является областью классовой борьбы. К работе просвещенцев плохо относятся в деревне, если они делают шаги в пользу бедняков...»¹.

Рабочие активно включились в обсуждение поставленных Эпштейном и Бубновым вопросов, затронув при этом широкий круг проблем, связанных с учебными заведениями и деятельностью просвещенцев в области культурного обслуживания населения. Высказывались пожелания о снижении стоимости учебников, о бесплатном предоставлении помещений рабочим клубам, о создании специального педагогического театра, который оказывал бы помощь рабочим клубам в постановке детских пьес. Прозвучали также предложения об увеличении стипендий студентам подготовительных курсов втузов до 45 рублей в месяц, об оказании помощи детям инвалидов труда, об отчислении 10 процентов доходов от продажи водки на культурные нужды. Ставились вопросы, связанные с приобретением школами учебников и тетрадей и равномерным их распределением между учащимися. Для того, чтобы дети рабочих ценили получаемое образование, предлагалось давать им после окончания средней школы более-менее квалифицированную работу, а не посылать их через биржу труда на разгрузку вагонов и т. п.

Рабочих не готовили к выступлениям заранее, поэтому их мнения порой диаметрально расходились с предложениями руководителей Наркомпроса. Последние, например, ратовали за расширение сети музеев на фабриках и заводах, а рабочие доказывали, что гораздо целесообразнее вместо музеев открывать рабочие клубы, поскольку клубы нужны всем, а музеи – лишь единицам. На призыв наркома активнее бороться с растущим в стране антисемитизмом рабочий Гуревич возразил под одобрительный гул собрания, что надо «усилить борьбу с синагогами и другими подобными учреждениями,

¹ ГАРФ. Л. 111.

отдавая их под клубы и на другие культурные нужды»². Выступавшие не смогли сформулировать конкретных предложений по улучшению работы непосредственно аппарата Наркомпроса, но соглашались принять посильное участие в его деятельности через своих представителей.

Чтобы выдвинутые в аппарат Наркомпроса РСФСР рабочие имели хотя бы элементарную педагогическую подготовку, в ноябре 1929 г. при наркомате открылись краткосрочные курсы, на которых они занимались по 8 дней в месяц. Вскоре курсы стали постоянно действующими, и для них были оборудованы две учебные комнаты на 40 человек³. Помимо 50-ти рабочих, направленных в аппарат Наркомпроса, на предприятиях ряда городов начали создаваться группы выдвиженцев в местные органы народного образования. Для постановки задач этим представителям рабочих коллективов Наркомпрос провел 10 февраля 1930 г. их слет в Москве. Однако из-за плохой организации эффективность этого мероприятия оказалась незначительной. Из 500 приглашенных прибыло лишь 90. В отличие от делового собрания на фабрике «Гознак», выглядело парадным отчетом об успехах по «орабочиванию» просвещения⁴.

Опыт Наркомпроса по «орабочиванию» аппарата вскоре стал распространяться на все учреждения страны и взят под партийный контроль. Постановление ЦК ВКП(б) и ЦКК от 16 марта 1930 г. «О выдвижении рабочих в госаппарат и массовом рабочем контроле (шефстве заводов) над советским аппаратом» прекращало самостоятельность Наркомпроса по «орабочиванию» своих подразделений. Идее придавался плановый оттенок и директивный характер. О ходе работы надо было обязательно докладывать в ЦК партии, иллюстрируя успехи высокими цифрами и показателями. В соответствии с духом постановления вместо индивидуально подобранных 50-ти рабочих выдвиженцев «Гознака» шефство над аппаратом Наркомпро-

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Д. 1903. Л. 67.

⁴ Там же. Д. 2125. Л. 118.

са брала бригада московского завода имени И.И. Лепсе. Непосредственное руководство ее работой со стороны Наркомпроса возлагалось на заведующего дошкольным сектором наркомата В. Акопяна, которому ставилась задача «значительно приблизить шефскую работу завода к работе Наркомпроса»¹.

Бригада этого завода шефствовала не только над Наркомпросом. Под лозунгом борьбы с бюрократизмом в государственном аппарате она обследовала ряд других наркоматов РСФСР и общественных организаций. Наркомпросу она оказывала помощь в вопросах введения всеобуча, выявляя причины, тормозящие это важное государственное мероприятие. Члены бригады добросовестно взялись за дело, обнаружив многочисленные случаи прямого невыполнения правительственных решений о всеобуче, чем оказали серьезную поддержку Республиканскому комитету всеобуча и Наркомпросу. Совместно с рабочими-выдвиженцами Урала бригада завода им. Лепсе способствовала отгрузке для уральских школьников одежды, обуви и учебных пособий, задерживаемых снабженческими организациями. Рабочие с активистами обследовали также положение со снабжением школьными учебниками и программами ряда других регионов. Результаты проверок использовались при организации мероприятий, направленных на улучшение работы снабженческих и транспортных структур².

Активисты внесли ряд полезных предложений по сокращению административного аппарата и приближению его к непосредственным задачам Наркомпроса. При их прямом участии был реформирован организационно-инструкторский сектор наркомата и вместо него создан сектор контроля и проверки исполнения, что способствовало уменьшению численности аппарата и ликвидации параллелизма в его работе³. Участвуя в чистке и реорганизации органов народного образования, рабочие бригады способствовали трудоустройству высвобождающихся

в связи с этим педагогических работников. Рабочие-выдвиженцы обследовали школы на предмет их своевременного ремонта, проверяли выполнение решений правительства в области культурного обслуживания населения, изучали состояние работы Наркомпроса среди национальных меньшинств и ход решения многих других проблем. В июле 1931 г. бригада завода им. Лепсе проверила ход выполнения постановления коллегии Наркомпроса о культурном строительстве в Бурят-Монголии. Коллегия согласилась с ее основными выводами и предложениями. Порой Наркомпрос прямо обращался к шефам за конкретной помощью. Так, 28 марта 1931 г. коллегия, заслушав вопрос о работе педагогических журналов, постановила: «Просить бригаду завода им. Лепсе выяснить причины перебоев с выходом журналов»⁴. Коллегия Наркомпроса положительно оценивала деятельность рабочего актива, постоянно побуждала рабочие бригады к расширению сферы их влияния и улучшению шефской работы. Она поощряла и популяризовала выезд членов рабочих бригад во время их отпусков в регионы России для проверки школ и учреждений культуры.

Бригада шефов была нацелена на преодоление такого серьезного недостатка в работе органов народного образования, как невыполнение принимаемых решений. Проверив ход выполнения директив Наркомпроса и постановлений коллегии, она обратила внимание руководства ведомства, что многие его «решения чрезвычайно важного характера остаются невыполненными в течение двух и более месяцев»⁵. Бригада приняла на себя обязательство впредь контролировать реализацию постановлений наркомата и затем скрупулезно его выполняла. В феврале 1932 г. она представила наркому факты «недопустимой задержки» опубликования в Бюллетене Наркомпроса ряда директивных указаний и распоряжений. На подобные доклады нарком всегда реагировал изданием приказов и распоряжений, направленных на устранение об-

¹ ГАРФ. Д. 2117. Л. 83.

² Там же. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2114. Л. 16.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 2120. Л. 90.

⁵ Там же. Ф. Д. 2133. Л. 4. 59.

наруженных недостатков и недопущение их впредь. Рабочие активисты не только контролировали выполнение принятых решений, но и активно участвовали в их подготовке.

Коллегия стремилась придать шефству строго адресный характер, добивалась, чтобы определенный цех завода шефствовал над конкретным подразделением наркомата и между ними поддерживались постоянные деловые связи. При таких отношениях совместными усилиями представителей заводских цехов и подразделений Наркомпроса намечались «конкретные ответственные должности для замещения их рабочими в порядке общественного совместительства»¹. Коллегия разработала и утвердила положение о работе общественного совместителя. Первым таким совместителем стал рабочий-выдвиженец с «Гознака» А.И. Обьедков, назначенный приказом наркома от 01.10.1929 г. на должность инспектора Наркомпроса по контролю за такой острой проблемой, как вывоз культурных ценностей за границу². Рабочий завода им. Лепсе Козырев стал общественным заместителем заведующего вновь образованного сектора контроля исполнения, а рабочий того же завода Пителина – заведующим планово-финансовым сектором Наркомпроса³. Несмотря на то, что работа совместителей считалась общественной, их труд вскоре стал оплачиваться из специально выделяемого фонда Наркомпроса. При этом сумма оплаты была сопоставимой с окладами ведущих сотрудников Наркомата. Так, если наркому и его заместителям устанавливался с 1 октября 1929 г. ежемесячный оклад в 225 рублей, а самому низкооплачиваемому сотруднику – курьеру наркомата платили 50 рублей, то А.И. Обьедков получал 185 рублей⁴.

Опыт первых рабочих совместителей тщательно изучался и обсуждался в цехах шефствующих предприятий и подразделениях Наркомпроса. По результатам обсуждений вносились необходимые коррективы в Поло-

жение об общественном совместителе. Коллегия рекомендовала рабочим-совместителям и шефским бригадам: «... в борьбе с недочетами аппарата Наркомпроса теснее связываться с рабочими-выдвиженцами, работающими в аппарате НКП»⁵. Учитывая эти рекомендации, бригада завода в сентябре 1931 г. обследовала работу сектора контроля исполнения Наркомпроса, где в качестве заместителя заведующего работал вышеназванный представитель завода. 10 октября коллегия наркомата, ознакомившись с результатами этой проверки, отметила, что сектор увлекся решением мелких проблем в ущерб основным задачам, но в целом роль свою выполняет. Проанализировав стиль и опыт работы нового подразделения, коллегия рекомендовала создать подобные сектора (ячейки) контроля исполнения во всех областных и краевых отделах народного образования. Коллегия также положительно оценила роль представителей завода в работе сектора, рекомендовав активнее привлекать рабочих к совместительской деятельности в органах народного образования.

Последняя рекомендация коллегии не была формальной, поскольку шефство завода им. Лепсе над Наркомпросом носило образцово-показательный, пропагандистский характер, не было типичным и распространенным явлением. Другие предприятия столицы, а особенно областных городов, осуществляли шефство номинально и лишь над учебными заведениями и учреждениями культуры, но совершенно не принимали участия в деятельности отделов народного образования. Участники проводимого Наркомпросом в феврале 1931 г. совещания по вопросам шефства прямо говорили, что на местах широко практикуется обратное явление: не предприятия и цеха являются шефами, а отделы народного образования и школы осуществляют шефство над предприятиями. По мнению выступавших, этим «вверх ногами ставится... партийная установка относительно того, что всюду и везде должно быть рабочее руководство... получается обратное...

¹ ГАРФ. Д. 2114. Л. 19.

² Там же. Д. 1903. Л. 19.

³ Там же. Д. 2122. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 1903. Л. 14. 19.

⁵ Там же. Д. 2114. Л. 19.

студенты и учащиеся ходят по цехам и уговаривают рабочих вступить в кружок ликбеза»¹. На ряде предприятий как, например, на московском заводе «Серп и молот», шефство над учреждениями Наркомпроса, не успев дать серьезных результатов, быстро пошло на спад. На формализм и трудности в шефской работе неоднократно указывал нарком просвещения: «Нередко на местах, – отмечал он в марте 1932 г., – бездействуют советы культурного строительства, немало встречается сопротивления в самой рабочей и колхозной массе»².

В результате А.С. Бубнов пришел к выводу, что деятельность выдвиженцев и сравнительно малочисленного рабочего актива, даже при отличном качестве их работы, не в состоянии серьезно повлиять во всероссийском масштабе на решение грандиозных задач культурной революции. Для этого он предложил организовать массовое «движение сотен тысяч, миллионов, рабочих и колхозников» [1, с. 5]. Новую идею поддержала коллегия Наркомпроса и актив завода им. Лепсе. 6 мая 1931 г. на их расширенном совместном заседании было признано необходимым вовлекать рабочих не только в шефство над органами народного образования, но и в массовую культурно-просветительскую работу среди населения. По результатам совещания подготовлено соответствующее обращение рабочих завода им. Лепсе ко всем трудовым коллективам страны, что положило начало широкой пропагандистской и организаторской работе по привлечению к участию в культурном строительстве миллионных масс населения. Обращение поддержали ряд предприятий Москвы, Ленинграда, Иванова и др. городов. В ответ на это было решено провести месячник культурного строительства, в ходе которого разработать единый план культурной работы заводов, совхозов, машинно-тракторных станций (МТС) и сельских советов. Для организации месячника на места командировались 20 представителей Наркомпроса. Им ставилась задача вовлечь в движение ударни-

ков производства, передовых рабочих и колхозников, а также организовать сеть кружков и курсов по обучению подобранного актива [2, с. 475].

Массовое движение миллионов, за которое ратовал А.С. Бубнов, быстро набирало темпы. Оно получило название культпохода или культпоходного движения, а его участники – культармейцев. В него вовлекались рабочие и колхозники, инженеры, врачи, агрономы, учителя, студенты и старшеклассники. К концу 1932 г. в стране насчитывалось 3 млн. культармейцев. В отличие от рабочих-выдвиженцев, осуществлявших шефство над органами народного образования, участники культпохода нацеливались на борьбу с беспризорностью и безнадзорностью детей, на осуществление контроля за строительством учреждений и объектов культуры, работой дошкольных учреждений. Для Наркомпроса важным являлось не только и не столько участие в этом деле огромного количества людей, сколько привлечение с помощью массового движения больших внебюджетных средств в народное образование и культуру. Только по Московской области профсоюзные, хозяйственные и общественные организации внесли на нужды образования и культуры в 1931 г. 150 млн. рублей, удвоив тем самым бюджет Мособлоно. По РСФСР сумма внебюджетных ассигнований в результате культпоходного движения выросла за год почти вдвое [1, с. 20-21].

Одной из главных задач культпоходного движения считалась борьба за всеобщее начальное и семилетнее образование. В связи с этим культармейцы создавали фонды помощи всеобучу, организовывали для школьников горячие завтраки, подвоз детей в школу, шили им одежду, проводили среди родителей и населения разъяснительную работу о необходимости всеобуча. Участники культпохода вели работу по ликвидации неграмотности среди взрослых, по привлечению населения на различные курсы, в том числе на курсы подготовки учителей начальной школы.

Результаты организованных Наркомпросом, поистине всенародных усилий, давали

¹ ГАРФ. Оп. 70. Д. 384. Л. 2.

² Там же. Оп. 69. Д. 1182. Л. 16.

положительную отдачу. Уже в 1930/31 учебном году российские школы сумели принять всех ребят 8-15-летнего возраста, нуждающихся в начальном обучении. Со следующего года дети, окончившие начальную школу, в обязательном порядке стали зачисляться в пятый класс семилетней школы. В 1934 г. А.С. Бубнов официально заявил, что задача введения всеобщего начального обучения Наркомпросом выполнена.

Широкое привлечение общественности помогало и в решении таких сложных и грандиозных задач, как ликвидация неграмотности взрослого населения и культурное обслуживание тружеников промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Признав работу Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности неудовлетворительной¹, ее председатель – А.С. Бубнов, чтобы переломить ситуацию, предложил максимально использовать силы общественности: провести «массовую мобилизацию и переброску культурных сил города на крупнейшие предприятия, новые стройки, колхозы, районы сплошной коллективизации..., мобилизовать 10 тысяч просвещенцев для ликбеза..., вовлечь... комсомольск(ие) организации в борьбу за сплошную грамотность»². Вопросы усиления борьбы с неграмотностью выносились на обсуждение пленумов крайкомов и обкомов ВКП(б), комсомольских и профсоюзных организаций, собраний рабочих и колхозников, на страницы периодической печати. В ходе обсуждений вырабатывались меры по привлечению к борьбе с неграмотностью каждого грамотного гражданина страны («Грамотный, обучи неграмотного!»), по созданию условий и стимулов для учебы каждому рабочему и колхознику. Важным стимулом послужило то обстоятельство, что обучение на курсах ликбеза сделали обязательным для всех неграмотных членов партии и комсомола, для кандидатов на выдвижение в актив или на административную работу. В края и области России Наркомпрос командировал

работников просвещения для оказания помощи в ликвидации неграмотности. В Москве и краевых центрах началась массовая мобилизация «студентов-националов для посылки в национальные районы для ликвидации прорывов в ликбезработе»³. Проводились учет и расстановка всех лиц, которые могли бы использоваться в качестве преподавателей на курсах ликбеза. Для них создавались курсы подготовки и переподготовки. Всем учреждениям и предприятиям предписывалось разработать «единый культурный план», уделив в нем особое внимание обучению неграмотных работников и женщин-работниц.

Требования о расширении и активизации работы по ликвидации неграмотности вызвали у ответственных исполнителей не только естественное стремление к решению проблемы, но и желание представить свою деятельность в лучшем, порой приукрашенном виде, выйти в передовики. Тем более, что, взявшие это дело под свой контроль партийные органы ждали положительных отчетов и высоких показателей. В краях, областях и национальных автономиях принимались зачастую завышенные обязательства с обещаниями ликвидировать безграмотность взрослых в самое ближайшее время. Так, Краснодарский крайком партии представил план превращения «Северного Кавказа в край сплошной грамотности» уже к концу 1931 г.⁴

Но наряду с принятием явно нереальных планов и обязательств вырабатывались новые и вполне действенные формы работы в рамках развернувшегося культпоходного движения. Нижне-Волжский крайком докладывал в Наркомпрос о создании «150-тысячной армии культармейцев и общественников», о внедрении новых организационных форм культурной работы, в частности, о шефстве «пролетарского города над коллективизирующейся деревней». В ходе этого шефства осуществлялись сбор денежных средств, вовлечение населения в члены общества «Долой неграмотность» (ОДН), подписка на журнал для малограмотных. Такой работой было за-

¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1903. Л. 48.

² Там же. Д. 2112. Л. 28.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2112. Л. 29.

нято семь тысяч городских культармейцев, вокруг которых сформировался широкий слой сельского актива.

Не менее важным направлением шефской работы являлось культурное строительство на новостройках и крупных промышленных предприятиях. 26 января 1931 г. коллегия Наркомпроса заслушала доклады заведующих отделами народного образования Урала и Западной Сибири о культурном строительстве в Кузбассе¹. Докладчики считали состояние проводимой работы удовлетворительным и даже успешным. Однако посланная в Кузбасс комиссия Наркомпроса и рабочей бригады завода им. Лепсе оценила положение дел с культурным строительством на Кузнецком металлургическом заводе как «совершенно неудовлетворительное». Местные работники, по мнению комиссии, руководствовались «теориями объективной невозможности развертывать в условиях новостроек культурную работу»². Наркомпрос потребовал в обязательном порядке включать в планы работы отделов народного образования специальный раздел о культурном обслуживании рабочих районов, строящихся промышленных объектов, совхозов, крупных колхозов и районов сплошной коллективизации. Для придания работе широкого размаха рекомендовалось полнее использовать возможности культпохода.

Обсуждение вопросов культурного строительства с обязательным принятием конкретных и выполнимых решений вошло и в систему работы Наркомпроса. В июне 1931 г. его коллегия рассмотрела вопрос о культурном строительстве на Сталинградском тракторном заводе, в июле – в Бурят-Монголии, в августе – в угольных районах России, в сентябре – на Кузнецкстрое. В 1932 г. были изданы приказы Наркомпроса о культурном обслуживании строительства Караганды, о культурно-бытовом строительстве на водном транспорте, о плане культурного обслуживания рабочих мясной промышленности и др. Выполнение всех этих планов и

распоряжений силами штатных сотрудников Наркомпроса без привлечения рабочего актива и широких слоев общественности не представлялось возможным. Тем более, что задачи культурного обслуживания выходили далеко за рамки непосредственных интересов наркомата просвещения. Своеобразной базой, полигоном Наркомпроса, где проверялись и отрабатывались формы и методы культурного обслуживания новостроек, стал Магнитострой. В 1931 г. А.С. Бубнов, побывав на «Магнитке», детально ознакомился с развернувшимся там культурным строительством и издал по результатам своей поездки специальный приказ. В документе отмечался «недостаточный размах... массовых культурных мероприятий (ликбез, подготовка кадров массовой квалификации, распространение технических знаний, дошкольные учреждения, библиотечное дело и т. д.)»³. Напоминалось о необходимости широкого привлечения к делу культурного строительства рабочих и инженерно-технического состава, представителей профсоюзов, комсомола, хозяйственников и добровольных общественников. Из документа следовало, что вся культурно-просветительская и просветительская работа на новостройке должна стоять в подчиненном, по отношению к производству, положении, превратиться в прямом смысле в культурное обслуживание строительства. При этом работникам народного образования и культармейцам ставились задачи сугубо производственного характера: сплотить десятки тысяч рабочих гигантского комбината «трудовым энтузиазмом и дисциплиной в целях выполнения ближайшей задачи – пуска двух доменных печей...», увеличивать темпы строительства, внедрять соревнование и ударничество, ликвидировать текучесть рабочей силы, добиться максимального использования механизмов и т. п. Документ прямо требовал подчинить этим целям, поставить им на службу всю работу «по народному просвещению и... культурно-бытовому обслуживанию рабочей массы». Нарком приказал командировать на «Магнитку» бригаду

¹ ГАРФ. Л. 51–52.

² Там же. Д. 2113. Л. 47.

³ Там же. Д. 2126. Л. 62–66.

сотрудников Наркомпроса, которая, не занимаясь какими-либо проверками, должна сосредоточиться на практическом развертывании работы по культурному строительству. Заведующему Уральским облоно предписывалось взять под особый контроль работу по культурному обслуживанию Магнитогорского строительства и о её результатах лично докладывать наркому просвещения раз в две декады. Заведующему Огизом поручалось дополнительно, вне очереди, направить на «Магнитку» библиотеки массовой и технической литературы для рабочих, наладить издание соответствующих листовок и брошюр. Дополнительные средства выделялись на расширение сети стационарных и передвижных киноустановок, а также для других нужд культурного строительства. На укрепление отделов народного образования Урала и общеобразовательных школ направлялись дополнительно квалифицированные специалисты из центральных городов России. 25 января 1932 г. был издан приказ Наркомпроса РСФСР «О совершенствовании культурного строительства на Магнитострое, превращению его в образцовую базу культработы»¹.

Поездки руководящих работников просвещения на Урал, объективное обсуждение проблем культурного строительства на заседаниях коллегии Наркомпроса привели инициаторов «культпохода миллионов» к убеждению, что удержать на длительный срок огромное количество привлеченных к этому делу общественников не удастся. Катастрофически редющие ряды бесплатно работающих культармейцев нуждались в регулярном пополнении. Новых же общественников требовалось обучать, стимулировать и направлять на конкретную работу, что требовало значительного времени и дополнительных средств. Предприятия и учреждения крайне неохотно выделяли работников для нужд

культурного строительства. Чтобы иметь в своих руках реальные рычаги воздействия на другие наркоматы и ведомства, А.С. Бубнов добился в апреле 1931 г. создания при Президиуме ВЦИК РСФСР специального органа – Совета культурного строительства, задачей которого являлось проведение в жизнь единого плана культурного строительства. Совет получил право контролировать все государственные органы России по вопросам их участия в соответствующей кампании, а также – привлекать к этому делу любые общественные организации². Это позволило на непродолжительное время стабилизировать обстановку с привлечением общественных помощников Наркомпроса к делу просвещения и культурного строительства.

Таким образом, «орабочивание» аппарата Наркомпроса трансформировалось в широкую систему шефских связей органов народного образования с производственными коллективами. Опыт этих начинаний показал, что участие общественности в деле просвещения и культурного строительства может давать положительный эффект при решении таких сложных задач, как организация всеобщего обучения детей, ликвидация неграмотности среди взрослых, привлечение трудящихся к обучению на различных курсах, оказание материальной помощи школьникам и студентам, расширение сети дошкольных учреждений и др. Вместе с тем заорганизованность, парадность, погоня за высокими показателями значительно снижали коэффициент полезной деятельности как Наркомпроса, так и его добровольных помощников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бубнов А.С. Всеобщее и политехнизация массовой школы. – М., 1931.
2. Славный путь Ленинского комсомола. Т. 1. – М.: Молодая гвардия, 1974.

¹ ГАРФ. Д. 2132. Л. 123.

² Там же. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2128. Л. 91.

УДК 643.01:332.87(470-25)"1945/1955"

Горлов В.Н.

Московский государственный областной университет

КОММУНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ МОСКВЕ И АСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

V. Gorlov

Moscow State Regional University

COMMUNAL WAY OF LIVING IN POST-WAR MOSCOW AND ASOCIAL BEHAVIOUR

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, вызванные массовой миграцией сельских жителей в Москву после войны, проблемы личностной адаптации мигрантов к городскому образу жизни, показаны казарменный коллективизм общежитий и уклад коммуналок в послевоенной Москве, трудности решения жилищной проблемы и бытовой инфраструктуры, влияние качественных характеристик жилья на асоциальное поведение москвичей. В статье рассматриваются жалобы, вызванные жилищной неустроенностью, социокультурными противоречиями между постоянным населением Москвы и сельскими мигрантами.

Ключевые слова: коммуналки, общежития, миграция, асоциальное поведение.

Abstract. The article deals with the problems caused by mass migration of village dwellers to Moscow after World War II and the problems of migrants' adaptation to the urban way of living. The article also depicts the barracks-like collectivism of hostels and the life-style in communal flats in post-war Moscow. The author mentions the difficulties of solving the housing problems, the influence of the qualitative characteristics of dwellings on the asocial behavior of the Muscovites. The article studies the complaints caused by the housing despondency, social and cultural contradictions between the Muscovites and the migrants.

Key words: communal flats, hostels, migration, asocial behavior.

После Великой Отечественной войны остро встали перед Москвой проблемы, вызванные массовой миграцией. Город напрягал силы, пытаясь угнаться за темпами прироста населения, прежде всего приезжего, в уровне обеспечения жильем, всеми параметрами социальной инфраструктуры. Существенную проблему представляла личностная адаптация мигрантов, особенно из села, к условиям жизни Москвы. Большинство из них оказывалось в ряду социальных маргиналов, не вписывающихся в городской образ жизни и социальные нормы. Не случайно, например, уровень правонарушений среди мигрантов был в несколько раз выше, чем среди постоянного населения. Сельские мигранты деформировали качественный уровень городского населения, «разбавляли» его образ жизни и культуру сельскими традициями, нормами поведения, системой ценностей, привычками, сознанием, психологией, в определенной мере осуществляли духовную связь города с селом. По поводу этого известный поэт Е. Исаев заметил: «Мы в городе живем, а в нас живет деревня...» [2].

Переселенцы отрывались от деревенских корней, от привычного окружения. Не зная друг друга, они терялись в сложном окружающем их городском мире. Без привычного соседского и родственного контроля не все из них выдерживали трудности адаптации, либо срываясь на асоциальные формы поведения, либо вновь меняя место работы и жительства. Сказались, безусловно, и трудности адаптации к новой жизни в клетушках коммуналок и дыме заводских цехов. Все это часто вело к дезорганизации жизнедеятельности человека. На все это накладывалась слабая социальная инфраструктура. Жилищная неустроенность сказывалась на

моральной атмосфере общества, нравственном здоровье народа. Квартиры были перенаселены. Люди не один десяток лет ждали очереди на получение жилья.

Из-за жилищной тесноты в Москве довольно большая часть населения проживала в общежитиях или в схожих условиях, немало чужих и чуждых друг другу людей жили в одной комнате с перегородками и без них. В послевоенной Москве проводилось жилищное строительство, но в связи с быстрым ростом населения столицы в общежитиях проживало не меньше людей, чем это было раньше. Власть ничего не могла сделать с постоянным жилищным дефицитом, очередями, квартирной теснотой. Квартирные склоки, вынужденное соседство, бесконечные жалобы, втягивающие личные отношения в общественное разбирательство, становились бытом, всё это делало повседневную жизнь напряженной. Советское население способно было переносить трудности, которые были немыслимы с точки зрения людей Запада. Многим пришлось жить в зданиях, не приспособленных для жилья, либо таких, где несколько десятков лет не проводился ремонт. Большинство общежитий Москвы и Московской области было зданиями старого образца, в которых не предполагались ванны, кухни в квартире и прочих атрибутов нормальной жизни. Большинство общежитий было барачного типа. В некоторых помещениях жило по несколько десятков человек. Помещения были грязны и запущены, постельное белье менялось редко. В общежитиях господствовала казарменная обстановка и казарменный дух. Обстановка огрубляла душу, многие приучались к потреблению спиртных напитков, грубые нравы были широко в ходу.

Послевоенные московские общежития не отличались от жилого дома только с внешней стороны. О необходимости бытовых удобств у власти было свое мнение. Общежития строили отдельными зданиями, кварталами и целыми городками. Как, например, на территории Измайлова в Москве. Общежития декларировались как временное жилье, но на деле они возводились на десятилетия.

Строительство общежитий по темпам роста обгоняло строительство домов с отдельными квартирами. Это значило, что из коллективного жилья практически выхода не было. Несомненно, система общежитий принуждала к коллективному сожительству под одной крышей и осталась характерным памятником советского социализма. Несмотря на острую нехватку жилья, особенно в местах нового промышленного строительства, в 1950 г. было принято решение не строить временного жилья, оно должно было возводиться как постоянное. Бараки и временки могли строиться лишь в исключительных случаях, по решению Совета Министров РСФСР¹. К сожалению, ведомственные интересы часто брали верх и в этом вопросе.

О жизни в бараках поведал секретарь МГК КПСС Прохоров 12 октября 1953 г. на совещании в МГК КПСС по вопросу «О культурно-бытовом обслуживании проживающих в общежитии»: «У нас в Москве всего общежитий и бараков насчитывается более 3 тысяч. В них проживает несколько десятков тысяч людей. Может быть, стыдно, товарищи, говорить с этой трибуны, но приходится сказать о том, что в некоторых общежитиях Москвы, не говоря уже о загородных, хозяйственные руководители допускают такое положение, что воду пьют в общежитиях из консервных банок, что в общежитиях нет титана для того, чтобы иметь горячую воду. Во многих общежитиях нет прачечной, большое количество людей не имеют возможности постирать бельё, или стирают в помещениях, в которых проживают»². Далее секретарь МГК КПСС Прохоров сообщил: «В общежитиях мы можем встретить кого угодно на должности коменданта и даже на должности воспитателя. Это люди, которые снимались за хулиганство и воровство, а их назначают воспитателями. Что они могут дать нашей молодежи, когда они сами подчас разложившиеся люди в моральном и бытовом отношениях. Много

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее: ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 140. Д. 79. Л. 15.

² ЦАОПИМ. Ф.4. Оп. 88. Д. 14. Л. 175.

случаев, когда вокруг общежитий затеваются драки, кончающимися даже смертельными исходами. Такая большая драка была в Измайлове, в общежитиях подшипникового завода, в поселке Раменское. В этих драках принимали участие десятки и даже сотни человек. Куда пойти молодежи, чем занять ей свой досуг, куда девать свою энергию?»¹. Один из руководителей 1-го Государственного подшипникового завода М.Н. Глянцев 23 октября 1953 г. сетовал: «К стыду нашему в наших общежитиях еще имеются большие ссоры и доходит дело до драк. Это показывает, что та работа, которую мы проводим, не оказывает того воздействия, которое мы хотели. В настоящее время на каждом предприятии есть товарищеские суды, которые судят за нарушения трудовой дисциплины»².

Значительные объёмы строительства общежитий объяснялись тем, что в этой группе основную часть составляли общежития для строителей. Как жилось строителям, можно судить по письму плотника ремонтно-строительной конторы Хорикова, отправленному в отдел городского хозяйства МГК ВКП(б) 4 февраля 1947 г.: «Мы живём в общежитии. Что у нас неудобно, что всё у нас разгорожено занавесками. Лично я живу со своей семьей в количестве 5 человек на площади в 8,75 кв.м. У меня страшно тесно, у меня есть маленький ребенок. Работать при таких условиях больше не могу. Я должен признаться в том, что мне пришлось писать письма своему делегату т. Молотову В.М., чтобы он помог. Из секретариата т. Молотова В.М. написали в исполком т. Бакину, который, в свою очередь, написал начальнику конторы нашей, чтобы мне предоставили жильё, но никаких мер не принимают. У меня настроение работать только до весны и я не знаю, что дальше мне делать»³. (Все тексты писем приведены в авторском исполнении.)

Не одно поколение советских людей провело свои молодые годы в стенах студенческих либо рабочих общежитий. Кому-то из

них повезло: общежитие стало для них хотя и временным, но вторым домом, где были созданы все условия для того, чтобы человек мог спокойно жить, учиться и отдыхать. А вот некоторым пришлось жить в условиях далеко не нормальных, например, в зданиях, непригодных для жилья, либо таких, где по несколько десятков лет не проводился ремонт, где не было буфетов и столовых, где отсутствовали помещения, полностью укомплектованные мебелью и инвентарем. Многие в решении этих вопросов зависело от предприятия, в ведении которого находилось общежитие, от администрации общежития, а также от тех, кто в нем проживал, так как общежитие должно было быть их общей заботой.

В начале 1950-х гг. положение с эксплуатацией и ремонтом жилья было тяжелым. Коммунальные службы часто были маломощными и не могли справиться с поддержанием жилого фонда в должном порядке. В газете «Труд» описывался быт в общежитиях Измайловского поселка в Москве. Это было не где-то в провинции, в далекой сибирской тайге, а в самом сердце столицы. И здания были построены новые, стояли не временные бараки, а как пишет автор, «столичные дома со всеми удобствами». Эти все удобства, видно, сводились к тому, что имелись уборные, водопровод и газовые плитки в общей кухне. В поселке не было столовой, прачечной, а ехать в центр Москвы обедать и сдавать в стирку бельё, очевидно, было не по средствам среднему рабочему-строителю. Поэтому холостяки тратили по 2 часа на варку примитивного обеда. На кухне приходилось стирать бельё и в своей комнате сушить: специального помещения не было предусмотрено. В каждой комнатухе ютилось по пять человек. Как подсчитал жилец одной комнаты дома № 39, живущие в ней совокупно расходовали ежедневно на домашнее хозяйство до 15 часов. В женских общежитиях положение было хуже. В доме № 24 было 17 комнат, в каждой по пять человек. Всего в доме, следовательно, жило 85 человек. На это количество жилищ на общей кухне было 2 газовых плитки. «К каждой га-

¹ Там же. Л. 177.

² Там же. Л. 178

³ ЦАОПИМ. Ф.3.Оп.60.Д.24.Л.45.

зовой горелке, – читаем в газете, – образуется длинная очередь. Девушки сидели часами, недовольные и злые. Пообедать удавалось подчас не ранее 9-10 часов вечера». В женских общежитиях, специально выстроенных в качестве общежития, да ещё притом в домах с удобствами, не было даже кипятильников-титанов. «Поэтому, – свидетельствовал корреспондент, – прежде чем первая кастрюля попадет на плитку, должна была вскипеть сотня чайников».

В Измайлове было общежитие, в котором были даже установлены кипятильники. В нем жили матери-одиночки. Не очень долго жильцы пользовались своими кипятильниками, их выключили. Это объяснялось тем, что управляющему домами пришла в голову нелепая мысль: «...поскольку у каждой матери есть ребёнок, а то и двое, какие же это, в сущности, одиночки. Типичные семейные люди» [3]. Вряд ли управляющий был лишен здравого смысла и не понимал, что он делал.

Общежития для студентов были домом пять лет, оттуда они перебирались в общежития холостяков на предприятии, где в одной комнате находилось до 20 человек [1]. Новые рабочие поселки и новые кварталы общежитий возникали в Москве и в Московской области в виде барачных скоплений. Уезжали строители, въезжали производственные рабочие, общежитие оставалось тем же самым. Прогнивали деревянные бараки, строили каменные общежития для проходчиков, кондукторских бригад и т. п. И женатому человеку не всегда было куда уйти из общежития, приходилось отделяться занавесками от холостяков.

В Тушине (ныне часть Москвы) потребность в жилье была очень велика. В.В. Гришин, бывший в ту пору зав.отделом машиностроения МК ВКП(б) и неоднократно посещавший этот город, был вынужден признать: «Рабочие машиностроительного завода живут в тяжелых условиях, не обеспечены постельным бельём, даже в общежитиях не хватает дров»¹. Комиссия по проверке жилищного положения рабочих нарисовала удручающую

картину: «В общежитиях не хватает табуреток, тумбочек, тазов, корыт. Имеющиеся в общежитии кухни не обеспечивают потребности проживающих в приготовлении пищи, в связи с чем создаются на кухнях очереди. Топливом общежития обеспечиваются с перебоями. Титаны имеются не во всех общежитиях»².

В течение длительного времени считалось, что Москва не может обойтись без привлечения рабочей силы из других городов. Они оказывались в крепостнической зависимости от начальников своих производств. Потеряв работу, они теряли и жизнь в этом городе. Чуть что – лишали временной прописки. Многочисленный слой маргинального населения способствовал умножению и обострению социальной патологии. В рабочих бараках часто вспыхивали конфликты. Здесь пьянство, скопление беспокойных одиноких мужчин, плохие жизненные условия – всё вместе способствовало созданию атмосферы беззакония, росло число уголовных преступлений, совершенных этой категорией лиц. Там, где располагались рабочие общежития, криминогенная обстановка была одной из самых напряженных в городе. Среди подавляющей части рабочего класса в 1950-х гг. не было создано достойных условий и на производстве и для досуга, особенно среди транспортных и строительных рабочих. Многие рабочие, оторванные от родных, без навыков семейной жизни, в незнакомой городской обстановке не умели разумно тратить заработанные деньги, питались всухомятку и часто спивались. В обстановке нелегальности водка обычно употреблялась ночью, без всякой закуски, а порой и за несколько часов перед выходом на работу. Поэтому не удивительно, что к середине 1950-х гг. пьянство на производстве становится вполне нормальным явлением. Значительно острее, чем прежде, встала проблема нравственного воспитания подрастающего поколения. Распространению асоциальных образцов поведения способствовала своеобразная анонимизация поведения личности в большом городе.

¹ ЦАОПИМ. Ф. 110. Оп. 7. Д. 22. Л. 185.

² Там же. Л. 59.

Проблема строительства жилищ для семейной молодежи неоднократно обсуждалась в печати, во многих статьях подчеркивалась актуальность и неотложность её решения. Авторы статей – руководители предприятий, социологи, демографы указывали на тесную связь жилищных условий и таких явлений, как пьянство, как большие потери от текучести кадров на производстве, как значительное число разводов среди молодежи, низкий уровень рождаемости. Отсутствие квартиры было препятствием для создания семьи для многих из тех, кто жил в рабочих общежитиях.

Коммунальные квартиры стали неременным и неизбежным атрибутом послевоенного быта. Во многих коммунальных квартирах были старые коммуникации, застоялый запах, обшарпанные стены – убирать в квартире убирали, а вот капитальный ремонт делать было некому. Длинный коридор, десятки дверей, два туалета, две кухни. Чтобы постирать, надо было отвоевать место в ванной, а потом, чтобы посушить, отвоевать место на кухне. Многие люди, живущие в коммуналках, жили в постоянном конфликте, страдали от расшатанных нервов, легко раздражались. На кухне велись несмолкаемые разговоры обо всем, нередко чреватые спонтанными действиями его участников. Жильцы ссорились, деля площадь на кухне, количество звонков по телефону, занимая очередь в ванну и т. д. Те, у кого в квартире каждый вечер буянил сосед-алкоголик, обладали повышенной тревожностью и подозрительностью. Можно себе представить, как осложняли жизнь «места общего пользования», вражда случайно объединенных жилплощадью самых различных по культурному уровню и происхождению семей. Большим плюсом считалось то, что проживание в домах с «коллективной организацией быта» поможет осуществлять «постоянный товарищеский контроль» граждан друг за другом, чтобы кто-то из соседей не вздумал вести «двойную жизнь»: на работе он ударник труда, борец за коммунистические идеалы, а дома – пошлый обыватель, погрязший в предрассудках прежней, «старорежимной» жизни. Человек от человека никуда

не мог деться. Большинство из тех, кто долгие годы не мог перебраться в отдельную квартиру, считали свое положение унижительным: очередь в туалет и ванную комнату, очередь на мытье «мест общего пользования», недоброжелательные или сильно пьющие соседи. Люди страдали в коммуналке от вынужденности общения, от отсутствия выбора. Увы, это было сплошь и рядом.

Главной психологической проблемой коммунальных квартир было нарушение личного пространства человека. Социализация навязывала уже выработанные штампы и стереотипы, к сожалению, не всегда соответствующие требованиям здорового образа жизни. Ущемлялись права соседей на тишину и вечерний отдых, взрывааемый криками терзаемой жены. В любой большой коммунальной квартире всегда находился сосед-пьяница, к которому необходимо было приспособиться. Коммунальная комната, где проживал пьяница, как магнит, притягивала к себе пьющие компании. Проблемы начинались тогда, когда пьянство приводило к дракам, появлению в квартире подозрительных алкоголиков, нарушающих коммунальную гигиену. Отсутствие пьяных соседей было хорошим признаком. Пьянство в коммунальной квартире разлагало её атмосферу, создавая среду, не приспособленную для проживания. Постоянно приходилось письменно жаловаться в разные инстанции на своих соседей-алкоголиков. На самосуд никто права не имел, а милиция возиться с ними не хотела. «Коммунальная квартира? Ах, вас не убивают... Разбирайтесь между собой сами!» - утомленно отмахивались в милиции.

Ежедневно в Моссовет поступало 1000-1500 жалоб и заявлений по жилищным вопросам. При таком положении дел зам. председателя Моссовета Лебедев Д.П., естественно, едва успевал расписываться на подсунутых ему «ответах», и здесь стиралась всякая грань для индивидуального подхода к жалобщикам и заявителям¹. В депутатской переписке очень часто встречались жалобы на своих

¹ Центральный московский архив – музей личных собраний (далее: ЦММЛС). Ф. 92. Оп. 1. Д. 93. Л. 13.

соседей. Речь шла о жилище – самой тяжелой проблеме московского быта для многих. Причем в переписке было специальное дело «Переписка о невозможности совместного проживания с соседями и родственниками». Для того чтобы понять значимость жилищной проблемы, необходимо процитировать часть писем, направленных депутату Верховного Совета СССР И.А. Лихачеву.

Гражданин Шатилов, проживающий по 8-й улице Октябрьского поля, жаловался: «Я имею скверное соседство. Соседи неоднократно своими хулиганскими пьяными выходками не дают покоя всей моей семье, даже вызывают до такого преступления вплоть до драки. Соседи преследуют разными бытовыми склоками и ложными доносами, вплоть до обвинения в уголовных преступлениях. Дети напуганы в слезах, что влияет на учебу сына, который учится в 7 классе. Таким образом, я не имею возможности отдохнуть и восстановить свою нервную систему. 17.10.1953»¹.

Аналогичное положение с соседями создалось и у гражданки Завадской А.В., проживающей по улице Чайковского, д.16, кв.38, пославшей жалобу; «Я Завадская, имею невозможно плохие взаимоотношения с соседями, длящихся с 1946 г. Вернувшись с фронта после Отечественной войны с расшатанной нервной системой в настоящее время, придя домой с работы, абсолютно не имею покоя и отдыха. Готовя пищу в общей кухне, приходится стеречь мне и моему мужу, чтобы эти граждане не подбросили какой-нибудь гадости в пищу, т. к. они немедленно появляются в кухне, когда мы туда выходим, хотя им и ненужно будет. 15.12.1953»².

От рабочего отдела снабжения Петрина поступило письмо; «Я проживаю во 2-м Коломенском поселке ЗИС, барак 42, к.3 с семьей из 6-ти человек. Одновременно со мной в этом бараке остальные комнаты занимают одинокие молодые рабочие, примерно около 60 человек, которые частенько являются в общежитие в нетрезвом виде, устраивают драку и бесконечные нецензурные выражения.

В таких условиях с семьей жить невозможно. 15 марта 1950 г.»³.

Ляликова М.Н., проживающая по улице Подбельского, жаловалась: «После войны ко мне (вдова и сын Константин) силой вселили гражданку Габейдулину с дочерью, которая вскоре привела и мужа. У них родился ребенок, а в настоящее время ожидается еще один. Таким образом, в моей комнате площадью в 15 кв.м. проживает уже сейчас 6 человек. Муж гражданки Габейдулин ведет себя возмутительно, часто является в нетрезвом виде, позволяет себе грубости и угрозы по отношению ко мне и моему сыну. Он постоянно заявляет: «дайте мне только прописаться, я тогда кое-кого вытряхну». Я возражаю против этой прописки. Ибо наша комната представляет собой женское общежитие и мужчинам в ней жить не положено. 7.02.1950»⁴.

Письмо от учительницы школы рабочей молодежи завода № 88 Шацкевич: «На протяжении 6 лет механик завода 88 Шорин вместе со своей женой преследует и травит меня. Мне дана кличка «жучка». Обзывает меня фашисткой, проституткой, полячкой и т.п. Два раза меня ударили сам Шорин и его жена. Рамы поздней осенью в кухне взломал так, чтобы не закрывались, а летом запрещает открывать. «Я тебя уморю» – говорит его жена. 1950 г.»⁵.

Жалоба от работницы фабрики-кухни завода 455 Насоновой В.А.: «Я проживаю вместе в одной квартире с гражданкой А.В. Сурковой. Она меня несколько раз обворовывала. Гражданка Суркова была вызвана в милицию, где она призналась о своей краже. После допроса вернулась домой и начала хулиганить, драться табуреткой. Она ударила меня по животу, где было больное место и не зажившая рана после операции. Она нанесла мне побои левого глаза, на что имеется заключение от врача – справка. Я несколько раз обращалась в домоуправление, и к директору завода, чтобы они мне помогли – расселили меня с ней, так как с ней дальше невозможно».

¹ ЦММЛС. Ф.92. Оп. 1. Д. 88. Л. 23.

² ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 88. Л. 26.

³ ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 98. Л. 19.

⁴ ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.

⁵ ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 120. Л. 3.

но, она продолжает воровать и хулиганить, но они не обращают внимание на мои мучительные переживания. Неужели так можно издеваться в Советском Союзе над честными людьми, как издеваются надо мной. Неужели мы живем в капиталистической стране, где нет предела издевательствам, мародерства и сколько не обращаться и мер никаких не принимается. Для чего же у нас органы милиции и выборные люди местных Советов, которые сидят и бездействуют. 3 марта 1950 г.»¹.

На XII московской городской конференции КПСС 17 января 1956 г. выступил Горшенин (министр юстиции СССР): «В народный суд 1-го участка Советского района г. Москвы поступило заявление работницы одного из заводов Галкиной, которая жаловалась на возмутительное к ней отношение соседок по квартире инженеров Лапшиной и Шибановой, работающих на 2-м часовом заводе. В суде было установлено, что Шибанова и Лапшина систематически ведут себя в отношении Галкиной грубо, допускают оскорбительные выражения. Дошло до того, что инженеры Лапшина и Шибанова как-то вечером на кухне избили работницу Галкину»².

Следы барачной культуры становились заметными повсюду, особенно интенсивно общий уровень отклонений от общепринятых городских норм проявлялся в жилых массивах и общественных местах. Увидеть это можно было почти в каждом подъезде, на каждой лестничной площадке в виде исписанных стен подъездов и лифтов домов, выбитых стекол входных дверей, разбитых лампочек, изуродованных почтовых ящиков. По этим крайностям можно судить, как была накалена атмосфера коммунального быта.

Жилищные условия большинства рабочих традиционно были плохими. Заводоуправ-

ления должны были заниматься в основном размещением пришедших на предприятия рабочих. Жилищный вопрос являлся важным фактором привлечения рабочей силы на производство и играл решающую роль в мотивации труда рабочих. Хотя предприятия строили дома, но рост числа рабочих перегонял их жилищные возможности. Известный перекося в сторону технократических подходов ослабил внимание к социальной стороне производства, быту, досугу, что не могло не принести к снижению заинтересованности в результатах труда, ослаблению дисциплины, увеличению алкогольного потребления.

Специфика российской урбанизации в XX в. состояла в размывании культурных стандартов и наполнении городского образа жизни несвойственными ему стереотипами сельского общения и социального поведения. Социокультурные противоречия оказались далеко не безобидными, поскольку они способствовали снижению потребительского стандарта и игнорированию традиций формирования целостной городской среды. До сих пор недоразвитость сервисной и бытовой инфраструктуры, полудеревенские коммунальные стандарты и «неизолированное» жилье составляют целый пласт социальной реальности городского существования. Иными словами, рост городского населения имел существенные особенности, связанные с формированием городского образа жизни, качества городской среды, норм социального поведения горожан, ценностей городской культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Литературная газета. – 1953. – 10 февр.
2. Правда. – 1989. – 13 февр.
3. Труд. – 1953. – 7 янв.

¹ ЦММЛС. Ф. 92. Оп. 1. Д. 120. Л. 10.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 102. Д. 3. Л. 4.

УДК 94(470)“1969”

Чернявский А.В.

Московский государственный областной университет

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ 1969 г. В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ГРАЖДАН СССР

A. Cherniavsky

Moscow State Regional University

THE SINO-SOVIET BOUNDARY CONFLICT OF 1969 THROUGH THE SOVIET PUBLIC OPINION

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реакции общественного мнения СССР на события наиболее острого периода советско-китайского конфликта второй половины 1960-х гг. Несмотря на распространенное мнение о монолитности советского общества, привлечение различных источников, в первую очередь архивных данных, часть из которых были рассекречены и используется в научной работе впервые, позволяет говорить о существовании в обществе различных оценок конфликта. В статье рассматриваются факторы влияния на общественное мнение, такие, как официальные партийные информации, материалы СМИ, тексты заявлений и нот советского правительства. Проведенный анализ позволяет утверждать, что общественное мнение часто следовало за официальной позицией, оценки рядовых граждан менялись вслед за изменением мнения правительства, высказывания часто повторяли тексты газетных статей. Такие оценки являются наиболее распространенными, меньшая часть граждан выражала свое несогласие с ними.

Ключевые слова: СССР, внешняя политика, советско-китайский конфликт, остров Даманский, общественное мнение, общественная реакция.

Abstract. This article studies the peculiarities of the Soviet public opinion during the most dangerous period of the Sino-Soviet conflict. Despite the widespread opinion that the USSR social society was indivisible the author proves that the attitude to the conflict was various. To prove it the author used various sources, especially archival materials, some of which have been declassified and used in the scientific work for the first time. This article analyses the factors which had influence on the Soviet public opinion, such as: official party information, media materials, statements and notes of the Soviet government. The analysis performed by the author proves that the Soviet public opinion often followed the official position and states that the common people's views often changed together with the change of the government's stand, their statements often contained expressions from newspaper reports. Such attitudes were most widely spread; the dissatisfaction with the Soviet foreign policy was expressed only by the minority of citizens.

Key words: USSR, foreign policy, the Sino-Soviet conflict, Damansky Island, public opinion, public response.

История общественного мнения в СССР периода конца 1960-х гг. остается ещё достаточно неизученной темой. Одной из первых попыток изучения данной темы стала работа российского социолога Б.А. Грушина “Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина”. В своем исследовании автор, опираясь на материалы основанного им “Института общественного мнения”, а также результаты опросов читателей “Комсомольской правды” и ряда местных газет, рассматривает особенности восприятия читателями информации печатных и других СМИ, выясняет, какие материалы пользовались наибольшей популярностью, а также адекватность восприятия информации людьми. Много внимания уделяется также методологическим вопросам. А вот следов изучения общественного мнения по поводу внешнеполитических событий здесь не найти.

В статье профессора Московского государственного областного университета Ю.В. Аксютина “Общественные настроения в СССР (1953 – 1982)” на основе привлечения нового вида

источников – “устных свидетельств и оценок” современников, приводятся данные о соотношениях различных точек зрения также по поводу событий внутренней политической жизни [12, с. 339].

В настоящей статье рассматриваются такие аспекты этой проблемы, как выяснение точек зрения, существовавших в советском обществе на необыкновенно обострившийся в 1969 г. конфликт с КНР, и распределение их по степени распространенности.

Источниками для раскрытия этой темы стали архивные материалы фонда аппарата ЦК КПСС (Ф. 5) в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), материалы фондов Московского городского комитета партии (Ф. 4) и Московского областного комитета партии (Ф. 3) в Центральном архиве общественно-политической истории г. Москвы (ЦАОПИМ), а также материалы газеты “Правда”, дневники и мемуары деятелей культуры и искусства, очевидцев указанных событий.

Опираясь на эти данные, можно сказать о том, что советско-китайский конфликт привлек к себе внимание общества после произошедшего 2 марта 1969 г. вооруженного инцидента, приведшего к гибели как советских, так и китайских военнослужащих. В ответ на это советское правительство 2 марта 1969 г. направило “Ноту правительству КНР”, в которой заявило “решительный протест по поводу провокационных действий на советско-китайской границе” [8, с. 3].

4 марта 1969 г. на предприятиях и в учреждениях г. Москвы состоялись собрания, посвященные этому событию. Большая часть выступивших выражали одобрение как действиям советских пограничников, так и ноте советского правительства. Так, на Московском автомобильном заводе им. Лихачева заочник, ударник коммунистического труда, член КПСС С.К. Стецюк сказал: “Я целиком и полностью поддерживаю заявление Советского правительства, сделанное в связи с провокацией китайских властей”¹. Подобные

взгляды разделяли представители различных социальных слоев столицы. По “Информации” секретаря МГК КПСС, “аналогичные заявления высказали многие рабочие завода “Станколит”, Моспищекомбината, Института народов Азии АН СССР, преподаватели и студенты МВТУ им. Баумана, Московского инженерно-физического института”².

7-8 марта 1969 г., демонстрируя свою поддержку внешней политике СССР, около двухсот тысяч рабочих, служащих, деятелей науки и культуры, студентов и представителей молодежи вышли на демонстрацию к стенам китайского посольства в Москве. По информации газеты “Правда”, демонстранты выражали одобрение заявлению советского правительства о том, что провокационные действия китайских властей будут решительно пресекаться. Беседуя с журналистами, сотрудник Министерства пищевой промышленности А.П. Гребенюк сказал: “Советские пограничники дали достойный отпор китайской военщине, посягнувшей на нашу священную землю” [3, с. 1].

Аналогичные митинги протеста прошли 7 марта 1969 г. на предприятиях Ленинграда, Владивостока и в других городах СССР.

10-11 марта 1969 г. информация ЦК КПСС “О провокациях китайских властей на советско-китайской границе” обсуждалась на закрытых собраниях в партийных организациях Московской области. Исходя из сведений, полученных от секретаря Московского обкома КПСС, среди выступавших на собраниях мнения по поводу ответных мер советского правительства разделились. Большая часть их, среди которых были как рабочие, так и начальники отделов, выразили полное удовлетворение принятыми мерами.

Слесарь фасонно-сталелитейного цеха Коломенского тепловозостроительного завода им. Куйбышева, Горелов заявил: “Мы полностью одобряем действия партии и прави-

¹ Информация об откликах трудящихся Москвы на Сообщение ТАСС и ноту Советского правительства пра-

вительству КНР, в связи с провокацией китайских властей на советско-китайской границе от 4.03.69 // ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 159. Д. 5. Л. 48.

² Там же.

тельства”¹. Начальник цехового бюро технического контроля в КБ Энергомаш (г. Химки) Бакушкин сказал: “Я полностью согласен с твердой позицией ЦК нашей партии и восхищен мужеством советских воинов”².

Часть выступавших была недовольна слишком мягкими, по их мнению, мерами, предпринимаемыми советскими пограничниками. К этой группе можно отнести электро-механика Балашихинской хлопкопрядильной фабрики Самсонова, бывшего пограничника, который сказал: “Очень жаль, что не все китайцы были уничтожены. Это показывает, что наша граница ещё не на замке”³.

Наиболее интересным источником для изучения общественного мнения жителей Московской области стала “Информация о надписях на бюллетенях и записках избирателей”, опущенных в избирательные урны 16 марта 1969 г. Если доверять сведениям заведующего отделом организационно-партийной работы МК КПСС Крылова, надписи на бюллетенях и приложенные к ним записки “в подавляющем большинстве отражают одобрение внешней политики Коммунистической партии и Советского правительства”⁴. При этом часть избирателей призывала к решительным мерам против нарушений границы. К ним относятся, в частности, следующие высказывания: “Руки прочь от границ нашей Родины!”. “Я голосую за партию и наше правительство, за действенные меры против клики Мао”⁵. Другие же, осуждая провокации, призывали не забывать о советско-китайской дружбе: “Долой китайских провокаторов, дружба с народами Китая ещё восторжествует!”⁶.

¹ Информация секретаря Московского обкома КПСС от 11.03.69 о партийных собраниях по Информации ЦК КПСС “О провокациях китайских властей на советско-китайской границе” и митингах протеста трудящихся Московской области // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 21. Л. 116.

² Там же. Л. 118.

³ Там же. Л. 117.

⁴ Информация зав. отделом организационно-партийной работы МК КПСС Крылова о надписях на бюллетенях и записках избирателей, опущенных в избирательные урны 16 марта 1969 г. на выборах в местные Советы депутатов трудящихся в Московской области // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 290. Д. 43. Л. 20.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Часть избирателей негативно оценивала действия советского правительства в ходе пограничного конфликта. К ним относятся следующие их заявления: “Я против того, что на границе убивают наших детей – пусть ставят больше техники!”⁷.

На избирательных бюллетенях среди прочих надписей были обнаружены слова поддержки в адрес Мао Цзэдуна. Например, в Ленинском и Подольском районах оказались бюллетени с лозунгом: “Да здравствует Мао!”⁸. Эти факты говорят о том, что среди населения Московской области были граждане сочувствующие Мао Цзэдуну и выражавшие ему свою поддержку.

Вооруженное столкновение 2 марта 1969 г. и “Нота правительству КНР” вызвали отклики со стороны населения Челябинской области. Модельщик литейного цеха Миасского приискового управления Е.А. Шереметьев заявил: “Я одобряю ноту советского правительства. Мое мнение и мнение моих товарищей едино – в любых случаях провокаторы должны получить должный отпор”⁹. Токарь Златоустовского машиностроительного завода имени Ленина Ю.М. Чунарев сказал: “Правильно поступило наше правительство, дав сокрушительный отпор проискам китайских властей”¹⁰.

Несмотря на общее одобрение, в информации секретаря обкома Н. Родинова указывается, что в отдельных случаях гражданами области выражались опасения по поводу возможности возникновения большого конфликта. Другими словами, среди населения появилось опасение начала новой войны, перерастания пограничного конфликта в полномасштабный.

Аналогичной была реакция населения Брянской области, где, по информации секретаря обкома КПСС Крахмалева, “действия

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 21.

⁹ Информация секретаря обкома КПСС Н. Родинова от 7.03.69 об откликах трудящихся Челябинской области в связи с провокационными действиями китайских властей на советско-китайской границе // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 21. Л. 113.

¹⁰ Там же. Л. 114.

китайских властей на советско-китайской границе вызвали повсеместно у трудящихся области чувство гнева и возмущения”¹. При этом в “Информации” отдельно указывается на отсутствие среди населения области каких-либо нездоровых высказываний.

12 марта 1969 г. на организованных в Ленинградской области митингах и собраниях, мнения по поводу необходимых ответных мер разделились. Часть выступавших требовала решительных действий для защиты советских границ и уничтожения их нарушителей. Например, мастер завода “Электропульт” Л.А. Катаев, заявивший: “На зверства маоистов надо отвечать самыми жестокими мерами”². Схожие взгляды высказывали многие другие участники собраний и митингов.

Не все были так решительно настроены. И тут сказывались опасения перед возможностью начала новой войны. Например, член-корреспондент АН СССР, заместитель директора Пулковской обсерватории М.С. Зверев, ознакомившись с информацией ЦК КПСС, сказал: “Лучший ответ провокаторам – спокойное разъяснение народам мира миролюбивой политики Советского Союза по отношению к китайскому народу”³.

Имеющиеся в нашем распоряжении отклики на пограничное вооруженное столкновение 2 марта 1969 г. можно условно разделить на три группы. Первая – полная поддержка ноты протеста. Вторая – опасение, как бы не началась война, надежда на мирное разрешение конфликта путем переговоров и обращения к опыту советско-китайской дружбы. Третья – настаивание на применении военной силы, использовании любых средств для обеспечения безопасности советских границ.

14 – 15 марта 1969 г. на о. Даманском прои-

зошел второй вооруженный инцидент. Ответом на нарушения советской границы стало Заявление правительства СССР от 30 марта 1969 г., в котором оно высказалось “за то чтобы советские и китайские представители возобновили начатые в 1964 г. консультации” [4, с. 1].

По “Информации” секретаря МГК КПСС жители г. Москвы с одобрением восприняли это заявление, как “инициативу, направленную на нормализацию обстановки на советско-китайской границе”⁴. Старший вальцовщик завода “Серп и молот” В.Е. Плясов заявил: “Я одобряю твердую линию нашей партии и правительства в отношении наших границ”⁵. Помимо представителей рабочих профессий Заявление получило одобрительные отзывы со стороны деятелей научной и творческой интеллигенции. Так, профессор Всесоюзного научно-исследовательского института сельскохозяйственного машиностроения, лауреат Государственной премии М.А. Пустыгин сказал: “С большим удовлетворением прочитал Заявление Советского правительства. Одобряю и поддерживаю ленинскую внешнюю политику нашей партии и Советского правительства”⁶.

Корреспондент итальянской газете “Унита”, делясь 9 апреля 1969 г. своими впечатлениями по поводу общественных настроений в СССР, писал: “Все слои советской общест-венности с тревожным беспокойством следили за обстановкой на границе с Китаем. Если в наиболее информированных кругах не верят в то, что в ближайшее время опасность станет более серьезной, то “рядовые люди”, напротив, опасаются самого худшего”⁷.

24 мая 1969 г. правительство КНР дало согласие на предложение о проведении переговоров, однако выдвинуло ряд требований и

¹ Информация секретаря Брянского обкома КПСС Крахмалева об отношении трудящихся области к провокационным действиям китайских властей на советско-китайской границе // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61, Д. 21. Л. 124.

² Информация секретаря Ленинградского обкома КПСС Романова от 12.03.69 о митингах протеста и собраниях в первичных партийных организациях Ленинграда и области в связи с провокациями китайских властей на советско-китайской границе // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61, Д. 21. Л. 129.

³ Там же. Л. 128-129.

⁴ Информация секретаря МГК КПСС от 1.04.69 об откликах трудящихся г. Москвы на Заявление правительства СССР от 30 марта 1969 г. // ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 159. Д. 5. Л. 106.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 108.

⁷ Служебный вестник иностранной информации ТАСС “ОЗШ” от 10.04.69 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61, Д. 34. Л. 53.

претензий, которые советское правительство посчитало оскорбительными. Ответом на них стало новое Заявление Правительства СССР от 13 июня 1969 г., в котором оно, опровергая попытки КНР исторически доказать свои права на спорные территории, вторично предложило, “чтобы консультации были возобновлены в ближайшие два-три месяца” [5, с. 2].

14 июня 1969 г., выступая на рабочем собрании в прессовом корпусе автозавода им. Лихачева, секретарь парткома корпуса П.Л. Ситников сказал: “Заявление Советского правительства – документ огромной силы и правды, в нем убедительно показано, что ЦК КПСС и Советское правительство проводит мудрую международную политику”¹. Выступление слесаря-сборщика того же завода Б.Г. Трушина 15 июня было опубликовано на страницах “Правды”, а уже на следующий день попало в информацию секретаря МГК КПСС. Беседа с журналистами, Трушин сказал: “В Заявлении Советского правительства подчеркивается, что граница между Советским Союзом и Китаем отражала и отражает фактическое заселение земель обоих государств” [1, с. 1].

Часть выступавших на собраниях москвичей поддержала Заявление, видя в нем шаг, направленный на сохранение мира. Директор школы № 339, заслуженная учительница РСФСР А.Е. Злобина, ознакомившись с Заявлением, сказала: “Полностью одобряю и поддерживаю Заявление, оно проникнуто стремлением к миру и добрососедству”².

17 июня 1969 г. второй секретарь ЦК Компартии Узбекистана И. Анисимкин сообщал о том, что Заявление Советского правительства было с одобрением встречено жителями республики. Аргументированными нашел изложенные в Заявлении тезисы старший научный сотрудник Института истории и археологии Академии наук Ю. Буряков, который сказал: “Советское правительство предлагает

действенные и эффективные меры для нормализации обстановки на советско-китайской границе. Мы, ученые республики, одобряем эти меры”³.

8 июля 1969 г. китайские военнослужащие, нарушив государственную границу СССР, проникли на советскую часть о. Гольдинский на р. Амур и обстреляли из автоматов прибывших на остров советских речников-путейцев. Ответом на нападение стала Нота Министерства иностранных дел СССР посольству КНР в Москве, в которой заявлялось о принятии “дополнительных мер против действий китайских властей” [7, с. 4], не уточняя, в чем именно они заключались.

По информации секретаря МГК КПСС, нападение на речников-путейцев вызвало гнев и возмущение москвичей. Директор Всесоюзного научно-исследовательского института радиационной техники, доктор технических наук Мамиконян заявил: “Поддерживаю советскую Ноту, где говорится о принятии дополнительных мер против действий китайских властей”⁴.

11 сентября 1969 г., в Пекине председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин провел встречу с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем: “Обе стороны откровенно разъяснили свои позиции и провели полезную для обеих сторон беседу” [2, с. 1]. По информации местных партийных органов, эта встреча вызвала у граждан СССР самые разные чувства. Среди выступивших на собраниях граждан, значительная часть испытывала чувства радости, надежды. А.Г. Похмельнова – сборщица 2-го Московского часового завода, депутат Верховного Совета РСФСР, – сказала: “Во мне зародились чувства надежды, что эта встреча может послужить началом улучшения отношений между Китаем и СССР”⁵.

¹ Информация секретаря МГК КПСС от 16.06.69 о собраниях и откликах трудящихся г. Москвы на Заявление Правительства СССР от 13 июня 1969 г. // ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 159. Д. 5. Л. 218.

² Там же. Л. 220.

³ Информация секретаря ЦК Компартии Узбекистана И. Анисимкина от 17.06.69 об откликах трудящихся Узбекистана на Заявление Правительства СССР 13 июня 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 21. Л. 196.

⁴ Информация секретаря МГК КПСС от 11.07.69 об откликах трудящихся гор. Москвы на Ноту Министерства иностранных дел СССР посольству КНР в Москве от 8 июля 1969 г. // ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 159. Д. 5. Л. 248.

⁵ Информация секретаря МГК КПСС от 17.09.69 об

Узнав о встрече, часть выступавших, испытала чувства удивления, недоумения. Фрезеровщик завода “Калибр” Н.П. Панкратов заявил: “Рабочие нашего коллектива были даже удивлены, что в такое напряженное время А.Н. Косыгин посетил Китай”¹.

Среди большинства одобрительных откликов встречались критические оценки. Начальник лаборатории НИИ автоматической аппаратуры, Ю.М. Барабошкин сказал: “Едва ли встреча А.Н. Косыгина с Чжоу Эньлаем приведет к каким-либо изменениям в политике китайских руководителей”². Сомневаясь в эффективности подобных политических шагов, старший научный сотрудник Института общей генетики АН СССР В.Н. Воронов заявил: “Не думаю, чтобы эта встреча на данном этапе была полезной”³.

Помимо архивных материалов, важным источником для изучения общественного мнения являются дневники и мемуары представителей советской интеллигенции, современников указанных событий.

Часть из них, как, например, поэт Д.С. Самойлов, не упоминая в своих “Поденных записях” о пограничных конфликтах, ограничивается общими, неопределенными замечаниями. В записях от 12 апреля 1969 г. сказано следующее: “Что-то нарастает, пучится, пузырится вокруг. Надо быть ко всему готовым” [9, с. 48]. Следовательно, Д.С. Самойлов разделял опасения относительно возможности перерастания пограничных инцидентов в войну с КНР. Так же неопределенно высказывается в своем “Дневнике” Ю.М. Нагибин. В записях от 23 апреля 1969 г. указывается: “Многое случилось и ничего не случилось” [6, с. 226].

Тревожная реакция на действия советской стороны в ходе пограничного конфликта отражена в “Новомирском дневнике” А.Т. Твардовского. В записях от 8 марта 1969 г. отме-

откликах трудящихся г. Москвы на встречу в Пекине председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина и премьер-министра Государственного Совета КНР Чжоу Эньлая // ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 159. Д. 6. Л. 85.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

чено следующее: “Ужасные, гнетущие своей непостижимостью ответные мероприятия на китайские безобразия” [10, с. 300].

В записях-воспоминаниях партийного и государственного деятеля, первого секретаря ЦК КП Украины П.Е. Шелеста от 17 июня 1969 г. приводятся следующие факты: “Военнослужащий из Харькова Алтуньян и математик из Киева Плющ вдвоем написали письмо, в котором открыто выражают несогласие с проводимой внутренней и внешней политикой. Из ВПШ поступило в ЦК КПУ на мое имя анонимное письмо, в котором выражается несогласие с проводимой внешней и внутренней политикой” [11, с. 429]. Данные факты, приведенные Шелестом, указывают на то, что общественное мнение по поводу советско-китайского конфликта и внешней политики СССР по отношению к КНР было далеко не так однородно, как его представляли в своих сообщениях местные партийные органы.

Ставшее первоначально самой распространенной реакцией, одобрение жестких ответных мер сменилось призывами к мирному урегулированию конфликта. Этому способствовали такие факторы, как дипломатические шаги советского руководства, рост осведомленности граждан СССР и, как следствие, осознание недопустимости разрешения территориального конфликта силовым путем. Критическое отношение к действиям советского руководства разделяло меньшее количество граждан.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Всенародная поддержка. Горячее одобрение // Правда. – 1969 – 15 мая. С.1.
2. Встреча в Пекине Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина и Премьера Государственного Совета КНР Чжоу Эньлая // Правда. – 1969 – 12 сентября. С. 1.
3. Гневный протест и возмущение. Демонстрация у китайского посольства в Москве // Правда. – 1969 – 8 марта. С. 1.
4. Заявление правительства СССР // Правда. – 1969 – 30 марта. С.1.

5. Заявление правительства СССР // Правда. – 1969 – 14 июня С.2.
6. Нагибин Ю. Дневник. – М., 2009. – 605 с.
7. Нота Министерства иностранных дел СССР посольству КНР в Москве // Правда. – 1969 – С. 4.
7. Нота Советского правительства правительству КНР // Правда. – 1969 – 4 марта. С. 3.
9. Самойлов Д. Поденные записи: В 2 т. – Т. 2. М., 2002. – 380 с.
10. Твардовский А. Новомирский дневник Т. 2. – 1967 – 1970. – М., 2009. – 637 с.
11. Шелест П. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. – М. 1994. – 612 с.

Литература:

12. Аксютин Ю. Общественные настроения в СССР (1953 – 1982) // Россия в XX веке: Реформы и революции. в 2 т. – т. 2.: сб. науч. тр. / Ин-т российской истории Рос. акад. наук; под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2002. – 542 с.

УДК 93/94

Юзмухаметов Р.Н.

*Западно-Якутский научный центр Академии наук
Республики Саха (г. Мирный, Якутия)*

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АЛМАЗНОЙ ГЕОЛОГИИ**

R. Yuzmukhametov

*Western Yakut Scientific Centre of Academy of Sciences
of the Republic of Sakha (Mirny, Yakutia)*

**FROM THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF RUSSIAN
SCIENTIFIC SCHOOL OF DIAMOND GEOLOGY**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы научного обеспечения поисков алмазов в нашей стране с конца 40-х гг. прошлого века, становления и развития научной школы отечественной алмазной геологии, от которой и сегодня геологи ждут новых идей, прорывных технологий и методических разработок по обеспечению высокой эффективности в поисках алмазных месторождений. Своя научная школа сформировалась к началу нынешнего тысячелетия и среди геологов-алмазников, которыми были подготовлены и изданы целый ряд монографий, учебников и пособии, в которых впервые в систематизированном виде охарактеризованы все основные этапы прогнозирования, поисков и разведки месторождений алмазов.

Ключевые слова: геологи - алмазники, Якутская и Архангельская алмазоносные провинции, Вилюйский алмазоносный бассейн, Якутская комплексная экспедиция АН СССР, всесоюзные алмазные совещания, ЯНИГП ЦНИГРИ.

Abstract. The article deals with the problems of scientific provision of prospecting of diamonds in our country in the late 1940-s, as well as with the establishment and development of scientific school of Russian diamond geology. The author states that this scientific school is able to ensure modern geologists with new ideas, leap-ahead technologies and methodological developments in providing high efficiency in prospecting of diamond deposits. Our own scientific school had formed by the beginning of this millennium and the geologists of diamond industry have prepared and published quite a number of monographs, textbooks and manuals, in which all principal stages of diamond forecasting, prospecting and exploration were classified for the first time.

Key words: diamond geologists, Yakut and Arkhangelsk diamondiferous provinces, Viluy diamondiferous basin, Yakut complex expedition of the Academy of Sciences of the USSR, national diamond conferences, YaRGE of CRGEI (Yakut Research Geological Enterprise of Central Research Geological Exploration Institute).

Открытия в середине 50-х гг. прошлого века месторождений алмазов в нашей стране на территории Якутии, нареченные журналистами и писателями «событием века», сыграли важную роль в последующем экономическом развитии России. Выявление Якутской, а затем и Архангельской алмазоносных провинций и создание на их базе отечественной алмазодобывающей промышленности представляет собой выдающееся событие в истории России.

Уже после первых находок в 1949 г. в Западной Якутии алмазов здесь началось планомерное изучение геологии Вилюйского алмазоносного бассейна различными научными организациями, и в первую очередь АН СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 1 февраля 1949 г. на АН СССР было возложено изучение алмазоносности Сибирской платформы. Для этого при Центральной Сибирской комплексной экспедиции Института геологических наук (ИГН) АН СССР была организована алмазная группа, которую возглавил доктор геолого-минералогических наук В.С. Трофимов. В 1950 г. при ИГН АН СССР была создана специальная Якутская комплексная экспедиция (1950-1955 гг.). Экспедиция не занималась непосредственно поисками алмазов. Ей было поручено решение специальных вопросов геологии Сибирской платформы, выявление возможных источников алмазов и общая оценка перспектив алмазоносности данной территории.

К различным исследованиям в новую экспедицию были привлечены геологи-ученые: А.П. Лебедев, А.А. Арсеньев, В.И. Гоньшаков, А.А. Меняйлов, В.А. Комар, Н.М. Чумаков, М.Е. Бердическая, В.И. Муравьев, А.Г. Косовская, В.Д. Шутов, В.А. Вахрамеев, М.Н. Алексеев, Н.С. Зайцев, П.Е. Оффман, А.С. Новикова, В.В. Ляхович и др. За время работы экспедицией была изучена стратиграфия и литология Западной Якутии, петрография траппов, процессы формирования пород, слагающих бассейн р. Вилюй и др. Значительная часть этих исследований опубликована в изданиях АН СССР [8, с. 144].

30 мая 1951 г. на межведомственном совещании АН СССР была поставлена задача со-

ставить сводку по алмазоносности отдельных регионов СССР. АН СССР взяла на себя задачу по составлению научно обоснованного заключения по алмазоносности отдельных регионов СССР с выдвижением новых районов для постановки на их территории работ на алмазы¹. Но, несмотря на многочисленные научные заключения сотрудников АН СССР в отношении коренных источников алмазов на Сибирской платформе, им не удалось выработать конкретные предложения по поиску месторождений алмазов.

Первые коренные месторождения алмазов в нашей стране были открыты геологами-практиками методом «пироповой съёмки», т. е. по минералам-спутникам алмаза, разработанным в конце 1953 г. ленинградскими геологами Н.Н. Сарсадских и А.А. Кухаренко. 21 августа 1954 г. геологом Центральной экспедиции (ЦЭ) Л.А. Попугаевой было открыто в Западной Якутии первое коренное месторождение алмазов – кимберлитовая трубка «Зарница». В следующем 1955 г. геологами Амакинской экспедиции были открыты богатейшие месторождения алмазов – кимберлитовые трубки «Мир» и «Удачная». В настоящее время можно с уверенностью сказать, что открытие первых коренных месторождений алмазов в России произошло бы значительно ранее, если бы поисковые работы были обеспечены опережающими научными исследованиями, более четким определением цели поиска – кимберлита, с точным указанием характерных черт его петрографии и минералогии, включая сведения о минералах-спутниках.

3 июня 1955 г. Президиум АН СССР одобрил и утвердил доклад Якутской комплексной экспедиции (ЯКЭ) АН СССР. В докладе отмечалось, что «Западная Якутия может считаться основной алмазоносной провинцией Советского Союза...» [3, с. 28]. ЯКЭ АН СССР рекомендовала форсировать поисково-разведочные работы Министерства геологии и охраны недр СССР на алмазы, поиск и изучение коренных месторождений, орга-

¹ Фонды Амакинской геологоразведочной экспедиции. Ед. хр. 339.

низовать всестороннее изучение якутских кимберлитов, разработать методику извлечения алмазов из кимберлитов, продолжить комплексные работы по изучению природных условий и ресурсов Западной Якутии, включить в план шестой пятилетки создание промышленных предприятий по добыче алмазов в бассейне р. Вилюй¹. Именно эти рекомендации ЯКЭ и решения президиума АН СССР положили начало разработке подготовительных мероприятий по промышленному освоению алмазных месторождений Якутии.

Вскоре после этого геологами были обобщены первые результаты изучения якутских алмазов и кимберлитов, подготовлены первые научные коллективные труды. Среди них необходимо в первую очередь отметить фундаментальные монографии «Алмазы Сибири» (1957 г.) [1] «Алмазные месторождения Якутии» (1959 г.) [2]. В первой книге впервые было дано описание открытых в Якутской АССР коренных месторождений алмазов, рассматривались петрография и минералогия кимберлитов, кристаллография и минералогия алмазов. Во второй – была дана подробная геологическая характеристика отдельных алмазоносных районов Сибирской платформы с описанием кимберлитов. Вместе с геологами АмГРЭ соавторами этих книг стали геологи-алмазники из ведущих научных организаций Москвы, Ленинграда, а также Новосибирска.

С конца 50-х гг. прошлого столетия в нашей стране проводился большой комплекс тематических и научных исследований по изучению алмазов, вещественного состава кимберлитов, по обобщению геологических и геофизических материалов с целью создания прогнозных карт, усовершенствования методов поисков коренных месторождений алмазов в районах со сложным геологическим строением. Крупнейшими специалистами по петрографии кимберлитов стали геологи-алмазники: А.П. Бобриевич, А.А. Панкратов, А.Д. Харьков, по минералогии – И. П. Илупин, Г.М. Музыка, Г.И. Смирнов, кри-

сталлографии алмазов – З.В. Бартошинский, Н.А. Бобков, М.А. Гневушев, Э.С. Ефимова, В.П. Жихарева, В.И. Коптиль, по физическим свойствам кимберлитов – Г.Г. Камышева, Д.И. Саврасов, по физическим свойствам алмазов – Ю.М. Биленко.

В конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века произошел своего рода естественный «раздел сферы влияния» в алмазной геологии между научно-исследовательскими и производственными геологическими организациями страны. Центральный научно-исследовательский геологический институт (ЦНИГРИ) возглавил направление по разработке методик поисков, разведки и подсчетов запасов месторождений алмазов, Всесоюзный геологический институт (ВСЕГЕИ) – региональные геолого-съемочные исследования, Научно-исследовательский институт геологии Арктики (НИИГА) – изучение северной и северо-восточной окраин Сибирской платформы, институты СО АН СССР (гг. Новосибирск, Иркутск, Якутск) и другие многочисленные творческие коллективы вузов и НИИ – изучение вещественного состава кимберлитовых тел, условий их образования и становления, закономерностей пространственного размещения, решения частных задач прогноза и методов поисков алмазных месторождений. Все эти исследования координировались и объединялись во многие целевые программы, посвященные определенным проблемам алмазной геологии. Главным координатором работ выступали Министерство геологии СССР, АН СССР и Якутское территориальное геологическое управление. Итоги выполненных работ подводились на регулярных всесоюзных алмазных совещаниях, где также формулировались новые проблемы и акцентировалось внимание на необходимости первоочередного решения тех или иных задач алмазопромышленной геологии. Первое всесоюзное совещание было проведено в 1961 г. в Якутске, второе – в 1966 г. в Перми, третье – в 1974 г. в Мирном, четвертое – в 1980 г. в Симферополе, пятое – в 1985 г. в Архангельске, и шестое – в 1990 г. – в Иркутске [9, с. 6]. Так, например, на Втором Всесоюзном совещании по геоло-

¹ Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия). Ф. 3. Оп. 209. Д. 49. Л. 4 – 8.

гии алмазных месторождений в г. Перми приняло участие более двухсот представителей геологоразведочных экспедиций и научно-исследовательских институтов. На совещании были заслушаны и обсуждены 45 докладов. Совещание рекомендовало усилить геолого-поисковые работы на алмазы в Мало-Ботуобинском, Далдыно-Алакитском, Анабарском и Приленском районах Якутии, а также в бассейне р. Вишеры и северных районах Западного Урала. Большое внимание было также уделено вопросам комплексного применения шлихоминералогических, геофизических и геохимических методов [6, с. 188].

В 1957 г. в Якутске был открыт Институт геологии СО АН СССР – ныне Институт геологии алмаза и благородных металлов (ИГАБМ СО РАН), который непосредственно был ориентирован на изучение месторождений алмазов Якутской алмазоносной провинции, научный прогноз открытия новых месторождений, разработку современных технологий обработки алмазного сырья. Долгое время это направление здесь возглавлял В.В. Ковальский, создавший якутскую «алмазную» научную школу. Её яркими представителями стали крупные исследователи алмазной геологии: З.А. Алтухова, Ю.П. Барашков, В.В. Бескрованов, Ф.Ф. Брахфогель, Г.П. Буланова, А.В. Варшавский, А.П. Григорьев, А.И. Зайцев, Г.В. Зольников, В.П. Корнилова, В.К. Маршинцев, В.А. Милювене, К.Н. Никишов, О.Б. Олейников, А.Ф. Сафронов, Г.Б. Смелова, П.П. Шамаев, Э.А. Шамшина и др. [5, с. 6].

В середине 60-х гг. прошлого века довольно подробно исследованиями алмазных месторождений страны стал заниматься ЦНИГРИ. Здесь была открыта лаборатория геологии коренных и россыпных месторождений алмазов во главе с Б.И. Прокопчуком. В первую очередь лаборатория занялась обобщением опыта по изучению, поискам и разведке всех известных типов алмазных месторождений в нашей стране. В результате в 1970 г. под редакцией директора ЦНИГРИ И.С. Рожкова было издано методическое руководство «Геологические основы и методика поисков и разведки месторождений алмазов» [4, с. 52].

В те же годы сотрудники ВСЕГЕИ, в составе которого был создан отдел алмазов во главе с М.В. Михайловым, продолжали регионально-геологические исследования на Сибирской платформе, что позволило уточнить ряд вопросов, касающихся проблем ее алмазоносности. Проводились исследования и в районах с россыпной алмазоносностью на западном склоне Среднего Урала. В этих работах принимали участие И.И. Краснов, А.А. Кухаренко, Н.Н. Сарсадских, М.И. Плотникова, Н.П. Вербицкая, Ю.Д. Смирнов, Г.Н. Келль, В.Л. Масайтис, В.А. Багулькина, О.И. Кардопольцева, О.Г. Салтыков, Е.И. Корнутова, М.В. Михайлов, Т.В. Селивановская и др [7, с. 14].

Для научного обеспечения алмазопроисловых работ в Западной Якутии в 1968 г. в Мирном по инициативе И.С. Рожкова создаётся Алмазная лаборатория ЦНИГРИ, с 1982 по 1988 гг. – Якутский отдел комплексных исследований ЦНИГРИ, с 1988 г. – Якутский филиал ЦНИГРИ, затем – Якутское научно-исследовательское геологоразведочное предприятие (ЯНИГП) ЦНИГРИ. В 1992 г. это предприятие, как и геологические экспедиции, базирующиеся на территории Мирнинского района, вошло в состав ПНО «Якуталмаз» – АК «АЛРОСА».

За истекшие годы ЯНИГП ЦНИГРИ АК «АЛРОСА» разработало и внедрило в геологоразведочное производство сотни рекомендаций по направлениям и методике поисков месторождений алмазов, в том числе: радиоволнового просвечивания при поисках кимберлитов; определения надежности геолого-поисковых систем; установления типизации ареолов рассеивания кимберлитовых минералов. Разработаны основы прогнозирования и поисков месторождений алмазов, автоматизированные системы принятия решений и пакеты прикладных программ обработки информации. Основные научные разработки геологов-алмазников нашли отражение в более чем 30 книгах и тысяче научных статей. Получено более 20 авторских свидетельств по методам исследований и поисков [10, с. 5].

Но, несмотря на все достижения «алмаз-

ной» науки, геологам так и не удалось разработать четкие поисковые критерии алмазных месторождений, обозначить действительно богатые новыми месторождениями перспективные районы. Основными причинами такого положения были оторванность научных организаций от практической деятельности экспедиций и отсутствие их ответственности за конечные результаты, бесправность науки в выборе направлений и методик организации геологических работ в поле.

Начиная с 70-х гг. прошлого века поисковые работы на алмазы в основном сосредоточены в так называемых закрытых, т. е. характеризующихся сложной поисковой обстановкой территориях. В их пределах затруднено применение традиционных поисковых методов, которые ранее обеспечивали высокую эффективность работ. Все это вынуждает геологов увеличивать объемы научно-методического обеспечения геологоразведочных работ и разработку новых высокоэффективных методов и методик их проведения.

По-прежнему немалую роль в решении проблемы алмазоносности территории нашей страны играет сотрудничество геологов-алмазников со своими коллегами из научно-исследовательских институтов: ЯНИГРП ЦНИГРИ, «ВНИИОкеангеология» - «Севморгео» (НИИГА), НПО «Аэрогеология», ЦНИГРИ, ИГАБМ СО РАН, ВСЕГЕИ, ВостСибНИИГиМС, ИГиГ СО РАН и др.

Своя научная школа сформировалась к началу нынешнего тысячелетия и среди геологов-алмазников, которыми были подготовлены и издан целый ряд монографий, учебников и пособий, в которых впервые в систематизированном виде охарактеризованы все основные этапы прогнозирования, поисков и разведки месторождений алмазов. Среди них можно отметить А.В. Харькова, Н.Н. Зинчука, А.И. Крючкова, В.М. Зуева, Е.Д. Черного, Е.И. Бориса, В.А. Цыганова, А.В. Герасимчука, З.В. Специуса, А.Я. Ротмана, В.И. Коптиля, В.П. Афанасьева, Ю.А. Дукардта, Н.Н. Романова, В.Т. Подвысоцкого, С.А. Граханова, В.И. Никулин, М.И. Лелюх, Е.Н. Малышеву, А.Д.

Савко, А.В. Толстова, С.И. Митюхина, Ю.М. Эринчек, В.М. Подчасов, В.Е. Минорин, Б.С. Ягнышев и др.

Начиная с 70-х – 80-х гг. прошлого века проведение поисковых работ на алмазы в нашей стране планировалось и осуществлялось на основе и с учетом результатов анализа комплектов сначала геолого-геоморфологических карт, а позднее – и разного рода геологоструктурных построений, базирующихся на все более интенсивно внедряющихся аэрогеофизических и наземных магнитометрических, гравиметрических методах исследований прогнозных территорий. По мере накопления новых знаний и фактического материала по особенностям геологического строения алмазоносных регионов, специфичности состава коренных, россыпных месторождений, условиям их залегания, а также в связи с привлечением новых методов и методик геологических исследований, эволюция научных взглядов и представлений о генезисе алмазосодержащих пород последовательно трансформировалась и видоизменялась. При этом расширялся и комплекс критериев, признаков прогноза и поиска алмазных месторождений. Но, тем не менее, до сих пор доминирующее положение занимает факт обнаружения самого алмаза и его минералов-спутников.

В настоящее время можно сказать, что алмазопроисловая отрасль России имеет достаточно прочное научно-методическое обеспечение. Вместе с тем необходимо отметить, что в сложившихся условиях наиболее рациональным представляется максимальное объединение усилий всех занимающихся «алмазной» проблемой научных и производственных коллективов для более эффективной координации поисковых работ на территории страны.

В алмазной геологии до сих пор ещё остается немало сложных вопросов, связанных с оценкой перспектив алмазоносности отдельных районов, в том числе из-за отсутствия надежных локальных критериев обнаружения коренных первоисточников алмазов. Тем не менее накопленный на сегодня в нашей стране опыт региональных и специализированных

исследований, новые технологии дают возможность надеяться, что продолжение работ по проблеме алмазности с использованием имеющегося научного потенциала и при поддержке заинтересованных государственных организаций и частного бизнеса может обеспечить решение этих вопросов и привести к открытию новых перспективных районов и новых месторождений алмазов в России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алмазы Сибири. – М.: Госгеолтехиздат, 1957. – 160 с.
2. Алмазные месторождения Якутии. М.: Госгеолтехиздат, 1959. – 528 с.
3. Васильев А.А. За солнечный камень. – Якутск, 1975. – 128 с.
4. Васильев А.А. Алмазная эпопея. – Якутск, 2002. Т. 1. – 183 с.
5. История геологической науки Якутии. – Якутск, 2007. – 382 с.
6. Ляхович В.В. Алмазные экспедиции. – М.: ГЕОС, 2000. – 265 с.
7. Масайтис В.Л., Морозов А.Ф., Петров О.В., Эринчек Ю.М. Геолком – ВСЕГЕИ: вклад в региональное прогнозирование, поиски и открытие месторождений алмазов // Эффективность прогнозирования и поисков месторождений алмазов: прошлое, настоящее и будущее. – СПб., 2004. С. 12 - 14.
8. Наумов Г.В. Геолого-географические исследования и поиски полезных ископаемых в Западной части Якутской АССР // История исследовании полезных ископаемых экспедициями АН СССР. – М.: Наука, 1966. – С. 125-150.
9. Ягнышев Б.С., Герасимчук А.В. Вклад науки в развитие алмазопромышленной геологии // Наука и образование. – 2005, № 4. – С. 5 - 9.
10. ЯНИГП ЦНИГРИ – 30 лет. – Мирный, 1998. – 16 с.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

Артамонов С.С.

Московский государственный областной университет

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К ЦЕРКВИ

S. Artamonov

Moscow State Regional University

DISCUSSION OF RELIGIOUS SCHOOL SUBJECTS AS AN INDICATOR OF RUSSIAN SOCIETY'S ATTITUDE TO THE CHURCH

Аннотация. Данная статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем российских церковно-общественных отношений – преподаванию основ религии в светских школах. Автор освещает как историю проблемы, так и современное её состояние, указывает наиболее активных оппонентов Церкви в дискуссии. Для иллюстрации отношения общества к этой проблеме использованы данные социологических опросов. Делается вывод о недостаточно высоком уровне доверия общества к Церкви.

Ключевые слова: православие, Церковь, духовно-нравственное воспитание, основы православной культуры, светская этика.

Abstract. This article is devoted to one of the most important problems of interrelations between the society and the Church in Russia: to teaching the religious subjects in state schools. The author presents both the past and the present of the problem, gives names of the most active opponents of Church in the discussion. The results of some public opinion polls are used as an illustration of society members' attitude. The article concludes that there's insufficient level of confidence to the Church in Russian society.

Key words: Orthodoxy, Church, spiritual and moral education, bases of Orthodox culture, secular ethics.

Одной из наиболее спорных инициатив Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в современной России стало введение в программу государственных общеобразовательных школ религиозного компонента. Данное предложение вызвало немалый общественный резонанс, и на этом примере мы имеем возможность наблюдать отношение российского общества как к самому институту церкви, так и к религии в целом.

О необходимости внедрения религиозного компонента в систему государственного образования иерархи РПЦ высказывались ещё в 90-е гг. прошлого века. К этому времени относятся и первые попытки организации сотрудничества между государственными общеобразовательными учреждениями и Церковью [9]. Однако курс «Основы религиозных культур и светской этики», который в настоящее время преподаётся в качестве эксперимента, был

разработан лишь в конце первого десятилетия XXI в, явился результатом общественной дискуссии и в определённой степени общественного компромисса. Он существенно отличается от первоначально предложенного Церковью. Поэтому, на наш взгляд, для уяснения отношения общества к религии и РПЦ целесообразно рассмотреть как исторический аспект проблемы, так и её сегодняшнее состояние.

Очевидно, что Церковь усматривает в государственной школе очень мощный канал для своей пропаганды среди населения, для ознакомления его с православным вероучением и ценностями. Именно поэтому изначально высказывалось пожелание ввести в школах России предмет, аналогичный Закону Божьему в дореволюционной России [9, с. 16]. Проведённое ВЦИОМ в 2001 г. исследование показало, что почти половина россиян (48%) положительно относится к такой инициативе, но более трети граждан (36%) – отрицательно [5]. На первый взгляд, эти цифры свидетельствуют о достаточно уверенных позициях Церкви в российском обществе. Однако необходимо заметить, что гражданам предлагалось высказаться за или против преподавания «основ религии, Закона Божьего». Как справедливо отмечают некоторые исследователи [16], речь, по сути, идёт о двух совершенно разных предметах: основы религии – это предмет культурологического характера, позволяющий ученикам ознакомиться с историей и основами вероучения религии, а Закон Божий – это курс, имеющий своей целью непосредственно катехизацию учащихся. Учитывая это, можно сделать вывод, что результаты опроса показывают высокую степень доверия населения к религии как социальному явлению, а не конкретно к институту Церкви.

Начало общественной дискуссии было положено публикацией в 2002 г. первых учебно-методических материалов по предполагаемому курсу. Во избежание открытого попрания конституционного принципа отделения школы от Церкви был предложен предмет «культурологического характера» под названием «Основы православной культуры» (далее

– ОПК). Однако учебник А.В. Бородинной по ОПК, получивший одобрение РПЦ [4], по мнению представителей научного сообщества (В.Л. Гинзбург и некоторые другие члены РАН) [13] и правозащитников (Л. Пономарёв) [8, с. 133 - 134], содержал изложение всё того же Закона Божьего и поэтому не мог считаться учебником по светской дисциплине. Становится очевидным стремление РПЦ не просто познакомить учеников с особенностями православной веры, но и воцерковить их. Именно в этом проявляется разнонаправленность интересов Церкви и правозащитников – и, как следствие, конфликт между ними [8, с. 133 - 134]. Помимо правозащитников своё недовольство планами введения религиозного предмета в школах высказали также некоторые политики – в основном, придерживающиеся либеральных взглядов (И. Хакамада, несколько представителей «Яблока») [6, с. 20 - 102]. Противостояние движения «За права человека» и РПЦ является показателем того, что последняя в своей деятельности не намерена ориентироваться на либеральную идеологию, поэтому взаимное непонимание между РПЦ и либерально настроенной частью общества вполне может усиливаться.

В целом негативной была и реакция научного сообщества. Вслед за известным «письмом десяти академиков» [13] последовало ещё одно обращение научного сообщества к Президенту с критикой ОПК [10]. И, несмотря на то, что определённая часть российских учёных (в частности, И.В. Понкин – известный исследователь светскости государства) [11] поддерживает курс Церкви на интеграцию в систему государственного образования, в целом научное сообщество, как минимум, не одобряет данных инициатив. И, хотя открытый конфликт РПЦ и научного сообщества маловероятен, нужно учитывать, что любое столкновение их интересов может пагубно повлиять на социальное развитие России.

Неоднозначная реакция российского общества на попытки введения ОПК может свидетельствовать о недостаточно высоком уровне доверия к РПЦ в России. По данным исследования Левада-Центра, в 2007 г.

к планам введения в школах ОПК «целиком положительно» относился только 31% опрошенных [17]. В то же время встреченные Церковью сложности вынудили её вести конструктивный диалог с Минобрнауки, результатом которого явилось появление блока из шести предметов «Основы религиозных культур и светской этики», инициатива введения которого была поддержана Президентом [14], и дальнейшее повышение интереса учёных к проблеме [15].

Одновременно с желанием идти на уступки, со смягчением позиции Церкви по поводу преподавания православия, в школах происходило некоторое изменение отношения российских граждан к этому вопросу. Так, ВЦИОМ отмечает рост числа сторонников преподавания «основ религии, Закона Божьего» с 48% в 2001 г. до 53% в 2009 г. [5]. В то же время Левада-Центр сообщает, что «целиком положительно» к введению ОПК в 2009 г. относились 25% опрошенных, а «скорее положительно» – 44% (в 2005 г. – 31% и 36% соответственно) [17]. Данные цифры, на наш взгляд, показывают очень осторожное отношение общества к инициативам Церкви: увеличение числа сторонников преподавания религии в школе произошло в тот момент, когда Церковь перестала настаивать на религиозной сущности нового предмета и заявила о его «культурологическом характере». Кроме того, данные ВЦИОМ весьма наглядно демонстрируют, что высокий процент положительно относящихся к преподаванию в школе «основ религии, Закона Божьего» достигается в основном за счёт опрошенных из старших возрастных групп, то есть априори не имеющих детей школьного возраста.

Одновременно с появлением возможности выбора учащимися одного из шести предметов курса «Духовно-нравственное воспитание» стало возможным более подробно изучить отношение российского общества к Церкви и религии. По результатам опросов, в 2009 г. изучение основ одной из «традиционных» религий России (православия, ислама, иудаизма, буддизма) выбрали бы для своих детей 21% опрошенных. Предмет «История

религий» – 27%, светскую этику – 19% [5]. В сумме сторонников двух предметов светского характера оказывается больше, чем сторонников всех религиозных курсов вместе. Можно считать, что Церкви как общественному институту выказало доверие не более 1/5 населения России.

Весной 2010 г. было объявлено количество учащихся, родители которых выбрали тот или иной предмет курса «Духовно-нравственное воспитание» в рамках нового образовательного эксперимента. Из общего числа учащихся, участвующих в эксперименте, «Основы православной культуры» будут изучать лишь 25%, в то время как два светские предмета – более 55%. Наиболее низкие рейтинги у ОПК – в Сибирском, Уральском и Приволжском федеральных округах (в отдельных регионах – до 0%; такие данные поступили из Пензенской области) [12]. Реакция на эти цифры Церкви и отдельных её представителей, задействованных в данном проекте, оказалась резко отрицательной – вплоть до обвинений чиновников в «мухляже» [1].

Однако приходится констатировать, что относительно низкая популярность ОПК среди населения в целом соответствует сегодняшним настроениям в российском обществе. Рейтинг РПЦ нельзя назвать высоким: её деятельность в ряде отношений не находит поддержки у большинства граждан России. Чуть выше котируются православие, ислам, иудаизм, буддизм как «традиционные» верования. Но более всего россияне доверяют не тем или иным конфессиям, а религии как таковой – без конкретизации и выбора определённой религиозной системы. Именно с этим, на наш взгляд, связано большое число желающих изучать «Историю мировых религий» в рамках школьной программы. Очевидно, что разочарование представителей Церкви вызвано несоответствием числа выбравших для изучения ОПК (25%) и данных ВЦИОМ, согласно которым до 75% опрошенных идентифицируют себя как православные [3]. Однако на примере эксперимента с ОПК мы видим, что россияне почти не знают основ православия и вообще мало инте-

ресуются православным вероучением, но по некоторым причинам всё равно называют себя православными. Это подтверждается и результатами социологических опросов [5]. Вероятно, православие рассматривается ими не столько как религиозная система, сколько как культурное явление, поэтому прямого отождествления православной веры с РПЦ не происходит.

С принятием нового образовательного стандарта РПЦ получает существенно меньше возможностей влиять на общество посредством государственных школ, чем изначально ожидалось церковными иерархами [7, с. 148]: в рамках эксперимента изучать православную культуру будут не все и даже не большинство детей. Однако даже такой результат можно признать для Церкви успешным. Она получает возможность ознакомить около 25% учащихся с православием и, в конечном итоге, увеличить число прихожан. Но, как нам представляется, выполнена более важная и актуальная задача. Церковь может изучить настроения в сегодняшнем российском обществе, увидеть реальную степень доверия к себе и своим предложениям и уже на основании этих данных строить в дальнейшем свою политику по взаимодействию с российскими государственными и общественными институтами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борьба за души или за рейтинг? URL: http://www.ng.ru/editorial/2010-04-01/2_red.html (21.04.2012 г.)
2. Вардомская Е.Е. Регулирование межконфессиональных отношений, деятельность религиозных организаций и иные вопросы религии в законодательстве субъектов Российской Федерации. URL: http://www.dpr.ru/pravo/pravo_22_13.htm (21.04.2012 г.)
3. Верим ли мы в Бога? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13365> (21.04.2012 г.)
4. Заключение экспертизы отдела религиозного образования РПЦ учебника А.В. Бородиной. URL: <http://borodina.mrezha.ru/arhiv-opk/zaklyuchenie-ekspertizy-otdela-religioznogo-obrazovaniya-rpts-uchebnika-a.-v.-borodinoi.html> (21.04.2012 г.)
5. Закон Божий или светская этика: чему учить детей в школе? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=12442> (21.04.2012 г.)
6. Кузнецов М.Н., Понкин И.В. Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия. Правовой анализ. – М.: УНЦ ДО, 2005. – 215 с.
7. Луховицкий В. Религиозное образование в светской школе // Пределы светскости: обществ. дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести / Информ.-аналит. центр «Сова»; сост. А. Верховский. – М.: Центр «Сова», 2005. – 265 с.
8. Митрохин Н.. Клерикализация образования и реакция современного российского общества // Пределы светскости: обществ. Дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести / Информ.-аналит. Центр «Сова»; сост. А. Верховский. – М.: Центр «Сова», 2005. – 265 с.
9. «Мы идем к сближению...» Беседа с игуменом Иоанном (Экономцевым), председателем отдела религиозного образования и катехизации Московской Патриархии // Русь державная. – М., 2000. – № 2 (69).
10. Обращение 1700 ученых к Президенту РФ по поводу введения православия в школах и теологии в вузах. URL: <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=62834> (21.04.2012 г.)
11. Обращение 227 докторов и кандидатов наук к президенту РФ в связи с введением ученых степеней по теологии и преподаванием в школах дисциплин о религиях. URL: <http://www.interfax-religion.ru/orthodoxy/print.php?act=documents&id=716> (21.04.2012 г.)
12. Объявлено соотношение школьников, которые будут изучать православие и светскую этику. URL: http://gazeta.ru/news/lastnews/2010/03/16/n_1470635.shtml (21.04.2012 г.)
13. Политика РПЦ: консолидация или развал страны? URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/34730.html> (21.04.2012 г.)
14. Поручение Президента РФ Д. Медведева от 02.08.09 г. http://www.apkpro.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=2490&pop=1&page=0&Itemid=623 (21.04.2012 г.)
15. Реутов Н.Н. Социокультурные практики интеграции светского и религиозного образования: монография. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2009. – 168 с.
16. Черняховский С.. Тающий мираж. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22043.htm> (21.04.2012 г.)
17. Школа: преподавание на национальных языках и основы православной культуры. URL: <http://www.levada.ru/press/2009090301.html> (21.04.2012 г.)

УДК796.5(470):327

Панов А.И.

Московский государственный областной университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

A. Panov

Moscow State Regional University

THE RUSSIAN FEDERATION'S NATIONAL POLICY IN TOURISM: PROBLEMS AND THEIR SOLUTION

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации государственной политики Российской Федерации в сфере туризма. По мнению автора, главной проблемой для российского туризма является его трактовка исключительно в контексте идеологии потребительского общества, как предоставления услуг удовольствия, с одной стороны, и потребления их, с другой. Это делает туризм доступным преимущественно состоятельным гражданам и иностранцам. Автор полагает, что такому пониманию туризма государство должно противопоставить военно-патриотический и образовательный туризм, носящие массовый характер. В статье сформулированы некоторые рекомендации по корректировке государственной политики Российской Федерации в сфере туризма в указанном направлении.

Ключевые слова: туризм, государственная политика, военно-патриотический туризм, образовательный туризм, патриотизм.

Abstract. The article analyses the problems of realization of the Russian Federation's national policy in tourism. The author considers understanding tourism only through consumer society ideology to be the main problem, i.e. to treat tourism as a source of providing with services of delight, on the one hand, and consuming them, on the other hand. This makes tourism to be affordable mainly for the wealthy and foreigners. The author states that such understanding of tourism should be changed by the state through introducing patriotic and educational tourism to a greater extent. The article presents some recommendations on correcting the Russian Federation's national policy in tourism in the direction indicated by the author.

Key words: tourism, national policy, patriotic tourism, educational tourism, patriotism.

В современном глобализирующемся мире всё большее значение приобретает туризм. Как отмечается в Гагской декларации 1989 г., современный туризм стал деятельностью, «имеющей важнейшее значение для жизни людей и современных обществ, превратившись в важную форму использования свободного времени отдельных лиц и основное средство межличностных связей и политических, экономических и культурных контактов, ставших необходимыми в результате интернационализации всех секторов жизни наций... Он является одновременно следствием и решающим фактором качества жизни в современном обществе. Поэтому парламентам и правительствам следует уделять все более активное внимание туризму с целью обеспечения его развития в гармоничном соответствии с обеспечением других основных потребностей и видов деятельности общества» [1].

Уделяется внимание развитию туризма и в России. В последние годы в стране начала складываться государственная политика в сфере туризма, появилась значимая цель, облекаясь в национальные программы. В Федеральном Законе «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» государственная политика в сфере туризма в России определяется как «составная часть социально-экономической и культурной политики Российской Федерации, которая вырастает из отношения государства к туризму, определяет цели, направле-

ния, формы деятельности органов государственной власти Российской Федерации и её субъектов в сфере туристской деятельности, а также отношений, возникших при реализации прав граждан на отдых, свободу передвижения и иных прав при совершении путешествий» [10, с. 8].

В контексте институционализма государственная политика – это, прежде всего, функционирование Парламента и Правительства, призванных определить направление деятельности в создаваемых законах и подзаконных актах и осуществить конкретные действия по реализации норм в жизнь; а также деятельность средств массовой информации, дающих информацию, концентрирующих внимание граждан, создающих туристические «бренды» и т. д.

В соответствии с Федеральной целевой программой «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)», утвержденной постановлением Правительства России № 644 от 2 августа 2011 г., на развитие туризма в стране планируется выделить около 100 млрд. рублей. Деньги предполагается потратить на развитие инфраструктуры: строительство дорог, аэропортов, отелей и кемпингов. Выполнение данной программы предполагает, что в Россию должны войти, въехать и прибыть до 23 миллионов человек, а рынок туристических услуг возрастёт в 4,7 раза, что в денежном выражении составит до 417 млрд. рублей [6].

Надежды государства на развитие туристической сферы объясняются не только желанием политической элиты пополнить за счет доходов от туризма государственную казну, но также желанием решить (хотя бы отчасти) социальные проблемы внутри страны.

Более двадцати лет в России шел процесс разрушения промышленного и сельскохозяйственного производства. На фоне деградации реального сектора экономики несколько лучше выглядела сфера услуг. В условиях увеличения безработицы туризм стал той отраслью хозяйства, которая, в отличие от промышленности и сельского хозяйства,

создавала для граждан государства рабочие места. Казалось бы, развитие туризма в России является взаимовыгодным для власти и общества. Но так ли всё просто? Попробуем разобраться.

Серьезной опасностью для российского туризма является его «прочтение» исключительно в контексте идеологии потребительского общества, как предоставление услуг удовольствия, с одной стороны, и потребления их, с другой.

По прогнозу Всемирной Туристской Организации, к 2020 г. Россия может войти в первую десятку стран – самых популярных направлений туризма. По оценке экспертов ВТО, Российская Федерация занимает 15 место в мировой классификации по посещаемости иностранцами, что составляет 2,5% мирового рынка въездного туризма. Прирост в процентном отношении в 1999 г. по сравнению с 1998 г. составил 5,23%. В настоящее время Россию посещает порядка 17,5 млн. иностранцев в год (в т. ч. с целью туризма только 2,5 млн. чел. в год – 14,3 % от общего объема), что составляет около 2,5% мирового потока [8].

Наиболее перспективными направлениями развития туристической сферы в России считаются развитие сельского туризма и создание этнопарков [9]. Однако в тех странах, где нет развитой промышленности, не развит интеллектуальный потенциал, туризм становится доступным лишь для богатых граждан и иностранцев.

Возможен ли иной вариант? Прежде всего, это ставка на внутренний туризм, «прочтенный» в контексте политики воспитания патриотизма. Наряду с так называемым «элитным туризмом», направленным на удовлетворение эстетических потребностей граждан, должен иметь место туризм, преследующий целью воспитание любви к своей Родине.

Одним из вариантов такого туризма может быть известные ещё с советских времен маршруты «Дорогами Победы!»: автопробеги, велопробеги и другие формы. Автор лично неоднократно организовывал подобные ме-

роприятия. В 1982 г. под нашим руководством курсанты Таллинского военно-политического училища прошли на лыжах от Таллина до Ленинграда, по пути выступая с концертами в клубах и школах перед русской и эстонской молодёжью. В 1984 г. состоялся велопробег по маршруту Таллин – Киев – Симферополь. В 1989 г. – конный поход курсантов Горьковского высшего командного строительного училища по чапаевским местам Горьковской области и Чувашии. В 1990-е гг. курсанты того же училища осуществили автопробег по маршруту Горький – Волгоград – Керчь – Симферополь – Курск – Москва – Горький. И везде проводилась воспитательная работа с местной молодёжью [2; 3; 5; 7; 11].

К сожалению, сегодня утрачен опыт и преданы забвению технологии в области развития военно-патриотического и образовательного туризма (нормативные документы, подготовка туристских кадров, разработка туристских маршрутов, производство снаряжения, информационные базы данных и многое другое). Накопленный за последние 80 лет опыт практически не востребован.

Вместе с тем современное Российское государство как политическая структура не может существовать без воспитания у своих граждан любви к Родине, чувства гордости за её великие дела в прошлом и настоящем. Посещение Городов-героев и Городов воинской славы оказывают сильнейшее психологическое воздействие на молодёжь. Но, к сожалению, современные мероприятия, посвященные Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., иногда пытаются превратить в красочное шоу, с явным выхолащиванием сути события.

По мнению автора, организация туристических маршрутов по местам боевой славы приведёт не только к росту гордости и любви к своему краю, но и будет финансово выгодна. В этом случае доходы рядовых российских граждан, желающих посмотреть, прикоснуться к историческим местам, могут быть сопоставимы с доходами от нефти и газа.

Однако для всего этого нужны первичные инвестиции в подготовку кадров, финансо-

вая помощь и информационная поддержка средств массовой информации. Но во всех этих трёх составляющих на сегодняшний день больше декларативности, нежели серьёзной планомерной работы.

Всплеск внимания к истории нашего Отечества, проявившийся в 1990-е гг., выявил отсутствие комплексного государственного подхода к развитию туризма в стране. В этот период руководство туризмом было рассосредоточено по 14 ведомствам. Сегодня положение дел несколько изменилось, однако ставка государства на приток частного капитала в сферу туризма не вполне оправданна. Как представляется, частный капитал стремится лишь к извлечению прибыли, а вовсе не поощряет познание молодёжью истории своей страны.

Для изменения сложившейся в современной России ситуации необходимы следующие действия.

1. Государственная политика по развитию туризма должна выделить именно молодёжный туризм как приоритетное направление воспитания молодого поколения.

2. Необходимо создать специальную федеральную программу развития молодёжного туризма, направленного не только на извлечение коммерческой выгоды, а и на воспитание патриотов своей Родины.

3. В Федеральном агентстве по делам молодёжи следует создать центр подготовки общественных и государственных туристических кадров.

4. Необходимо, целенаправленное выделение финансовых средств на развитие туризма, формирование новых институтов и структур, где должно быть чёткое разделение поставленных перед этой отраслью задач: экономических, политических и идеологических.

5. Необходимо чтобы российские средства массовой информации не только пропагандировали зарубежные туристические диковины, но рекламировали бы успехи и достижения России, воспитывая своих граждан в духе патриотизма и гордости за свою Родину.

Как первый шаг к такому пониманию туризма можно рассматривать подписанные странами Содружества Независимых Государств Межправительственные Соглашения о сотрудничестве в области туризма, создание Совета по туризму государств-участников соглашения о сотрудничестве в области туризма, принятие Рекомендательного законодательного акта об участии стран СНГ в области туризма.

На важность внутреннего туризма для развития экономического потенциала страны совершенно верно указывал ректор Российской Академии туризма И. Зорин, характеризуя советский опыт в этой сфере: «Туризм, активные виды времяпрепровождения получали активную поддержку государства, оно было заинтересовано в организации полноценного отдыха, как средства восстановления и приумножения работоспособности населения, живой силы, главного элемента производительных сил страны. И это не громкая, идеологически окрашенная фраза, это действительно так: государство заботилось о живой части производственного потенциала» [4].

Развивая российский туризм, важно помнить, что, показывая свою страну, мы тем самым закрепляем в сознании наших граждан её красоту и величие. Указом третьего Президента России Д.А. Медведева 2012 г. объявлен годом Российской истории. И это не случайно: он богат юбилейными датами, которые делают историю нашей Родины уникальной и славной. История наших предков – это огромных пласт воспитательных возможностей не только для жителей России, но и для всего человечества.

При реализации национальных интересов России в условиях глобализации необходимо применить имевший место в прошлом положительный опыт государственной политики

в области развития туризма, получить экономическую выгоду и нейтрализовать возможные негативные факторы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гагская декларация по туризму. Принята 14 апреля 1989 г. [Электронный ресурс] // Российский союз туриндустрии [сайт] – URL: http://www.rostourunion.ru/pages/rus/proekty_v_rst/megdunarodnye_pravovye_akty/gaagskaya_deklaraciya_po_turizmu (дата обращения 14.01.2012)
2. Григорьев И. Конный поход // Маяк. – 1989. – 22 июля.
3. Дорогами боевой славы // Страж Балтики. – 1984. – 14 декабря.
4. Зорин И. Похвальное слово учредителю. – URL: www.nnat.ru/2006/10/09/poxvalnoe-slovo-uchreditilyu (дата обращения 16.01.2012)
5. Панов А.И. По местам былых боёв // Маяк. – 1990. – 5 июня.
6. Постановление Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644 «О федеральной целевой программе “Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 - 2018 годы)”» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант» [Сайт]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071986> (дата обращения 16.02.2012)
7. Равняясь на Знамя Победы, с героев берём мы пример! // Знамя Родины. – 1982. – 23 февраля (№ 7).
8. Современное состояние туристического рынка в России. [businessrest.ru>content/document_r_85E7249C-...](http://businessrest.ru/content/document_r_85E7249C-...) (дата обращения 16.01.2012)
9. Сурнина В.В. Направления совершенствования современной государственной политики туризма: сельский туризм // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «История и политические науки». – 2011. – № 4. – С.168-176.
10. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 4 октября 1996 года // Туристское законодательство России. – Ч. 1. – М., 1997.
11. Ходили мы походами // Турист. 1990. – № 2. – С. 20.

УДК 32.001

Рудакова Е.Н.

*Российская таможенная академия
(г. Люберцы)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

E. Rudakova

Russian Customs Academy, Lyubertsy

STATE EDUCATIONAL POLICY: STAGES OF FORMATION AND CURRENT STATE

Аннотация. Современная образовательная политика может стать мощным фактором социального, культурного, политического обновления нашей социальной системы, поскольку выступает не только объектом, но и субъектом модернизации.

В статье автор рассматривает многовековой исторический опыт России в развитии и совершенствовании системы обучения и воспитания, анализирует современные политические аспекты реформирования и модернизации образовательной системы страны. Обращает внимание на то, что модернизация образования – это политическая и общегосударственная, общественная и общенациональная задача, она не должна и не может осуществляться как ведомственный проект. Активными субъектами образовательной политики должны стать все граждане России, семья и родительская общественность, профессионально-педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты – все, кто заинтересован в развитии образования.

Ключевые слова: образование, образовательная политика, реформирование, модернизация, государство, общество.

Abstract. Modern educational policy can become a powerful factor of social, cultural, and political updating of Russia's social system due to the fact that it is not only the object, but also the subject of modernization.

The author considers the centuries-old historical experience of Russia in developing and improving its system of education. Up-to-date political aspects of reformation and modernization of the country's educational system are analyzed. The fact that the modernization of education is a political, nation-wide, public and national task is stressed in the article. It is stated that this process shouldn't and can't be carried out as a departmental project. The author considers that all citizens of Russia: family and parents, professional and pedagogical communities, scientific, cultural, commercial and public institutions – everyone who is interested in the development of education should become active subjects of educational policy.

Key words: education, educational policy, reformation, modernization, state, society.

Государственная власть в России всегда уделяла значительное внимание проблемам образования, однако характер образовательной политики в различные периоды был разным. Российская система обучения и воспитания прошла сложный путь развития и совершенствования. Христианизация Киевской Руси, начавшаяся в 988 г., стала мощным стимулом развития образования: в стране стали применяться методы, заимствованные из античных греко-римских школ, а также начала формироваться новая самобытная культура. Профессионализация образования развивалась благодаря реформаторской деятельности императора Петра I, заложившего основы систематического образования в России. В стране были созданы духовные, военные, инженерные, цифирные и другие школы. Дело Петра I продолжила Екатерина II, способствовавшая открытию городских школ, училищ, Российской академии, внедрению классно-урочной системы.

Демократическими начинаниями в области образования ознаменовалось начало XIX в. – этому способствовала новая система народного образования и управления учебными заведениями, согласно которой стала соблюдаться преемственность учебных заведений, вводилась бесплатность и бессловность образования (не распространявшаяся, впрочем, на крепостных). В конце XIX в. наметились проблемы, актуальные и по сей день. Одной из важнейших является создание национальных школ с целью сохранения культуры и традиций малых народов.

После Великой Октябрьской революции 1917 г. целью реформирования образовательной сферы было провозглашено формирование мировоззрения свободных членов общества. В июле 1918 г. был принят декрет «Об организации дела народного образования в РСФСР», определивший не только основные принципы организации народного образования и его государственность, но и отменивший сословные, религиозные, национальные ограничения в образовании, что позволило ввести единую систему бесплатного двухступенчатого обучения. «Положение о единой Трудовой школе РСФСР», опубликованное в октябре 1918 г., было ориентировано на соблюдение преемственности между звеньями системы образования, построение обучения на основе сочетания с производительным трудом. Целью государственной политики стало обеспечение всех слоёв населения доступным средним и высшим профессиональным образованием, которое было необходимо для будущей форсированной индустриализации страны. С 1922 г. (заключения «Договора об образовании СССР») вопрос об образовании стал приоритетным для молодого государства. Несмотря на все трудности восстановления народного хозяйства после Гражданской войны, на развитие образования выделялись крупные денежные средства. Система образовательных учреждений в виде начальной и средней школы, сложившаяся к середине 1930-х гг., просуществовала с незначительными изменениями не одно десятилетие.

Государственная образовательная политика к середине 1980-х гг. все более принимала форму деклараций, а в самом образовании господствовали технократические подходы.

Появившиеся в период перестройки негативные тенденции общественного развития сказались и на образовании: сокращение бюджетного финансирования образовательной сферы на 60% привело к превращению образования в одну из проблемных сфер государства. В 1990-е гг. негативные тенденции развития проявились еще отчетливее. Разрушение единого образовательного пространства СССР, отсутствие адекватной стратегии развития страны, чрезвычайно низкое бюджетное финансирование государственных высших и средних учебных заведений, свертывание фундаментальных и прикладных исследований, разрушение научных и педагогических школ, снижение статуса ученого и педагога – привели к утрате многих достижений отечественного образования.

Начало процессу реформирования образования положил Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования РСФСР» (1991 г.), а затем – Федеральный Закон «Об образовании» (1992 г.). Документы зафиксировали государственно-общественный характер управления образованием, его общедоступность и автономность, установили федеральные государственные образовательные стандарты.

Вторым этапом российской образовательной реформы стало формирование Федеральной программы «Развитие образования в России» (1994 г.). Внесенные в Закон РФ «Об образовании» (1996 г.) поправки сформулировали основные направления национальной системы образования, в соответствии с которыми провозглашался «гуманистический проект» образовательной деятельности: воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, приоритет общечеловеческих ценностей, защита и развитие в системе образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей многонациональной России и пр. В это же

время были приняты и другие нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность сферы образования. В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утвержденной Указом Президента от 01.04.1996 г. № 440, был определен курс на обеспечение сбалансированного решения социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. В Законе «О высшем и послевузовском образовании» от 22.08.1996 г. №125-ФЗ был зафиксирован принцип автономии и свободы высших учебных заведений.

Третий этап реформ характеризуется принятием Постановления Правительства РФ «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» – основополагающего государственного документа, устанавливающего прерогативу образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития. Доктрина провозглашает приоритетной целью приобретение Россией статуса великой державы в сфере образования, культуры, искусства, науки, высоких технологий и экономики, а также обеспечение высокого качества жизни народа и национальной безопасности. Сроки, на которые рассчитана реализация Доктрины образования, – 25 лет. Согласно Доктрине, система образования должна обеспечить выполнение таких основных целей, как:

1) историческая преемственность поколений, развитие национальной культуры, патриотическое воспитание детей и молодежи, их разностороннее и своевременное развитие;

2) организация учебного процесса с учетом современных достижений науки, непрерывность образования в течение всей жизни человека, вариативность образовательных программ, направленность на личностно ориентированное обучение и воспитание подрастающего поколения;

3) воспитание здорового образа жизни, развитие детского и юношеского спорта;

4) формирование экологического воспитания, основанного на бережном отношении населения к природе и т. д. [5].

Основные положения Доктрины представлены в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Цель разработки Концепции – определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008-2020 гг.) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе. Концепция направлена на обеспечение возможности получения качественного образования; переход от системы массового образования к непрерывному индивидуализированному образованию для всех; развитию образования, неразрывно связанному с мировой фундаментальной наукой, ориентированному на формирование творческой социально ответственной личности [6]. Расходы по реализации Концепции в образовательной сфере за счет государственных и частных источников, должны к 2020 г. составить 6,5–7% валового внутреннего продукта страны. В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. стратегической целью является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI в., занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан.

Согласно «Основным направлениям деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» приоритетными направлениями в образовательной сфере провозглашаются приведение содержания и структуры профессиональной подготовки кадров в соответствие с современными потребностями рынка труда и повышение доступности качественных образовательных услуг [7]. На всех уровнях образования пла-

нируется внедрить образовательные стандарты с целью обеспечения компетентностного подхода, обеспечить взаимосвязь фундаментальных знаний и практических умений, что, в свою очередь, должно отразиться на актуализации системы аттестации работников образовательной сферы, а также на введении нормативно-подушевого механизма оплаты образовательных услуг и механизмов оценки качества и востребованности данных услуг потребителями. Планируется также наращивать потенциал в получении государственных или муниципальных заказов для реализации основных образовательных программ по конкурсу, как государственными, так и негосударственными организациями.

«Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» и «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» нашли отражение в «Федеральной целевой программе развития образования на 2011-2015 годы», которая является организационной основой государственной образовательной политики. Программа указывает направления по реформированию образовательной сферы страны и обеспечивает их осуществление, предполагает в своей основе учет республиканских, региональных и отраслевых программ развития образования, реализующих специфику национальных и региональных социально-экономических, экологических, культурных, демографических и прочих проектов, и претворяет вопросы, отнесенные к ведению субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и отраслевых ведомств в соответствии с законодательством об образовании. Целью Программы является обеспечение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного социально ориентированного развития Российской Федерации, а задачами – модернизация общего и дошкольного образования как института социального развития; приведение содержания и структуры профессионального образования в соответствие с по-

требностями рынка труда; развитие системы оценки качества образования и востребованности образовательных услуг [3].

Тенденции и проблемы, проявившиеся в российской системе образования в последние годы, а также предпринимаемые с 90-х гг. XX в. попытки реформирования данной сферы в целом и целом находятся в русле общемировых процессов развития национальных систем образования. Специфика и парадокс современной России заключается в том, что по многим параметрам российское образование соответствует аналогичным системам развитых стран, но по экономическим показателям (по оценке ООН) сравнимы лишь с показателями развивающихся стран [2; с. 3-4].

Модернизация российского образования – важная составная часть социальной политики нашего современного государства, приковавшая к себе внимание правительства, политических партий, широкой общественности, ведь современное образование – это залог развития России в грядущем столетии. Данные обстоятельства и предопределили специфику современной реформы образования: она стала не сугубо министерским делом (как это было раньше), а проводится с привлечением исследовательских центров, кафедр университетов, ученых и педагогов, экономистов, социологов и философов, психологов и политологов. Впрочем, не всегда реформирование осуществляется по жесткому и строгому плану. Нередко преобразования представляют собой своеобразную цепь проб и ошибок в процессе поиска новых путей развития образования. В некоторых случаях в контекст реформ вплетаются поспешные и непродуманные новшества, отнюдь не способствующие улучшению дел. Процессы обновления и модернизации в образовательной системе часто не успевают за изменениями в экономике, науке, культуре, в социальных отношениях и общественном сознании.

Имеющее место ухудшение качества образования, на наш взгляд, вызвано несколькими обстоятельствами: во-первых, регулярным его недофинансированием как из государственных, так и из частных источников, и,

во-вторых, господством представлений об образовании как о системе трансляции знаний при игнорировании вопросов формирования навыков и ценностей, необходимых личности в современном информационном обществе.

Модернизация общества предполагает формирование новой культуры, ценностями которой являются самостоятельность и предприимчивость, соединенные с активной гражданской позицией. Совершенно очевидно, что образование призвано сыграть в этом процессе важнейшую роль. Между тем действующая система образования не отражает нужд и запросов современного общества. Несбалансированное, перегруженное материалом сегодняшнее школьное образование вынуждает многих детей расплачиваться своим здоровьем за необходимость освоения нынешних учебных программ. Профессиональное образование, в свою очередь, еще не способно в должной мере решить проблему «кадрового голода». В условиях экономического расслоения общества все эти недостатки усугубились еще и неравным доступом граждан к качественному образованию [1; с. 7-9].

Состояние образовательной сферы нашего государства требует незамедлительного решения проблемы опережающего развития системы образования: обучения с привлечением информационных технологий, создания единой образовательной информационной среды путем сущностного изменения содержания, методов и организационных форм образования, направленных на повышение его качества. Перечисленные проблемы не могут быть решены только путем использования рыночных механизмов – для этого нужна политическая воля государства.

Таким образом, модернизация образования – это политическая и общегосударственная, общественная и общенациональная задача, она не должна и не может осуществляться как ведомственный проект. Во всех развитых странах образовательные реформы были успешны, если проводились сильной государственной властью совместно с обще-

ством. Интересы общества и государства в области образования далеко не всегда совпадают с отраслевыми интересами самой системы образования, а потому проработка и обсуждение этого важнейшего вопроса не могут замыкаться в рамках образовательного сообщества. Активными субъектами образовательной политики должны стать все граждане России, прежде всего, семья и родительская общественность, профессионально-педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты – все, кто заинтересован в развитии образования.

Российской системе образования необходимы широкая поддержка проводимой образовательной политики со стороны общественности, восстановление ответственной и активной роли государства в этой сфере. Все это позволит российскому образованию достойно конкурировать с системами образования передовых стран мира. Результаты даже самой удачной реформы или модернизации не могут существенно изменить общий характер современного образования, если не содержат стимулов и механизмов смены его концептуальных основ, а этого можно достичь, лишь учитывая действие принципа всеобщей связи, законов диалектики, общемировых тенденций.

Современная образовательная политика может стать мощным фактором социального, культурного, политического обновления Российской Федерации, поскольку выступает не только объектом, но и субъектом модернизации, универсальным феноменом, мощным рычагом и внутренним ресурсом этого процесса, основным двигателем развития и накопления интеллектуального и духовного потенциала нации, воспроизведения демократических ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байгарова К.С. Глобализация и проблемы национальной безопасности России: автореферат дисс. ... канд. полит. наук. – М.: ГУУ, 2003. – 24 с.
2. Байгарова К., Мешков А. Безопасность – забота общая // «Европа», журнал Европейской комиссии. – 2001. – №10(17). – С. 3-4.

3. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 № 163-р [Электронный ресурс] // Официальный ресурс Министерства образования и науки Российской Федерации [сайт]. [2011]. URL: <http://mon.gov.ru/press/news/8286/> (дата обращения 05.04.2012).
4. Пещеров Г.И., Пещеров В.Г. Социально-политические проблемы развития региональных образовательных систем в контексте социокультурной трансформации Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «История и политические науки». – 2009. – № 4. – С. 198-201.
5. Постановление Правительства РФ от 04.10.2000г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 октября 2000 г. – № 41. – Ст. 4089.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17.11.2008г. «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-ресурс Министерства экономического развития Российской Федерации [сайт]. [2008]. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/doc20081117_01 (дата обращения 06.04.2012).
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1663-р от 17.11.2008 «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации [сайт]. [2008]. URL: <http://правительство.рф/gov/results/1173/> (дата обращения 06.04.2012).

НАШИ АВТОРЫ

Андреева Александра Васильевна – соискатель кафедры теории и истории искусства Санкт-Петербургского государственного гуманитарного университета профсоюзов; e-mail: art-aleks@list.ru

Артамонов Сергей Сергеевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: rollingbeatle@mail.ru

Варшавский Дмитрий Игоревич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: mr.varshavski@mail.ru

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

Горностаев Андрей Викторович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: andreygornostaev@gmail.com

Еремеев Андрей Александрович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, учитель истории гимназии №1504 (г. Москва); e-mail: oandrei13@mail.ru

Жиляков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, декан исторического факультета, заведующий кафедрой зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова; e-mail: ivan1948@yandex.ru

Захаров Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: v.zakharov@inbox.ru

Захаров Георгий Владимирович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: Egor2022@yandex.ru

Захарова Людмила Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Самарской академии государственного и муниципального управления; e-mail: zakharova_luda@mail.ru

Зевелева Елена Александровна – кандидат исторических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе (г. Москва); e-mail: gum-n-rggru@mail.ru

Колоухин Сергей Олегович – аспирант кафедры истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна); e-mail: skoloukhin@yandex.ru

Коровчинский Иван Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: korin3@yandex.ru

Красноженова Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Астраханского государственного университета; e-mail: eelena@inbox.ru

Кукуль Николай Владимирович – аспирант кафедры политической истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: nikolai.kukil@yandex.ru

Маишин Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный

сотрудник-консультант Института всеобщей истории Российской академии наук (г. Москва); e-mail: dir@igh.ru

Монякова Ольга Альбертовна – кандидат исторических наук, докторант кафедры общей педагогики, истории педагогики и образования, старший научный сотрудник Центра изучения региональной казуальной истории Шуйского государственного педагогического университета, директор Ковровского историко-мемориального музея; e-mail: museum-kovrov@mail.ru

Панасюк Виктор Вячеславович – старший преподаватель кафедры истории и культурологии Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева; e-mail: victor7777@mail.ru

Панов Анатолий Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: evrazia@mirbis.ru

Предигер Берта Иосифовна – соискатель кафедры отечественной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: berta.prediger@ya.ru

Раздольский Сергей Александрович – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону); e-mail: saraz.r@yandex.ru

Родин Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социальных дисциплин Педагогической академии последипломного образования Московской области; e-mail: Rodin.Tolia@yandex.ru

Рудакова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (г. Люберцы); e-mail: elena_nikolaevna_rf@mail.ru

Соломатина Елена Ивановна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: soloalyona@yandex.ru

Третьякова Наталья Мезаиловна – доцент кафедры гуманитарных наук Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе (г. Москва); e-mail: gum-n-rggru@mail.ru

Фирсов Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной педагогики Московского государственного областного университета; e-mail: mihaile_firsov@mail.ru

Чернявский Алексей Викторович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: aleksei_chernyav@mail.ru

Шерстянников Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе (г. Москва); e-mail: gum-n-rggru@mail.ru

Юзмухаметов Ришат Нурғалиевич – кандидат исторических наук, заместитель председателя Западно-Якутского научного центра Академии наук Республики Саха (Мирный, Якутия), председатель профсоюза работников АК «АЛРОСА» «Профалмаз»; e-mail: ruzmuhametov@mail.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «История и политические науки»

2012. № 4

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*

литературный редактор *Т.О. Волобуева*

переводчик *Е.В. Приказчикова*

корректор *Н.Л. Борисова*

компьютерная верстка *А.В. Тетерин*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru

Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 14,75, усл. п.л. 22,25.

Подписано в печать 22.10.2012. Заказ № 622.

Отпечатано в типографии МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть издательские расходы «Вестника МГОУ» на ее публикацию. В журнале не будут публиковаться статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой подписки на «Вестник МГОУ».

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации, автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Одновременно автор дает согласие на доступ своих персональных данных неограниченному кругу лиц.

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik-mgou.ru>), пункт «Информация для авторов».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Потаповой Ирине Александровне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru